

Анатолий Можаровский

Я сын травы, деревьев, птиц
Поэтические тетради

Том второй

Київ
“Неопалима купина”
2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.

М75 Я сын травы, деревьев, птиц... Поэтические тетради. Т.2. —
К.: Неопалима купина, 2010. — 432 с.

ISBN 978-966-8093-90-6

ISBN 978-966-2002-03-4

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК

ISBN 978-966-8093-90-6
ISBN 978-966-2002-03-4

© Можаровський А.І., 2010.
© Протопоп В.Р., ілюстрації, 2010.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2010.
© Видавництво «Неопалима купина», 2010.

В далекую вечность

Жаркие ночи весенние
так коротки,
но сколько
в них любви,
сколько раз
возвращается,
как навсегда утерянное,
счастье,
и пыл огня
горящих глаз,
хотя везде еще ненастье,
снег,
и мрачный вид природы.
Но те часы,
невидимые нам,
уже отбили время —
все бросилось в любовь.
Не остановить
влечение друг к другу.
Весна.
И я на крыше,
как кот,
что на охоту вышел,
до неба
до седьмого
достучался.
Какая нега,
какая радость!
Я бы здесь
навсегда остался.

07.03.09

Перекошенные лица, —
только во сне такое снится, —
измененные и нереальные
по форме,
по выражению,
тем более
сопровождаются словами,
которые как пули,
стрелы с ядом
по телу и сознанию,
и шрамов
не сосчитать.
Театр...
И сколько раз,
и сколько мест,
и режиссеры в ряд
лежат и греются на этом.
Ох эти бесы —
езде и всем!
Но попадают к ним
не все,
есть стойки,
дух — стена из камня,
его ни пробить
ни совратить,
знамя его
нельзя украсть
на поле сражения
за власть
души.
Но их мало.
И ради них мир стоит
упрямо,
ради них Бог
спасает нас.

И мы живем,
учимся у них,
святых.
Но мы слабы,
и дух наш
затих.

07.03.09

Через стекло окна
грустно граничащего
с мокрым туманом
я вижу линии
дома
архитектуры старой
еще непознаной.
Камни спящие в тумане,
застывшие
на века
дома и здания
города Святых дыханий
с деревьями на улицах,
которые уже не спят
медленно протягивая
ветви к солнцу
закрытому
серой мглой —
дождь который день.
Неловко
мне теперь,
путнику родной земли.
Пришла весна,
и я дожил —
Бог продолжает
опекать меня,
но я пока-что ненадежный
духом,
меня манит
то, что я давно
должен забыть,
а город мой —
поддержка мне, —
тоже нежно
продолжает
меня любить.

08.03.09

Кровь сколько будете
пить с нации?
С нации сколько пить
будете кровь?
Власть предержажие
и орава воров
рядом снующих,
как вороны за падалью?
Нация мудрая,
нация уставшая
от слов демонических,
речей убаюкивающих,
а кровь рекою
к этой ораве пьющей —
им все мало.
Копят богатство
на тысячу лет
своим отрокам.
Но загляните-ка в историю:
все это было —
империи падали,
богатство гнило...
Куда все девалось?
За срок короткий
исчезало, растворялось,
а грехи родителей —
на поколений много, —
ложились на плечи
хилых вельможек.
Им нести
грехи эти
через столетия
за мзду предков.
Кровь нации
в рожах холеных,
кровь нации...
Сколько можно?

09.03.09

Мелкий-мелкий морсящий
дождь
ветром носимый
то взад, то вперед —
все пространство
в пелене воды.
Кричат воробьи
большой стаей
на мокрых кустах.
Усталый вид...
Вороны застыли
на старых дубах.
Мокро и сыро.
Весна.
Почки готовы
вот-вот
превратиться в листву.
Солнца нет
много дней —
подожду.
Весна,
хочу я или нет,
но встреча с ней
много лет,
как в первый раз...
Ты помнишь
тот первый раз?
Эмоции, чувства...
Вся жизнь —
на потом ...
Весна.
Птицы щебечут
на мокрых кустах,
с веток стекают
капли дождя —
все, как всегда,
но сейчас,
все же,
как в первый раз.

Весна в пути
сейчас.
Еще день, два —
уйдет вода.
Солнце, зелень.
Весна.

09.03.09

Дуб
устремил
свои ветви в небо,
двести лет ему,
не меньше.
Мощный ствол
стройный-стройный —
взгляд застыл,
не оторваться.
Рядом пень,
большой,
от дуба
такого же большого.
Пень трухлый,
подгнивает от воды.
Не избежал беды,
болезни
древний витязь,
упал засохший, умерший.
Выла пила
от натуги,
перегрева,
металл стонал,
ломался.
Пилу меняли,
и начинали снова.
Работы много.
Эх, работа
хоронить
такую силу...
Всему начало есть
и есть конец,
а между ними
драма — жизнь.
Остался пень,
который догнивает век...

Уходит всё,
уходят все,
и в этом горя нет:
это — жизнь.

09.03.09

Наступит день
для каждого особый,
свой, последний,
когда вдруг
мир в глазах застынет,
все остановится,
и сгинет прошлое
и будущее в миг.
Бояться этого не нужно,
но помнить надо жизнь.
Я всегда наслаждался
ею
сполна,
и во всем
радость находил,
и верил
что Земля мой,
данный Богом, дом,
и я хозяин всей земли:
полей, лесов, лугов и рек,
и люблю каждый листок,
снежинку, дождь.
Наслаждение жизнью,
наслаждение миром,
природой
любимой,
близкими и родными людьми:
упивайтесь днями,
упивайтесь часами,
упивайтесь минутами,
упивайтесь мгновениями.
Жизнь потрясающе
красива, нежная.
Жизнь —
дар от Бога
вам всем.

10.03.09

Огромные программы
обучения обезьяны,
отринув идею Бога,
партийным бонзам,
программы по превращению
обезьян в коммунистов:
то с палкой добывать пищу,
то банан отыскивать
с микроскопом.
Деньги тратились,
звания ученые множились.
Обезьяна осталась приматом,
человек незаметно опускался
и становился гадом.
Строй сменился,
тенденции усилились.
Обезьяны живут
в частных зоопарках —
не обиделись
за желание вверх вытянуть.
А утром ранним
днем весенним
толпа обездоленных
мусорные баки
щекочет,
рыскает, выворачивает —
им есть нечего.
Они, как бездомные приматы,
по-прежнему.
Деньги тратятся
на обслуживание
“элиты”,
на сцене молодые и старые
паяцы
веселят столицу.

Жизнь для кого-то —
рай с борделем,
а кто-то падает вниз,
как с качелей.
Жизнь годится
в общем сложении:
роскошь и мусорные баки...
Бр-р...
И нет утешения.

12.03.09

Рождение весны —
таинственные процессы:
боль пробивает и ломает виски,
неровно стучит сердце —
мир невидимых
и высоких энергий.
Все связано воедино.
И человек в этом сплетении.
Его место большое,
ради него
Бог продолжает круг движения.
Человек для Бога
и Бог для человека.
Взрыв —
и солнце в полнеба,
в его лучах
купается планета,
зелень с земли в глазах
рвется
к небу.
Тайна рождения
из ничего.
И хлеб и к хлебу
рождение весны,
и человек
перерождается —
вчера грустный с зимы,
сегодня всем улыбается.
Расцветает природа,
расцветают женщины,
глаза людей излучают свет
и радость наполняет сердце.

12.03.09

Разум и ум,
умный и разумный —
разные понятия.
В сфере научной —
умный, начитанный —
хранилище мыслей
чужих и личных,
но перепутанных в личности.
Умные заключения
или умозаключения —
выход на публику
для самоудовлетворения
своих амбиций
и своего тщеславия.
Умный не видит
обстоятельств
и главного:
слов много,
но мало пользы.
Разумный ищет
выход из неволи
навязанной умным
и находит.
Но не только себе,
а всему народу.
Разумный — в Боге,
и Его боится,
разумный верит
в высшие истины:
заученные фразы
мудрецов и философов
редко подскажут
путь-дороженьку.
Разумный мыслит,
не о себе думая.
Побеждает разум,
а ум умничает.

13.03.09

Из серого неба
сквозь мрачность пространства
мокрый снег на землю
и — тает,
после солнечных дней.
А где-то весна...
Серых ворон
полон двор,
вид их чуть грустный,
и что-то со мной...
Я рад был весне,
а здесь — снова тревога,
тяжесть на сердце,
нет мне покоя —
ожидание горя,
ожидание бед.
Это уносит меня
мокрый снег,
уносит сознание
в мрачность пространства.
А там все так серо
и все так печально...
Весна затерялась,
и кто же знает:
где?
Когда вновь вернется
по мокрой тропе?
А снег все кружится,
сырость и грязь,
земля вновь водицей
напитана вкрай,
деревья притихли
и птиц нет на них.
Весна затерялась...
Родная, вернись!

14.03.09

Дорога петляет по лесу
зимнему,
ели кудрявые
сосны могучие
с хвоей густой
снегом осыпаны.
Дорога петляет,
дорога домой.
Небо голубое
пронизано солнцем,
легкий мороз,
и лошади быстро
спешат вместе с сердцем —
до дома дорога.
А дома то нет.
Остался лишь в памяти...
Летом
огромное солнце
встает на рассвете,
душе беспокойно —
она хочет в гости
в далекие страны.
А город из камня,
женщины
в блеске
витрин с фонарями,
там музыка ночью
и гул ресторанов.
Там все, что дал Бог
в душе умирает.
Огромное солнце,
тоска и надежда,
я помню дорогу,
асфальт и радость мечты
о новом,
таком скрытом, мире,
манящем, как солнце...

Город кумиров
все захлестнул,
завертел —
побольше, подальше, ещё!..
И вот лес
этот зимний,
знакомый когда-то...
Не изменился,
Лес этот, брат мой.
Дорога домой,
которого нет.
Родители ждали
так много лет —
ушли в небеса.
А я все надеюсь
увидеть то лето,
то солнце,
как впервые тогда,
в детстве далеко...
Огромные ели
в лесу одиноки
как и я.
Кто-то срезал верхушки
себе в новый год:
подарки, игрушки...
Дорога домой,
которого нет,
который ушел
с мамой навек.
Дорога домой
петляет меж сосен.
И кони несут
меня...
Куда?
Знает Бог только.

14.03.09

Безразличие к событиям,
безразличие к обстоятельствам,
безразличие к жизни,
может быть умираю я?

Нет!

Просто от усталости
я не слышу чужой боли,
моя боль заглушает
все.

Как в неволе
тело и душа
в пост этот великий.
пришла весна
и я плачу
о ее красе.

Крики
в глубине сердца:
— Не обращай внимания!

Не думай о чести!

Не реагируй на
импульсы тела!

Брось все,
даже карьеру,
уйди в глушь природы
и растворишься там...

Уже ушли морозы,
скоро будут листья,
зеленые, первые,
запахи весенние,
цветы и тени —
от солнца наваждения.

Влюбиться бы мне
опять...

Но безразличие
к новым чувствам —
была
любовь
да уходит,
и только осадок греха
тревожит.
Боль своя, как рубашка,
ближе к телу,
но я люблю всех вас,
вы мне
не надоели.

15.03.09

Старые хаты,
крыши потемневшей соломы,
белые мазанки.
На подворье —
спорыш, подорожник,
несколько вишен,
чернобровцы, любисток
и мальвы
у тына,
плетень,
перелаз...
Моя Украина!
Спорыш, как ковер,
вдоль тропинок, дорог,
подорожников листья...
Пылятся дороги
летом горячим,
лошади тянут телеги
с рожью и сеном,
лошади трудятся
вместе с людьми.
Ночью звезды, луна
и собачий лай
по селу —
перекличка барбосов,
рыжих, охочих
продемонстрировать
преданность хате.
Уставший хозяин,
хозяйка с детьми...
Все было вчера:
детвора,
повсеместно
огромные школы,
и вечное желание
каждого:
оставить,
бросить
эти подворья,

уехать туда,
где заводы, шахты и стройки,
где север, болота,
где много водки,
уехать с земли,
почему-то всем надоевшей,
из рабских колхозов
в рабские клещи
металла и ржавчины,
грохота, шума...
Черт перевернул
головы людям,
и все уезжали, бежали
туда.
А там — кто спивался,
кто добивался чего-то
как будто.
Хаты сгнивали.
Вместо них появились
другие —
кирпич, шифер,
асфальт во дворе.
Исчезли там дети,
людей стало мало,
и водка — рекой,
от которой сгорала
моя Украина.
И чернобривцы,
и мальвы, и любисток
стали редки,
и больше не снится
сельская тишь,
а снятся кошмары,
где ты стоишь
у грязных заводов,
высотных домов,
где груды бетона,
где мэры-дебилы
сносят старинные рынки
и строят квартиры.

“Элита”
вчераших селян,
забывших истоки,
гонит высоты
уродуя мир.
Моя Украина
уходит, как пыль,
по жарким дорогам,
ветром и бурей
несется по кругу.
Моя Украина...

15.03.09

Папики, девки
вчера как кураж
Сегодня уже — антураж,
как костюм от “Версаче”,
часы от “Женева”,
бумажник “Дюпонт”.
Офонарели
вчерашие профи
фарцы
и торговли,
сегодня они — олигархи,
и сводни
питают их мясом
любви юной-юной.
И “папик” балдеет
от счастья —
жизнь олигарха
полна наслаждений:
яхты, машины,
но главное —
девки,
они держат планку
мозгов их свинячих,
а секс —
бокс боксеров лежащих.
И тешат себя,
бросая монету,
“патроны культуры,
вершители судебных
планеты”.

15.03.09

Перезвон колоколов
утром ранним
в воскресенье,
я иду в собор
поклониться мощам,
святым, нетленным,
поставить свечи за родных,
друзей и близких,
за всех живых
и ушедших в мир неблизкий.
Перезвон колоколов,
мелкий снег с небес застывших,
голуби кружат хоровод
над куполами храма.
Выше голову,
оставь
за воротами и оградой
все страхи, глупости,
и рай в душе
воскреснет,
ведь там засорено все.
Я помню точно:
в душе был рай,
но потихоньку,
я мрак туда впускал —
угар страстей...
Теперь вот, — храм,
и труд, и труд
очистить душу
и вдохнуть
от радости и счастья
на земле,
как голуби,
которые кружатся
в вышине.

15.03.09

*Посвящается
Людмиле и Бруно*

Горечь утраты,
боль ухода
в мир тонкий,
к Богу.
Горечь расставаний,
и маленькие дети...
Я знал тебя мало,
но что-то заметил
легкое и неземное.
Ты — родная душа —
ушла к Богу.
Я чувствовал твою смерть...
Молюсь.
И буду молиться:
успокойся душа,
время смириться...
Все в движении,
все меняется.
Ты ушла,
не попрощавшись,
очень рано
в начале весны,
вслед
за моей мамой.
Сестра,
упокойся в Боге,
молюсь за тебя,
грешный.
Брат, терпи...
Ты сможешь.

15.03.09

Годы,
как листья осенние
улетают,
уносятся ветром
и исчезают.
Те, что лежат под деревьями,
мокнут в дождях,
холодных осенних,
покрываются снегом,
весной превращаются в пыль,
гонимую ветром.
И новые листья —
зеленые, яркие,
но ненадолго.
Все повторится —
банально и просто.
Но красиво.
Возраст
никак не имеет значения
в круге природы.
Годы и годы...
Каждому годы свои
прожитые.
Кому-то кажется — много,
Кому-то
они все — живые,
с ними расстаться
оставить, забыть,
как листья после зимы
превратить в пыль —
невозможно.
В них, этих точках отсчета,
столько всего,
и все — как впервые.

Годы мои
сегодня суровы,
я расстаюсь
с многими близкими мне,
бесконечно
уходят они
в далекую вечность
меня оставляя
молиться за них.
Годы мои
тают и тают,
и время летит,
улетает...

17.03.09

Несется что-то и куда-то,
смешивается в кашу,
которую едят
под пиво,
и брови красятся красиво...
Ведущая программы
сообщила,
что наша газотранспортная
система
перепила
и рвется вся в Европу,
соединиться хочет с той.
И я ей верю.
Вчера слышу:
рельсы трамвайные
собрались
домой к мэру,
который то ли прораб,
то ли сказочный Емеля, —
рельсы хотят жить
с ним на даче:
он закрыл маршрутные трамваи.
А магазины
говорят, что едут
тоже по Европе —
их перепрофилировали,
и теперь они все в попе:
нет торговли,
той, что была раньше,
в них сейчас —
салоны красоты и банки.
И кризис
начал собирать свои
баулы —
напился крови в Украине
и уезжает,
поучиться, в азиатские аулы,

детей своих —
в элитные университеты
Штатов,
изучать систему ипотеки.
Я уезжаю в гости.
Куда?
Секрет.
А то вы лопнете от злости.

18.03.09

Звуки скрипки
в моем сердце,
звуки боли и тоски
о тебе, моя невеста,
ничего не говори —
оправданий мне не надо.
Я тебя люблю.
Мне весной
ничего не говори.
Я смотрю на мир
не так.
Эмоции уходят,
уходит отзвук пустоты,
как замороженный,
я снова
вспоминаю тот жасмин.
Ничего не говори...
Звуки скрипки в моем сердце,
звуки боли и тоски.
Я перешел границу где-то:
там все другое,
но не ты.
Щебечет птичий хор:
ты всегда, всегда со мной...
Глаза печалью
чуть покрыты —
я замороженный.
Слышу вновь
голос твой,
голос твой...

18.03.09

запах любви
любимой женщины с нежным именем
ранней весной под ветром

снегом последним вертит
карусель белых потоков
тающих над землей

запах любви любимой ранней весной

иней последний вдруг землю всю
как лебединый пух
покрыл за ночь

деревья, кусты белы
к обеду все исчезает
я тебя вновь обретаю в этой весне

запах любви любимой

солнце и ветер зимний на твоём лице
твоя одежда пахнет морем бризом морским
вскоре я буду плыть с тобою под луной

ночь унесет нас вместе
мир прекрасных песен до утра
запах твоего тела запах волос

тени по стенам и потолку
свет поздних автомобилей
несчастных и счастливых людей внутри

поздней ночью снова унесусь с тобою
туда где живет любовь

запах любви любимой

иней с утра исчезает
вот так и я любя тебя таю

19.03.09

Грозный взгляд
и зверство
вокруг, везде, повсеместно
грозный крик,
угрозы.
А мне нравятся просто грозы,
молний взрыв по небу
днем или ночью,
ветер и дождь —
лучше ливень
неостановимый, —
смочет, зальет
всемирный потоп:
стихия и души трепет.
Это — не мерзкий лепет,
не окрики
людей потерявших
какую-то важную часть
и мир их сузился криво
как зеркало,
слоем грима
покрыты струны
души навсегда.
Мне нравятся гром и молний
грохот,
и ливень мощный,
мне нравится перст небес
и их свет —
радуга после дождя,
птицы опять в небесах.
Душ человеческих мерзость
смыть нельзя.

Черные розы мира —
сколько от них несчастливых,
но жизнь исправляет
криво идущих по миру:
всех — колоннами ровными
сразу
туда,
где им всем и быть.

19.03.09

Бред, выдаваемый
за действительность,
гордость за тело
и ум, что в нем —
чья бы там пиликала,
а мне моя — не причем:
я особо по жизни,
с розами,
без шипов.
Строго храню
гордость свою,
и выдаю за ум мудреца
фразы известных ученых,
физиков и атеистов речи
о религии, Боге.
Неистово помню
и повторяю всем —
ходящему и низлежащему у судьбы,
от рабочего на снегу
до политиков:
“Дело грязное.
Я вот скромный
и выше всех вас стою”.
Ненавидеть?
Нет!
Не подходит.
Я интеллигент и сноб.
Просто — не вижу
и дифференцирую
всех для разных потреб с умом,
но сегодня вдруг
оказалось:
свиснуто.
Я задумался.

Да и нет.
Мне говорили что-то
об истине.
Мне мозги вправляли
винтом,
я гнал свое неистово.
Не домой
убежал с болтом.

21.03.09

Комсомол Ленинский
помните?
Когда кровь за страну
в боях,
пятилеток планы,
и выстрелы
из-за угла во мрак,
когда новые города
и станции
дорог железных,
и снова фронт,
смерть в Бресте
и Минске,
раны под Киевом
и Москвой,
Сталинград в крови
и боли...
Они легли там,
миллионами в ряд,
который на небе
записанный,
хоть мало кто близок
к Богу из этих ребят.
Но это белая часть книги,
а еще есть брошюры к ней,
где предательства,
стук на близкого
кому надо.
И нагишом
уводили в ночь,
часто лучших,
навсегда,
на мучения, боль.
А им, комсомольцам,
ордена-побрякушки,
должности
и пайки —

дополняли едой особой
в райкомах их
втихаря.
А потом было слово,
слово без цены,
а если цена,
то, максимум, — полрубля.
Словопрения, словоблудия
братства бездельников
на горбах
рабочих, крестьян.
Подельники
страны на соплях,
карьеристы, пустые, звонкие,
как барабан в строю,
а потом все рухнуло,
сдохло,
и они оказались все
на дерьме,
но поверху —
новые русские
и так далее.
Капиталисты
на поту за сто лет
за три года
выскочили.
И снова — с властью,
баблом,
гордость прет, распирает,
греет,
куда масонам!
Эти живые, живее,
с партбилетами
пяти партий в подряд.
Комсомол — это
молодость.
Сегодня — дряхлость видна.

Мозги скукожены, высохли,
тела, как на лес бузина,
но гордятся своей
принадлежностью
к касте особой тогда.
Сегодня их греет
партийно-гнилая среда,
а мир движется,
кружится,
но проследить за ним
удосужиться
лень.
Старость — не радость,
с болячками,
но те же слова в полрубля...
Слова, которые
им кажутся
винтом их корабля.

21.03.09

Дома архитектуры старой...
Красивые
памятники истории
и страны.
А мы мансарды строим
конкретные пацаны.
Уродуем, ломаем и рушим —
это сегодня прогресс.
А вам, господа, — дуля!
Не нравится —
идите жить в лес!
Мы город взяли
без выстрела,
просто кравчуки и кучмы
отдали нам
как должное.
Мы — конкретные пацаны,
высотные домики
тяпаем.
Уродство столицы?
А что?
Мы валюту в них
вкладываем,
чтобы было что
на потом
детям, внукам
и телочкам,
которые верно нам
стелятся.
— У вас, конкретных ребят,
годы уйдут, умчатся
в пыль истории, в грязь.

Ваши мансарды, домики
чужим людям уйдут
опять —
всё повторяется в мире,
нового под солнцем
нет ничего.
Но вы, точно, — дебилы.
Вот ваше начало
и ваше родство.

21.03.09

Я проснулся,
и чуть не свалился с кровати
за любимую свою держась.
Мне приснился
коммунист Хуго Чавес
и три миллиарда
на земле коммуняк.
Ленин, Сталин и Троцкий, —
все на Карибах, —
лежат.
Рядом — мулатки, метиски —
ублажают партийных
ребят.
Латинская их Америка
вся покраснела вдруг,
и Аргентина,
как девочка,
повелась на Чавеса,
в круг
его втянулась,
а тут —
полки
разных наций,
и сталинских трубок
с красным значком
на груди...
Дело Ленина, верно,
прокакали в СССР,
оставили заповедники,
серые...
А теперь вот, орлом!
Все опять — за старое,
снова — строй и партком.
Я лежу в поту холодном
рядом с теплым телом
нагишом:
ничего на меня не действует,
только Хуго и его речь!

Три миллиарда встало,
это же миру конец.
Но ночь уходила
быстро,
за ней улетучился сон,
и я помчался
рысью,
чтобы стать коммунистом —
лучше раньше,
чем где-то потом:
билет будет номер
начальный,
и я свой зад спасу.
За то, что СССР профукали,
я тоже ответственность
несу.
А пока буду верой и правдой
труды марксистов учить,
Ленина цитировать в Африке,
а любимую свою
буду потом любить.

21.03.09

Мне бы забыть начало,
конец я и сам смогу:
партийных дебрей
шквалы,
вращающихся в моем мозгу.
Все хотят мной править,
лелеять, ласкать меня,
их слова направлены,
они, как узда для коня.
Их сотня и более,
скоро будет две:
демократы,
республиканцы,
не голые:
все — при деньгах.
А что в голове?
Править, рулить, вести.
Кто их просил?
Откуда пришли они?
Я хочу свободу,
я ищу мораль,
мне нужна совесть,
а в голове — туман:
все лозунги партий
там,
их лица —
сплошной бедлам.
Ночью и днем,
под солнцем, луной
я потерял покой.
Лидеры вряд,
сахаром говорят,
стелят ковры,
шоколад.

А дворы домов — неметены,
в парадных — грязь и плесень,
мусор в городе,
мусор за городом —
он везде.

Грязь в голове
и грязь под ногами.
Партии шквалом
по телеканалам,
в газетках дешевых,
на стенах домов,
рекламных щитах
вдоль дорог,
и так...

Мне бы забыть начало,
конец я и сам смогу:
националистов без совести,
социалистов в снегу.

Мне обещали — землю,
мне обещали — покой
мне обещали — деньги
и буржуазный сон,
а, на самом деле,
забрали покой в душе.

В голове — ощущение пули,
застрявшей на этой войне.

22.03.09

Большие партии
нашей страны
издалека видны,
слову данному народу —
верны.
А кроме того — они санитары:
собирают все, что на их пути,
вливают это в свои ряды
крикливых, безбашенных,
служащих факелом
партии, —
особенно тех, кто с деньгами,
их забирают
и омывают
словами дружбы
и верности партии, —
хоть те и предатели,
прошедшие
партии
разного типа.
Все это —
одно корыто.
Партии крупные,
партии мощные —
надежда люмпенов,
надежда народа —
санитары для ублюдков:
в свои ряды их вливая.
Это — не шутка,
это — правда живая.
Ор и стенания,
лица, лица —
все без названия —
головы с ушами.
На них бы — бирки
всех партий,
прошедших вихрем.

Партии санитары...
О как им нужны деньги
для удержания членов
и их подпевал,
из журналистов!
Иначе — провал.

22.03.09

И снова день:
то снег, то солнце,
то небо черное,
то звонко
голубое,
и облака на вечер...
В золотом раскрасе
садится солнце —
на мороз, —
закат весь красный...
Весна пришла
давно,
но — снег —
зимы угрозы.
Она не хочет уходить.
Морозы
снова по ночам,
и утро — холодом
в лицо...
Весна!?
Когда уже тепло?

22.03.09

Монастырь в чистоте двора,
зеленые ели,
и детвора —
в храм,
в день воскресный.
Как когда-то и я...
Помню:
лето,
первый раз
в храме стою,
лики строгие смотрят с икон,
глас батюшки,
старушки в нарядных убранствах,
солнце
такое яркое...
Кладбище рядом
для знатных людей,
могильные камни,
и липы аллеи...
Древние надписи
на камне,
металле —
дух захватило.
...Все уничтожили.
И липы трёхсотлетние
и эти аллеи,
и храм,
и надгробные плиты —
в прах!
Коммунизм побеждал
в сатанинских мозгах,
а затем хоронили
детей прежде срока
те, кто ломал,
и те, кто решал...
Все пострадали.

И новые камни
с могил их украли,
до срока.
Все помню...
День этот светлый
сегодня,
дети у храма,
и те же старушки.
Скоро и я,
если Божия воля,
приду в этот храм
седым и довольным
от прожитых лет,
от Божьей заботы,
от каждого дня...
Служба, хор,
запах церковный —
свечи, ладан...
Вечность.

22.03.09

Боже!
Ти чуєш мої слова?
Боже!
Прости мене...
Прости думки мої грішні.
Тиші прагну.
Але мені вона
вже навіть і не сниться,
і сні мої —
війна,
війна моя — мої гріхи.
Я душу спалив гріхами...
Ти не раз спасав мене —
я знав, я відчував
той час і мить ту,
але мене знову кудись вело,
і знову
я повертався на дорогу
своїх марнот,
яка вели в гріхи...
Боже! Прости!
Я знову зрадив
Тебе!
Зрадив близьких,
маму,
яка пішла
до Тебе в дім небесний...
Боже!
Сором мене пече.
Змінити світ
на краще
сил мені не вистачить.
Мінятись буду сам.
Не полишай мене
на дорозі до Тебе.
Мені потрібно
тільки небо —
пекло тут земне.

Його жахливий тлін
мене обпik.
Боже, світло мені пошли
Твоїх небес,
і від біди відведи...
Прости мене,
прости...

22.03.09

Небо куполом над нами
голубое,
с облаками
белыми,
горизонт, как будто, рядом —
осень ранняя,
урожайная.
Крестьяне в поле —
труд тяжелый,
но довольны:
ради хлеба
жизнь их вся.
В городах шумит попса,
рейтинги и сплетни,
целый день — ресницы, песни,
педикюры, маникюры:
крашенные головы —
куриные мозги...
Там шоу из красавиц:
мисс страны, аэродрома,
мисс для кайфа,
для облома...
Министра транспорта и связи
на тележке возят, гады,
в суд,
после той девицы тертой
на позор его!
Шума! Гама!
Все прошло.
Деньги стырили.
И что?
Тележку спрятали другому
дураку в Париже!
Гномы,
сказки,
шум машин,
выхлопные газы, дым
и от этого в башках
эти шоу.

Просто так
не проходит все бесследно,
и попса ревет подземно
в микрофоны —
цирк и бочка.
Неба просто им не видно
из-за смога.
из-за гимна,
гимна жизни
все с понтами,
с микрофонами, руками,
что заламывают их.
Телом двигают —
прикид!
То ли люди, то ли нет...
Так и жизнь проходит.
След
остается лишь на фото,
если их не выбросит
потом
кто-то из наследников.
Облом.

23.03.09

Страна зашла в какую-то мглу.
Вели ее многие
без извилин в мозгу.
Ведут и другие
себя не щадя,
а мгла все страшнее —
бесконечная мгла...
Упадок морали,
сознание — вбок,
ВУЗы клепают —
болтать бы кто смог.
Психология мрака,
политологи тьмы,
социологи враки,
болтовня кутерьмы —
вся наука на откуп.
экстрасенсам. Итак:
центры, ауры блефа.
Мой знакомый чудак,
несмотря на возраст, —
шестьдесят вот ему, —
ауру измерить решил,
и попал в мишуру.
Голубое свечение,
документов портфель:
он мол, редкий по умовключению,
единственный на весь мир,
вот и протокол.
Вверх он взлетел,
от счастья сияет —
нашел наконец
нишу под старость —
аурный блеф,
и жизнь — по прямой!

Её, правда, уж нет:
по углам, осевой,
везде смотрит капец,
что-то делать бы нужно,
но брехня
и борьба
сверху донизу
крутит
с помощью герба-орла,
Запад тоже не дремлет.
Все советы на пшик,
демократы по нервам,
и тиран вон стоит,
с рогами, хвостом —
рвется к нам на престол.
А оттуда — такой же,
только лысый
и добрый.
Скоро выборы снова,
и почешем опять
мы затылки свои:
ну едрена же мать!
Опять пролетели!
Вновь пришли все не те...

25.03.09

Ночь подступает
внезапно и быстро.
Ночью мороз
и звезды с небес,
голубое небо,
облаков белых свет
сквозь луну.
Фонари
и деревья вокруг.
Как родился?
Как вырос?
Жизнь была?
Не была?
Все как сон...
Сон,
спрессован на диске,
головная, ведь, боль
находить там все быстро,
по полкам,
а что нет,
то — в костер
голубых небес.
Небо новой весны,
небо новый отсчет —
повезет или нет?
По весне
путь вот-вот
и короткий, как взрыв.
Но надежда должна
быть.
И есть.
Была бы весна.

25.03.09

Я ласкаю твоё лицо,
я лицо твоё вновь ласкаю.
Мне с тобою так повезло
и об этом никто не знает.
А что толку кричать
на весь мир о чувствах,
людей удивлять?
Любовь — не искусство,
не повесишь её в галерее
при свете,
не отдашь на показ
свои чувства.
Светит
душа
светом тихим, небесным,
мне любовь бы была —
остальное, как песня:
когда нужно — поешь,
когда нет — и не надо.
Мне любовь бы твоя —
вот награда.
Но мир так устроен:
не надолго она —
то дожди, то невзгоды,
то вдруг просто зима,
и душа уж как льдинка...
Место ищешь своё,
где б прислониться,
и быстрее б прошло
это утро с морозом,
этот пар и туман.
И любовь так проходит:
утром встал, —
как обман, —
её нет...

И не может
заставить никто
вновь ласкать твое тело,
и ласкать вновь лицо.
Время движется ровно,
как в календаре,
и вдруг поезд в откос:
и теряешь, что знаешь,
и летишь к ней вперед...
И никак
не остановить
тот огонь,
тот накал.
Настоящая жизнь!

25.03.09

Дорога.
Трава и теплый песок,
временами камни,
неровности,
все наискосок,
вдруг — подъем вверх,
тяжело, много дней,
среди зарослей, кустов,
вековых лесов;
ночью крики и вой звериный,
волосы уже с сединой —
вершина!
Над головой плывут облака,
касаюсь их руками,
и пока
отдыхаю,
забываю путь тяжелый.
Осмотрелся.
Стало скучно.
Вниз с вершины —
хорошо —
ноги сами несут легко.
Женщину встретил.
Любовь.
Привал.
Костер.
И снова вниз,
новых встреч сюрприз,
новая любовь,
как на всю жизнь.
Ночь, звезда на небе,
свет мерцающий, холодный,
но греет.

Завтра снова ночь —
звезда другая,
разница меж ними —
никакая;
мне все они так дороги,
равны.
Далекий путь.
Туда мне не добраться.
И я на спуске
наслаждаюсь жизнью
коротких встреч.
Сумбур
моих любимых —
а путь все шире,
все быстрее.
Река внизу —
быстрее
какой-то плот! —
на другой берег,
а там судьбы мне поворот:
болото, топь,
ночь...
И снова новая звезда.
Когда ж я успокоюсь в тишине?
И что такое жизнь?
Череда счастья, наслаждений?
Но это лишь мечты.
Судьба-злодейка
повернула по-другому:
сплошная боль,
печаль,
из дня в день
дороги вниз,
обратный путь
вверх —
тяжел и изнуряет
тело.

Уходит день.
Привал.
Над головою небо —
временами звезды,
но чаще
дождь холодный.
Но мне не надоело.

27.03.09

Март.
Солнце с ветром,
резким, теплым —
искры света.
Первый день весенний
светел.
Упиваюсь,
наслаждаюсь
я сегодня утром ранним.
Акварели красок
Божьих...
Я дожил до воскресенья
мира.
Снова вижу все сначала —
все, как в первый раз.
Весна настала.

28.03.09

Шум автомобилей
по старой брусчатке
улиц.
Любили
мы с тобой
такие вечера:
свечи каштанов,
яркий свет;
зима —
тихо падает
крупный снег;
осенний дождь —
камни блестят
в ночи...
Город — наш.
И мы с тобой
в тиши улиц,
переулков...
Нам мало дня,
нам мало жизни.
Весна.
Снова
мы в старинном городе
ночном
лицом к лицу,
а надо мной
печаль
ушедших дней.
Смотрю в твои глаза.
Шум автомобилей
по старым камням
отшлифованным до блеска...
Вот так и я
без тебя,
как эти камни,
с сердцем твердым
огрубевшим в темпе жизни.

Я — другой.
А ты — та же.
Яркий свет,
автомобили,
поздний час...
Не потому что ночь —
жизнь моя
уходит прочь.

28.03.09

Километры стирают шины колес,
часто без цели,
иногда наоборот.
Грохот и шум,
дым и чад —
магия движущегося колеса.
Вечные странники
люди земли,
им бы двигаться
в погоне любви,
к деньгам и успеху,
женскому телу
за которое нужно
платить и платить, —
я не о звонком металле,
я о сердце, нервах...
Вечные странники —
движение жизни.
Я тоже мечтаю
по миру пешком,
с посохом в руке
и сумой за плечами.
Станный
бродяга
снова в пути.
Время бродяг —
несчастных людей
без истинной цели...
Но все равно я пойду
один на один
с ветром, дождем,
снегом, травой,
летом, весной —
круглый год,
впитать всю любовь
природы, земли...

Крутятся шины,
километры дорог.
Странники мира
вперед и вперед,
а на исходе
успех или нет —
время покажет.
Судья всем нам Бог.

30.03.09

Поэзия — это красивые слова,
и красивые предложения.
Поэзия — это утонченная душа
до изнеможения.
Поэзия — это боль
за маразм мира,
который нас окружает и дебилирует.
Поэзия — это белый-белый иней
на ветках деревьев,
что под солнцем в морозный день
тихо облетает на лицо, одежду любимой.
Поэзия — это поле цветов
и поляна в горячем лете
с женщиной
от которой ты пьян
и жизнь пролетает мгновением.
Поэзия — это война,
и набат революций,
когда прораб политики
рвется к власти,
а бедный народ — балласт-гегемон
в издури под трибуной,
на баррикадах,
грязь и смрад...
Но победа —
за проходимцем.
Это тоже поэзии марш.
Прозой описать все
это бы необходимо,
но проза не рвет
нерв сердца.
Поэзия — взрыв чувств,
часто — смерть,
но все равно любовь.
Пусть уже даже
и на могиле.

31.03.09

Я выше всего, что ниже меня:
подлости, зависти, злости —
огня, что сжигает
любовь и красоты,
огня, что от дыма его
душно очень, —
измены друзей,
хищения счастья.
Мне путь уготован
свой,
и в нем мне — ненастья,
тоска на просторах
слез расставаний.
Меня в нем не скоро
найдут
и достанут.
Мой путь
не в травах шелковых,
и на нем не подарят цветов.
Мне клетка
там уготована,
с окном
на небо и лес.
Клетка металла ржавого
есть и будет
еще и еще.
Меня не сломить,
хоть я воин — никто,
но дух все равно
сильнее всего.
Я выше того, что ниже
достоинств,
которые Бог
мне недавно открыл

И мне стоит
это
потери свободы.
Свобода не скоро.

31.03.09

Лежат финансы
в заграничных банках,
лежит экономика
в прострации неопространства,
лежит все, что стоять бы
должно...

Страна лежебоков,
страна под оно,
которое лезет и прет
и не спросит:

а нужно ль оно
людям?

И ночью,

и днем

вещают, кричат

Ванга, Ерман и куча бабчат.

Мужики стенают

с экранов, трибун —

не мужчины,

а разность между

злом и добром.

Властители мыслей,

властители тел!

Лежит, чему стоять бы,

и не у дел.

Жена мужа — в баню,

оттуда —

к урологу,

а тот,

не пойму,

то ли не хочет,

то ли не может...

А баба орет,

и нас всех тревожит —

может, действительно,

ей так болит?

Лежит все, что может,
а баба стоит
на трибуне в экране.
Ей бы корову
и в поле обед.
Борозда по весне,
шлея трет плечо,
спина вся в земле,
но пашет и сеет,
смотришь, и встанет
экономика.
А так — только рев,
призыв поддержать
этих “коров”
на майдане
революцию —
им шахты, заводы
защитить,
и блин
потом с вами,
балластом-людьми...
И воют с экрана
до слез,
до крови.

31.03.09

Відлітають птахи у вирій —
не всі,
пролітають думки —
не всі,
лишаються ті, що впливають
на долю.
Одні, мов слід на воді,
інші —
вкарбовані,
мов слова золоті.
Не всі — на добро,
не всі — на щастя,
не всі — на любов;
багато таких, яким би
промайнути, пролетіти,
та зчезнути десь,
а вони володіють
серцем
і ведуть
в суцільну темряву,
морок долі.
Хто їх залишив?
І чому їх я вибрав?
І доля звернула
на стежку чужу.
Де чорнобривці?
Де ранки в росі?
Де люди в любові?
Думки ці — в тюрмі,
і мріють про волю
для тіла,
яке вже стомилось
від долі Голгофи.
Думки відлетіли...
Не всі.
Чорні лишилися
краяти серце і тіло.

Кожному
долю прядуть
думки:
світлі — на щастя,
і темні — на горе.
З них усе й починається...
Я віддавсь долі,
з нею боротись
не буду:
думки хай летять
журавлями у вирій —
лихі,
а ті що у серці —
мої назавжди.
З ними
радість і коло біди

01.04.09

Развернутых линий
судьбы без беспечности
потоки движут
от начала до вечности.
Надежда на каждом
пучке
линий идущих с тобою
и вне:
в пятнадцать — на двадцать,
в двадцать — на тридцать,
в тридцать — на сорок...
И здесь размышления:
все не так просто —
что ждем мы от лени
мыслей, поступков?
Куда мы стремимся?
Становится грустно...
А было ведь много
того, что прекрасно:
мгновения, дни...
Лицо стало ясным.
Глаза посветлели.
Не все так трагично.
А что мы хотели?
Какие-то линии
Наших достоинств:
кой-чего мы достигли
и в шестнадцать, и в двадцать.
Все измеримо.
Потом, с расстояния,
линий потоки:
на них все —
знания,
памяти точки,
что так и не этак.

Судьба движет нами,
и путь — в бесконечность.
Сами мы тоже
играем на струнах
своих и чужих,
глупо и умно.
Но все с расстояния —
сегодня не значит.
Пустить себя в плаванье
не наша задача:
несемся, как речка,
то быстро то тихо,
местами с ней рядом
болото, москиты,
от нас не зависит
много и в целом.
Но душа нам дана
за нее мы в ответе.

02.04.09

И снова бесы кружат
стаей
вокруг домов,
где власть
досталась
их близким духом,
их друзьям.
То тут, то там
плакаты,
люди,
палатки с прокламациями...
Иуды!
Борьба за власть,
где денег всласть,
где кайф себя нести
над миром,
хоть по глазам,
речам —
дебилы!
Не остановить
возню в домах, где власть,
там на корню
срубили совесть,
там вера в силу,
и своих,
там вера в деньги.
На краю страна опять,
краю духа и морали.
Люди устали...
А им плакаты —
мол, борьба за них.
Но их используют
в своих целях
неофеодалы.

Они успели
урвать, сплотиться,
теперь для них главное —
синица,
которая в руках,
и битва за журавля
в небе.
Для этого нужны
колонны плебсов:
для демонстраций и палаток,
в которых вонь,
но платят сладко.
Наемных армий
политборьбы
идет народ —
сухари бесплатные, вода,
биотуалеты,
поезда,
а мимо мчатся лимузины,
супермашины —
в них воры по жизни,
их женщины, дети
и подстилки,
юность продающие
за “порш”.
А ты иди
с флагом на удочке в руке
за гривен сто на день,
дурак,
отдавшийся
такой же дуре —
поломанной судьбе.

02.04.09

Взрыв злости
к существу любимому.
Душа унижена.
Боль чувствительна.
Гнев без контроля.
Обвинял других —
истоки пороков
в нас самих.
Наносим обиды
своим близким,
наносим обиды
всем.
Как искры
вверх
от пламени,
пламени боли,
не очищения,
слезы ребенка...
Гнев безумия —
истоки пороков,
жизни грязной.
Обратной связью
все возвращается
ко мне обратно,
и я страдаю,
и мне приятны
эти страдания,
они просто
боль сердечная.
Чистоты бы души
мне под солнцем,
терпения горного,
камня со льдами,
а я подранок
нечистого пламени.

04.04.09

Грязь городов,
грязь селений,
грязь рек,
грязь их мнений.
Ветер весенний,
пыль под ногами,
кульки рваные
несутся плавно,
ложатся на землю,
и снова ветер
несет, кружит
грязь десятилетий.
Бутылки, банки,
отходы кухонь,
горы нечистот —
мусор, мусор...
Конца и края
нет и не видно.
Зеленый пояс,
пояс деградированный.
Город древний,
город дивный
тонет в ненависти
своих нечестивых.

02.04.09

В сумраке комнаты,
скорее кабинета,
иконы на стенах
и сабли
девятнадцатого века.
Доктор приветливый,
званий много.
Исследования, заключения —
пациенту тревога:
лекарства, процедуры,
деньги, деньги,
зарплата лекаря
за многие смены
остаётся в помещении
мрачном и тихом
навсегда —
тысячи, тысячи...
В глазах нет пространства,
и за ними — стенка, —
правда, неправда...
Но ты пациент тут.
Можно не обращаться.
Жить, как дерево,
в лесу, в чаще,
пока не срежут,
или не засохнешь,
и упасть трухлявым,
а может буря
вывернет с корнями.
Но это частности.
Лес стоит
сотни лет,
листва шелестит,
запах хвои,
стволы — не объять.

Так бы жить!
Без этих ребят...
Медицина, купюры,
доктор и деньги —
а есть ли совесть?
А если нету?

02.04.09

Волны света,
волны цвета
перед закатом
моря неба —
переливается, плывет
лилово-розовый поток
и желто-золотой над ним.
Смешались краски
для картин —
весна в разгаре.
Смотрю туда, на волны.
Небесный океан
в цвету
весны,
мне без него
не жить.
И не пройти
мне мимо.
Любовь Творца —
в теплом воздухе
и солнца изобилии
после зимы
холодной, мокрой, длинной.

04.04.09

— Мама!

Мысли-слова несутся
со скоростью света,
огибают землю,
пронзают небо.

— Мама!

Тишина в ночи.
И только в сердце
млостные мотивы:

— Мама!

Уходит снова слово-мысль упрямо
в мир, куда ушла душа.

И только чудо,
чудо веры,
дает надежду
на встречу в мире том, ином...

А здесь — один я.

Жизнь, как сон...

Уходят дни,
и месяцы летят,
и вспять не повернуть
свой путь —

только туда,
где вздох последний
и звезда в небе

или солнце,
если днем засветят,
подаст свой луч, —

для души
дорога,
наверное уж навсегда...

И снова слово-мысль
летит в просторы мира.

Тишина в ночи,
со мною — Вера и Надежда,
хоть мне не так
легко,
как прежде.

04.04.09

Бело-розовые сны
из детства:
мне снятся люди
на полях и жатва.
Мне снится снег,
пушистый и красивый,
мороз и та дорога в поле,
и я, счастливый,
на санях в коврах, —
лошади летят,
и пар с их ртов,
и иней в густых гривах...
Мне снится
лес, грибы,
и я счастливый,
не ведая о жизни,
что потом
закрутит гайки...
Колесом
без мягких шин
по бездорожью,
без пружин моя повозка,
без рессор
до тошноты
петляет,
ухаб каждый
отдается в голове...
Ты — в судьбе,
судьба — в тебе,
и обстоятельства,
в которых много дыма —
чадит костер
из сырых дров,
и часто — не согреться...

Мне снятся сны
уже не те:
в них много боли
и я в этом дурацком колесе.

04.04.09

Серьезные лица
очки от солидных,
известных фирм,
(издалека видно),
костюмы элегантные,
обувь на заказ,
а рот откроет —
указ, приказ —
речь, полна угроз:
борьба за власть,
и сам — мороз,
не тот, что социалист,
а настоящий.
Игрушка с их речами:
что не ясно
куда идти? И что там ждет?
Их роскошь губит нас.
Роскошь сверху
съедает силы,
съедает деньги,
и всей стране не
накормить эту халяву.
Часы из Женевы,
одежда, мебель и машины —
всё лучших фирм со всего мира.
Холуй, умноженный
на шесть, —
на одного.
Их много
на горбу
народа, что почти лежит,
устал,
с забитой головой,
а роскошь — им,
и негa телу.

Плодовитые артели
рожают новых нам на шеи
и детям нашим.

04.04.09

Поворот.
Сбрасываю ход,
и меня вновь догоняют
обстоятельства, что
никак не исчезают.
Их разделить можно
на две части
Приятные душе:
и озверелые страсти-мордасти.
Трибуна на майдане,
на ней — шобла воров,
укравших всю страну,
но мало этого
их папаше-пацану:
натырить нужно душ еще,
да не по двести-триста,
а чисто всех.
Стоят и слушают,
разинув рот,
за деньги —
зомби,
не народ,
и стыд такой,
что если дать мне трон —
не принесет мне радость он.
Мне стыдно.
Что с мозгами?
Не может столько
дураков быть на земле!
Пусть те, на трибуне.
как в огне:
души горят,
чувствуют конец.

А эти, внизу?..
И снова поворот,
и тихий ход,
привал.
Тетрадь стихов.
А дальше — снова бес.

04.04.09

Весна.
Апрель.
И наши встречи каждый день.
Солнце сменяется дождем,
вдруг холодает,
а вот и вновь тепло.
Апрель капризный,
как и тот,
кто любит тебя.
Каждую клетку тела
и твой дух,
каждую секунду
без перерывов
сложить,
составить матрицу
и подарить
тебе
в объеме физическом
все чувства и эмоции мои.
Ты тоже вся светилась
от любви,
ты тоже мне ответила
такой же страстью.
Весна.
Апрель.
Удастся ль нам вернуться
в этот дивный мир —
мир музыки души
и сердца?
Жизнь
распоряжается не так,
как мы хотим...

05.04.09

Рвутся струны гитары
в пьяном угаре.
Который день я пью,
сгораю —
то кабаки,
то незнакомые вокзалы,
с которых я
как будто уезжаю
навсегда
от мира и обид от близких.
И горит
все внутри —
я пью,
потом пою,
и снова пью...
Сорвался, как камень
под ногами,
там, в горах,
где не был я,
за ним — лавина камней,
грохот эха,
далеко, к вершинам,
к облакам,
но нужно это только
орлам,
которые кружат
между вершин —
учат летать
детей своих.
Сын я
слабый оказался.

На краю стою,
и снова струны рву,
пою и пью.
Здесь я никогда
не нужен был, —
да и наверное не буду...
Ни-ко-му!

05.04.09

Бог и я —
особая сегодня тема,
Вчерашний злобный атеист —
сегодня путник к небу,
я на мир стал смотреть
другими глазами,
меня греют деревья в лесах
и листва летом зеленая,
а осенью шорох ее под ногами.
Я смотрю в облака
и далекую синь,
наслаждаясь,
чувствую — я не один —
со мною Бог,
и Ему
даже сквозь слезы и боль
улыбаюсь.
Стали яснее цели,
и будущее меня не тревожит:
день придет — я не один,
Бог всегда мне поможет.
Стыд перед небом
и Матерью Божьей
за жизнь свою
и грехи,
где в недобрых делах
повинен,
стыд перед Нею,
царицей небес,
не проходит.
Но Бог лечит
мою душу,
и у Него все выходит:

я живу по-другому —
мне в радость все дни
и недели,
которые я получил
от Него.
С любовью стою
пред Ним на коленях.

05.04.09

Закрываю глаза
и сознанием вижу я темень.
Сколько раз пытался
проникнуть сквозь эту стену!
Габариты ее,
толщину, высоту и длину
никому на Земле не измерить.
Бесконечная темень,
стена,
белый мир
оградила с начала —
субстанция ее духовного
явно состава.
Закрываю глаза,
сознание вновь истощая:
только света пучок,
даже точку,
вдалеке наблюдаю.
И наверное смысла нет
в этих моих созерцаньях:
дано то, что вижу,
и этого хватит сполна.
Духовный мир
не закрыт:
он здесь, рядом,
он — в тебе и во мне,
он — душа...
И пока вижу солнце,
небо, луну,
вижу звезды —
мне достаточно.
Жизнь бы прожить
с Божьей любовью...

05.04.09

Не пытайся познать глупость:
у нее начала нет
и в конце — скука,
с добавлением тоски умалишения,
с унижением таким,
что и не представить...
Парк центральный страны, столичный,
вид его почти-что приличный,
если минусовать и отбросить
пьющих пиво, курящих
и “босых”.
Все скамейки — бар под луною,
девушки выпившие.
Что со мною?
С кустов попы голые смотрят,
это пиво туда их заносит,
на пригорке туалет архитектурный —
стырили для долбака, —
но он неумный,
жадный, и просто такой
как все наши, —
сделал платным заведение
с привкусом парашным:
вход один для “М” и “Ж”,
на входе кассир,
деграде:
стульчик, стол,
очередь женщин и мужчин
вперемешку.
Гривну дал —
и в руки с рулона
кусочек бумажки.
Ты, унижен, оплеван,
растоптан,
мнешь бумажку,
и вниз, весь мокрый.

А там — двери направо
и прямо,
женщины мимо мужчин
у писсуара.
Такое
бывает не в Польше,
нет ни в Париже, ни в Амстердаме —
рулон туалетной бумаги...
Год назад я там был,
матерился,
теперь мимо хожу,
свернув рыльце
в сторону, где пьют пиво
и курят.
Но люди привыкли
к подобным услугам —
гривну дал —
получил в руки листик,
и гурьбой, вперемешку,
скатился
по ступенькам вниз —
тут не до мыслей:
писсуары журчат
с унитазами
быстро.

05.04.09

Дым от костра
кружится ветром,
пламя —
то к земле,
то к небу,
искры по ветру.
Восторг детский
в нашем саду,
в нашей беседке
в холодный вечер.
Редкие звезды светят с неба,
полнолуние,
а луна исчезла,
закрылась тучами,
и мне грустно...
А утром —
дождь и ветер
после дней теплых.
Уносит память
меня в прошлое:
весна и лето,
дни столбами,
любовь и взрыв
и страсти тела —
все улетело...
Моя любовь,
мой грех и радость
всегда со мной
Но только память, —
тяжелый путь, —
ведет и греет,
а легкий —
мне постель постелит...

Но это все
не нужно:
мне — камни в ноги,
а в спину холод,
Я славлю Бога
за жизнь, как искру,
я славлю Бога
за жизнь, что вышла.

10.04.09

Полет за мечтой

Из этого тела
нельзя выжать радость:
как старый автомобиль —
одна только ржавость.
Мне бы о вечном
заботиться нужно,
а я закружился
в любви полоумной...
Под небом вечерним
взрываю я сердце,
а ты с моей молодости
под небом вечерним.
Прошел, не заметил,
летел, не увидел.
И только под занавес
ты ко мне вышла.
Это все грешно,
это — уходящие грозы.
Мне бы о вечном,
а я заморозил
разум и мудрость,
и отдался
я чувствам —
чуду оттуда,
где моя юность.
Звезды уходят,
луна с полукруга,
и солнце
в полнеба
нашего луга.
Я, старый и мудрый,
вниз, как из горки.
Дух бы мой к небу,
а я все с любовью.

Жадность мне к жизни
потерять бы здесь в травах,
но я наслаждаюсь
тебя созерцая.
В глазах твоих нежных —
мои годы, седины,
и мудрость, и разум.
Я не повинен.
Хоть взглядом и сердцем,
туда, где начало:
солнце в полнеба,
я вас созерцаю.
Лучи его
нежно
на тело твоё,
и смешано
все,
и мне невдомек —
счастье ведь это
в замесе с грехом!
Роса в свете
на теле твоём,
и я догораю,
как звезды с ночи...
Моя дорогая,
спасибо!
Прости...

14.04.09

Я сегодня думаю без зла
о нашей власти.
Они запутались,
зашли в тупик, в ненастье,
а оппозиция — сплошная клоунада.
Бывшая власть
майданом,
как снарядом,
выброшена была
куда-то в даль,
туда, где дебри и печаль
за кайфом
править, воровать,
за кайфом
выше всех стоять.
Вернулись.
Но уже не тот в них пыл —
наглость беспредельная,
остыл
накал хамла
и оппозиция не та...
А власть,
как женщина, которая клялась
пред алтарем,
потом оставила детей,
пошла за “соколком”;
вернулась вновь в семью,
больна, измучена, одна...
Простили, приняли.
И вновь, налево, в дорогой кабак
с заезжим музыкантом,
просто так,
и вновь пришла
и вызывает жаль,
и вновь прощаем.

И вновь
печаль, и слезы,
ожидания —
исправиться
нельзя.

...Моя страна, я все равно
люблю тебя,
а те, что сверху,
исчезнут
и без меня.

15.04.09

Мир, который
мне больше не снится,
мир, который
как лето, и листья
зеленые в солнце,
и где-то граница —
там все изменяется,
сразу, за нею.
Город хрустальный,
как лотерея,
о нем я мечтал,
и грезил во снах:
детство и радость,
маки в полях,
дома вдоль речки
и берег зеленый
в деревьях,
скворечник,
такой же, как я мастерил,
у дома, где жил,
на вишнях высоких.
Город, где ночь,
изливается в грозах,
молнии режут небо,
их всполохи —
пути уходящим
в миры,
где счастья всем хватит...
Мне больше не снятся
зеленые листья,
мне реки не снятся,
а снятся сторицей
потоки и сели,

и с воем метели,
сухие морозы,
треск веток в стуже —
мне больше не снится
мир, что мне нужен.

15.04.09

Открылась дверь,
и камень за рубашкой:
можете пройти!
Вот хлеб вам и правда.
Улыбаться буду
нежно и тихо:
открытая дверь —
не нужно ломиться.
Сердце достигло
какого-то звона,
где метки повыше,
где нет мне кордонов,
где страх за себя
и даже за близких
ушел восвояси
и там утопился
в болотах глухих
лесах пожелтевших,
где зона других
страстей без надежды.
Мне сердце
за все
болит,
и тревожно
за правду, что в мире
давно стала ложью,
давно превратилась
в чушь и забавы.
А ложь извратилась,
достигла, как правда,
высоких отметок
и стала законом.
Мне сердце болит —
за этим кордоном,
стертым нами
сравнительно рано,

за дверью из храма,
где мы потеряли
то, что нам нужно
как небо, как солнце.
Заблудшие души...
Мне сердце болит —
я с таким же пороком.
И разум не спит,
борется молча,
но путь далеко
протянулся оттуда —
лучше б не шли.
Слышите!
Люди!
Лучше б все просто —
хлеб, пот и дети.
Но все извращалось
вельможами сердца
века и века.
И сегодня, и завтра
ложь глубока
и низкая правда...
Уже не найти
границу меж ними.
Сердце болит...
Бороться нет силы.

15.04.09

Лучи, как из света,
а, может, все это
полет за мечтами?
Там — остров-планета,
травы вся с цветами.
Цветы...
Их гирлянды,
калейдоскопы со светом.
Лучи...
И лучами
озаряются лица
людей светлых,
чистых мыслями,
сердцем
лучами лучистых.
Солнца не видно,
но свет
без устали —
остров-планета!
Близкие дали
в душе
каждой,
где есть место свету.
Трудами и силой
берется все в свете.
Но легче
путь к цели,
когда мы все вместе —
света
на всех и всегда
хватит.

15.04.09

Слава Тебе, Господи,
за все!
За дом, который
Ты мне дал
в Твоей земле,
за то, что я встречаю,
как первую
свою весну,
любовь
своей семьи,
и солнце каждый день,
и листья первые,
и первые цветы...
Мир вновь воскрес!
И так когда-то
воскреснем мы
во славу Божию...
Прости
грехи нам наши!
Их не счесть...
Прости нам глупость нашу...
В дни эти святые
мы, слабые,
верим в силу
Твою,
Твою любовь —
мы чувствуем их
вновь и вновь.
И эта весна —
дар Твой
для меня.
Прости!
Дай разум мне сполна.

16.04.09

Белые аисты —
символ весны,
в окно мне видны.
На лугах
островки снега,
лужи-озера,
речка петляет в крутых берегах.
Белые аисты
с небес
возвратились к нам.
Белые аисты!
Любовь к вам
через всю жизнь пронесу...
Летите
пока без меня!
Белые аисты...
Весна.

16.04.09

Волны синие.
К берегу
ветер гонит неспешно их.
Волны по цвету
сродни небесам,
острова облаков
и я — там.
Здесь я — гость
возле этой реки,
хоть рядом дом мой.
Жизнь вопреки
воле моей
возьмет свое
и время поднимет
меня
далеко.
А пока волны у моих ног,
запах воды, и вид
на восток —
бескрайнее море воды
и небес —
там скоро праздник,
Христос там воскрес.
Пасха стоит на пороге.
У нас —
чистый четверг.
Завтра — скорбь.
И опять
день светлый.
Снова
воскресший в пути...
Волны бегут.
И мне не уйти
от счастья и грусти...
Уже навсегда —
небо, вербы, вода.

16.04.09

Белый цвет закрыл окно,
ветер качает ветки,
на фоне неба голубого
букет цветущего дерева.
Весною
особый день —
Христос воскрес,
и солнце искрами
в пространстве.
Вчера был дождь,
и радуга восстала —
хороший знак!
И вновь весна постлала
зеленых трав ковры:
езде цветы, цветы,
и в сердце тишина, покой,
как всегда весной.
Годы,
опыт,
может, мудрость —
и мной душевный мир
заслужен
через испытания
по жизни —
хватило мне всего
от края и до края...
И хорошо мне так весной,
в цвету деревьев отдыхая,
помнить маму,
и помнить детство,
первую любовь...
Слава Богу,
стал я сильным
и ко всему готов,
но, не хотелось бы, —
к плохому.

19.04.09

Красная площадь,
белая лошадь,
стук копыт по мостовой,
грудь колесом —
ордена, медали:
звон их слышен
в тишине гробовой.
На трибуне Мавзолея
лично Сталин, рядом Берия.
В стороне, в мундире
с портупеей,
Джонсон лысый
зарделся, алея.
Рядом с ним —
картины валом.
Джонсон потеет и зевает,
как бы не продешевить,
и тарабанпашу обдурить:
а он — на белой лошади
трусцой.
Сталин с Берией
под козырек,
все молчком,
лошадь по кругу
и вся уже в мыле,
всадник прыгает
на ней игриво:
то — поворот,
то — под живот,
затем задом наперед.
Люди тихо жуют семечки,
их мало.
На трибунах —
девочки.
И вдруг облом:
Джонсон что-то крикнул,
и по лошади кнутом!
Седок упал.
В глазах — пелена.

Цирк-шапито,
на скамейках шпана,
торговцы с базара.
Площадь.
Город Конотоп.
Наташка сказала:
— Это не седок!
Уснуть на лошади
в цирке перед людьми
в родном ее городе?!
Ты нас прости,
Джонсон, хозяин
цирка в пути —
тарабанпашу нанял
и лошадь,
прости, —
кляча старая
с колхоза
“Новый путь” —
ее продали,
чтобы просто спихнуть,
и нет картин...
Все это — сон.
Джонсон пролетел:
купил цирк-шапито,
(если бы знал!),
но кризис скрутил —
деньги вложил,
(а долго копил!)...
Все — не так.
И все — в дыму.
Билеты по гривне,
а доллар, аж фу!,
уже под сто,
и все не окупить...
Культура чахнет,
все вниз летит.
Как Джонсону прожить?

19.04.09

Орел или решка?
Падает монетка,
в полумраке комнаты
несколько друзей —
жизнь их утомила:
утром водка, пиво,
днём опять все то же,
вечером игра...
Орел или решка?
Русская рулетка,
казино и девки,
жизнь на “дерибан”:
свет блеснет и снова —
голова готова.
Голова готова —
пистолет в висок.
Щелкает — и тихо.
Но вот свет вдруг вышел,
но не лампы блеклой,
вороненого ствола —
кровь!
По стенам
капли,
волосы вдруг красны,
и лежит не дышит...
А друзья молчат.
Полные стаканы.
Выпили.
Взяли тело
и дружно
бросили в окно.
Жизнь дана не даром:
смысл в ней самоваром
двести лет служить,
и, добавив водки,
дружно
в зал с рулеткой —
до утра в дыму.

Завтра — все сначала:
водка и стаканы.
Снова блеск огня,
смерти вновь возня.

19.04.09

Уже юность не вернуть —
прошла в колхозе
“Верный путь”
пастухом на поле.
Бараны и козлы,
рядом речка, поле,
девушки,
сады,
лунный свет
на трактор —
на нем моя мечта,
Шагрениха Натаха,
и сохну по ней я:
нежная и мягкая,
как трава в стогу.
Лунной ночью
в тракторе
я ее сведу
с ума
и навсегда,
а потом
будет новая ночь:
дождь, осень, грязь —
мечты прочь! —
и уйду я к другой,
где тепло, —
в детский сад
к поварихе.
“Падло”,
назовут меня в этом селе,
а потом все привыкнут,
и ночи в любви
полетят.
Но вдруг —
перестройка.

И партком, и колхоз
меня депутатом
на воз
весь украшенный
лентами
и ковром —
повезут
на станцию
и баблом
на дорогу меня привенчат,
чтоб оставил я юных девчат.
А сейчас я в столице —
седой,
в “мерседесе”,
толстый такой —
депутат и министр
все года.
Но снится мне трактор
иногда,
и Натаха,
и лунная ночь...
Но, коньяк заливая,
гоню я их
прочь:
послужу еще Родине
век —
я не думал
и не гадал
подняться так высоко.
А тут седина, одышка...
Бардак!

19.04.09

Красных тюльпанов
лепестки
на ветру,
белый иней на траве,
в берегу
вербы
повесили серьги —
почки превращаются в листья.
В небе — чисто,
воздух прозрачный
и звонкий.
Лёгкие волны
по синей реке,
шмели пролетают.
В цветущей весне
птицы на гнездах
и мало поют.
Начало расцвета
природы.
И скорый уют
в травах зеленых,
среди цветов луговых:
у природы —
прекрасный язык.
Несут мне покой
и сердечную радость
цветущие вишни.
Их нежный запах
ложится
мне в душу,
цветущие вишни
помнить я буду
и в мире ином.

А, может, и там
дивный, как сон,
такой же пейзаж,
и шепот весны
бесконечной дороги
вечной души.

22.04.09

Колонны машин
в пыли бесконечной,
желтое солнце
и блеклое небо.
запах бензина, соляры,
и масла.
Машины с надрывом
идут, как к несчастью.
Дороги войны...
По ним люди.
Пушки,
приказы,
расстрелы...
Президенты, министры,
сжав плотно губы
над картами мира
чертят ручкой,
и грубо,
с лицами умными,
для прессы,
с трибуны,
объясняют народам
их политику дури.
По пыльным дорогам
живые, с улыбкой,
юные парни, —
в гробу с открыткой
на родину скоро...
Залпы салюта,
и новый заходит
караван,
не верблюдов!
Кровь на полях
и на камнях
гор дальних.

Росчерк пера,
и юные парни, —
жизнь на лету, —
исчезают в дыму...
На пыльной дороге —
дикость и слезы.

22.04.09

В небе ночном
звезды парами,
но не те, что
в жизни земной.
Жизнь сложна,
звезды в славе
и от них вселенский покой.
Здесь у нас
слава громкая
манит всех,
как свет, мотылька
и языки пламени
сжигают многих
просто дотла.
Слава мира —
попсы блестящие:
их кличут —
“звезда”.
Все для смеха —
микрофон со сцены,
зал, арена;
в конвульсиях
движется,
взмахи рук
и крики ура! —
“звезды”
мечутся.
Жизнь Олимпа
не понять.
Небо темное,
звезды парами —
кто они?
Не осознать.
Астрономы смотрят,
пишут карты,
но все не так.

Мир — далекий,
дух — Всесильный,
звезды — люди.
Свет их в ночи,
покой великий,
нам не нарушить.
Микрофон на сцене?..
Не смей!

22.04.09

Я устал от вашей страны,
конкретные вы пацаны,
ваша власть
в экономике,
прессе —
для людей простых
места нет.
Трепыхалы!
С экранов, трибун
и газет ваших желтых
дерьма
грязный бум.
Мне не понять вас,
пацанов,
дебилов, засранцев,
(орлов
на ваш взгляд).
Крылья демонов
ваши горят,
пламя
серой воняет в стране,
руки ваши в крови.
О хамле
поговорить
я тоже хочу:
захватили вы все
страну —
энергетику, газ,
хлеб и соль
вы “крутые” на
шее хохлов,
терпеливых, несчастных,
хоть злых,
как и я.
Но затих,
успокоился,
мне — не до вас.

Мне дожить бы
до края своих лет!
Припас
злости уходит в песок,
но вы сволочи,
сердца ваши
и души —
грязи комок,
вонь от них
на пространстве страны,
нашей милой, родной
Украины.
Вы
мусор
Ада,
и он таки есть —
время ваше придет
наконец:
на столбах фонарей
ваш насест —
на веревки
головами вниз!
Мы поднимем народ,
держись!
Подлецы у руля
экономики, политики —
тьма вас,
несчастных,
но мы вас сотрем.
Берегитесь!
Готовьтесь!
Мы идем.

23.04.09

В белом цвету сады,
в розовом тоже,
красных тюльпанов ряды,
запах черемухи манит...
Я не живу,
я лечу под небом,
мне не хватает чувств
и эмоций,
я сгораю с весной
и очень
хочу продлить это время.
Дни мои на земле —
уже бремя,
тяжелая поступь,
и просыпаюсь рано.
...Мама ушла,
не дождавшись
цветущих садов
и неба,
в осень ушла...
В душе моей холод,
и дождь со снегом.
— Мама! —
кричу в голубое небо,
но в ответ
только ветра шорох.
Душе моей
больно —
ничего не изменишь,
ничего не исправишь.

25.04.09

Заведующий торговым отделом
администрации —
высокая должность
для любой нации.

Деньги, товары
шик и авто,
фигура чиновника
часто чуть мешковата,
взгляд испуганный
много значит.

Жалюзи открыты,
холопы в поле,
и тетка в бане —
сейчас он пойдет
к ней по своей воле
за услугой плоти.

Мир за окном,
и страх в природе,
должность и хлеб
стали единым.

Вот и баня.

А в ней,
главное,
не попасть мимо.

25.04.09

Кладбище в солнце,
море цветов,
люди нарядные
среди православных крестов.
День поминальный
светлой седмицы,
последний воскресный —
праздник и грусть.
Христос наш воскресший
в дни эти
над каждым из нас,
и ушедшими тоже,
Христос их и наш Спас.
Море цветов,
цветущей весны
облака белые,
и даль синевы
неба воскресного,
неба воскресшего
Господа Бога.
Праздник души
и сердца тревога:
как удержаться,
пройти без греха —
мир так греховен
и плоть так слаба.
День поминальный,
и память хранит
дни все эти
жизни моей
из глубокого детства
и по сей день —

там мои предки,
там мама,
и ей
мой поклон,
и молитва моя,
и всем христианам
пусть пухом земля.

26.04.09

Белая вишня
с огромными ветками
раннего утра
и первыми блестками
солнца искрящего —
белой весны
наряд уходящий.
Он потом сменится
зеленью листьев,
красными вишнями,
и дождями
с грозой.
Раннее лето
Мне просто не верится:
за много лет
я снова с весной,
под небом любимым
зеленые травы,
цветы луговые,
шмели, как из сказки
далекой,
гудят,
и я наслаждаюсь мгновеньями
чуда
воскресшей природы.
Люди, проснитесь!
Не злитесь,
любите
друг друга
и жизнь,
хоть это и сложно.
Но счастье — здесь,
и его только миг.

26.04.09

Весна в цвете красок.
Я прячусь от вас всех.
Усталость от хитрости, злости
и дури сплетений,
мне хочется видеть
природу
рождений цветов,
трав и листьев.
Сбежал я от вас,
может, и чистых,
может во мне
та больница
и крики,
может я
должен быть с этой койкой?
Но что-то такое
меня тянет вбок,
куда-то в природу,
где свободы глоток.
Но время все сжало —
коммуникаций ряды,
я рад бы без вас,
но меня вы нашли:
как вроде я должен,
как вроде я ваш.
Оставьте свободу,
идите вы так
без меня,
от меня!
Вы люди лишь внешне,
я без вас проживу,
мне — покой и свобода, —
я имел вас в виду.

26.04.09

Ночью твой образ,
твое лицо
в моих глазах,
и нежность на душе
к тебе.
Влюбился снова я
в весне,
но ты не верь —
я как этот цвет
на деревьях:
сегодня наслаждает
всех,
а завтра
ветер лепестки уносит
в небо.
Вот так и я
на новом повороте
все забываю
и вычеркиваю вчера —
с чистого листа
вновь начинаю жизнь.
Ты — необычная, светлая,
тихая,
нежность лица
и тела поток
горной воды
чистой и быстрой.
Но ты — не моя.
Ты уходи.
Мне нужен покой
и чувств тишина.
Ты необычна,
но ты — не моя.

27.04.09

Я страдаю не просто так —
вот сейчас
в потресканную от ветра руку
мне бросили медный пятак.
Я страдаю не просто так —
мне приходят блага
в виде материальных пут,
они ложатся на спину
и это — тяжелый груз.
Время полета в жизни,
когда ты весь — в мечтах:
часы встречи с любимой,
дождь и снег в небесах,
Новый год,
и, наивный,
ты веришь себе...
Годы несут все дальше,
все больше груз,
и меньше сил,
и я вдруг прозреваю —
несчастный!
И, может, счастливый
друг
бросает мне деньги
снова в мою ладонь,
и я вновь тяжелею —
богатства тлен...
Остановиться?
Нет,
программу не изменить.
Назад возвратиться?
Не нужно людей смешить.
Мечты и планы —
в жизнь!
Всегда недоволен чем-то,
ищет себя человек,
и не находит места.

28.04.09

Я становлюсь крепче и сильнее,
в меня вливается сила растений,
сила цветущих деревьев
весною,
бело-розовых цветов
потоки,
водою
дышу у реки,
ее гладь или волны
в тишине созерцая.
Мысли плывут
в резонанс с облаками.
Я знаю —
Бог награждает
землей и природой,
и я в этих списках
этой весной,
и юность вроде
вернулась ко мне...
Вот и я вновь прочувствовал
счастье.
Но с другой я вершины
прожитых лет,
и бросаться
мне то вправо, то влево,
никак не годится.
Бог дал еще мне весну —
мне б ею напиться.
И я пью
с жадностью,
ароматы вдыхаю
и глазами
в цветах утопаю —
мне уже давно
так не было мило.

Столько лет позади,
и я все
ближе к земле
любимой.

29.04.09

Двадцять перше століття
в Україні,
і Сковорода на камінні,
але не Григорій, —
Василь.
Григорій утікав од світу,
і, наче, втік.
Василь і не збирався бігти.
За двісті літ
усе змінилось:
тікати нікуди —
скрізь люди.
Господи, прости! —
телеєфір
і радіоефір,
газет, журналів стоси...
І світ бере в свої лещата
Василя.
В країні правлять
все ті ж люди
розмовами про волю, землю,
але лишилось все,
як і було.
Правда, загинуло село,-
заробітчанин вже не в Таврію,
на хліб,
а за кордон,
до німців на пиріг.
Тут — олігархи,
це, як чорти, —
Григорій, може, і не знав
про них,
Василь їх знає поіменно,
але то не вирішує
проблеми.

Парламент є давно
в країні,
але не той, що
в Британії, —
це теж неначе пекла цех;
про них не треба
проти ночі, —
гріх.

Василь вклада каміння
в землю,
і вже зробив собі
застемлю —
це тин такий духовний,
як альтанка.

Хоч і в миру він,
та все ж і сам-один.

29.04.09

Мне хочется плакать,
мне хочется выть,
мне так болит
утраченных целей
свернутый путь.
Все меняется —
не отдохнуть, —
формации, сказки,
идеи и мы,
а нами всё правят
с другой стороны.
Мы думали так,
ломали, и этак
спустились во мрак
старой идеи —
свобода и чек,
а, лучше, — наличка,
любыми путями,
побольше
и чище.
Нам хочется быть
со свечкой во храме,
а мысль-то бежит
и нас обгоняет,
и нет здесь конца,
да его и не будет.
Всё неспроста.
И не исчезнут
с лица земли люди,
но жизнь всех заставит
измениться
во славу
Бога Творца,
оставив преграды,
которых вагоны —
книг, предписаний,
ненужных законов.

Ненависть к миру,
земле и могилам
предков, которых
судьба повторилась.
Пламенем чистым,
в душе и по сердцу,
идеи любви —
идеи бессмертны,
а всё наносное —
заумные фразы
психологов,
философов гвардий —
всё “трептология”,
наука дефектов.
Любовь,
и к Богу
дорога,
как весна у порога
светла.

29.04.09

Свет и тени
в танце по стенам
смешались в сложных
рисунках.
Гений
рисует батальные сцены.
Я напрягаюсь,
понять стараюсь,
но все так быстро
перемешалось.
И снова картины
новых видов,
свет и тени
в вечернем солнце
движений веток,
вишен облитых
цветами счастья.
Весна в окно —
и свет, и радость.
Свет и тени
в танце по стенам...

29.04.09

Ветер срывает цвет
с деревьев,
лепестки летят
и ложатся белым снегом.
Серых небес
дождя ожидание...
Он на подходе,
он собирается
каплями,
там, за серым, далеким,
небом,
и солнце не может
пробиться лучами.
Ветер качает траву
с цветами,
нежно склоняя их на землю.
Мне тебя не хватает
весною,
твоей ласки, глаз и покоя,
я так скучаю, друг, за тобою,
взглядом лучистым,
глазами с любовью...
Друг мой!
Мы расстались с тобою
надолго, наверное,
сейчас я не знаю,
когда же увижу тебя.
Я скучаю,
и время в работе сжигаю —
весна без любви...
Но это не так.
Любовь в моем сердце,
любовь в небесах,
весна по дороге,
весна на просторах...
Я тебя помню,
и вижу с весною.

01.05.09

Круг за кругом
в колесе судьбы
вращает жизнь.
Где я?
Где ты?
И взгляд в глубины Космоса
сознанием.
Я верю в эти дали,
где без края
красоты Бога,
рай где в каждой точке,
где взрывает сердце счастьем,
где лететь душе придется —
в это верю,
я, несчастный...
В чем несчастье?
В смысле жизни.
Смысл известен,
но утерян
подражанием друг другу,
и уносит всех
всё дальше.
А я всё мечтаю,
но мечты мои
страдают,
Мало их мне,
чистых, светлых,
они
уводят меня вместе,
со своими милыми
на первый взгляд страстями,
а потом я каюсь
и страдаю —
мне ответ за все держать
и там, и здесь.

В грехе летать, —
не по годам,
круг за кругом —
повторенье,
устоять от страсти
нужно!

01.05.09

Лидер крупной партии
мне снится.
Вместо лица
искрится
попа
и что-то орет на площади
колоннам демонстрантов.
За деньги,
как на работу,
идут люди
с флагами
к этой попе,
слушают какие-то звуки,
потом на сцене
появляются
марухи,
певицы
и певцы худосочные.
За пять целковых
рвут струны
и воют в поддержку
этого лица крупного,
размера шестидесятого,
разомкнутого.
Кто этот лидер?
Я мозги напрягаю,
захожу сзади
и обалдеваю —
я узнал спасителя нации!
Но почему он в такой позе,
да еще и куражится?
Народ аплодируя
скандирует:
— Спаситель отечества!
Пусть меня Бог милует.

01.05.09

Отребье, отребье!
Но так нельзя на людей.
Да,
это грех,
но смолчать — не в силах.
Из автомобиля —
мусор через окно, на траву
и кусты.
Мафия во всем
и везде:
рабочий на каторжном труде —
за копейки,
подрядчик снимает пенки
и растит брюхо с рылом,
но не свиным,
а тем, иным.
Рабочие — рабы,
затравлены,
без воли.
Страна со всех сторон
мерзость принимает,
и здесь ее немало,
но прет, зараза,
подлости отребье!
Люди — другие,
не эти.
Это — звери.
Гниль душ их
с ветром:
с востока на юг, с запада на север,
с центра на все стороны.
Страна моя!
Ты не моя.
Ты — их.
Мне кажется, что навсегда
антихристу дорога.

Гадости
и змей всё больше,
а головы в жиру
внутри
и сверху,
сосудам очень тяжело.
Не верьте этой власти,
и той, что завтра:
— Здрасьте! —
придет по красному ковру.
Бандиты на плаву,
игралки в мафию.
Отребье!
Мне пистолет не нужен
больше,
он не спасет мою страну
в бою открытом, равном.
Но я спою
свой марш триумфа
гадам.
Я не один.
Нас не сломить,
даже если нас пять
всего:
мы вывернем, покажем
ваше нутро,
отребье!
Какая гадость...

04.05.09

Я бегу к тебе навстречу,
я хочу к тебе опять,
я бегу туда, где солнце
не устало нам сиять,
я бегу туда, где солнце
светит ночью,
светит днем.
Белый пух летит
по небу,
тополиный пух
одеждой
покрывает твоё тело,
волосы.
Все в нём
солнце, лето,
и надежда,
что останемся вдвоем.
Мы здесь в мире света,
солнца,
царства, где любовь и свет.
Лето, лето!
И по небу
облаков
горы и цвет —
красок голубых отсвет
падает на белый,
и облака синеют
здесь.
Я бегу к тебе навстречу,
я бегу
в любви горя,
мне весна
на сердце меткой
и любовь твоё опять
через годы,
через время,
через путь, что не пройти.

Я бегу и вижу
ветер,
он помощник мне,
дойти,
и осталось-то немного —
вижу я твои глаза.
Но вдруг небо повернулось —
и к началу я
опять.

05.05.09

В черной туче небо.
Исчезает свет,
и ветер —
дрождь деревьев.
Вот-вот гроза.
Как прежде,
первая
в весну.
Птицы нахохлились
стайкой.
И вот — капли —
радость!
Май смывает пыль с земли,
пыль с цветов, деревьев и травы.
После месяца
ветров
и солнца света
загорели дети.
Мне опять покой
и буря.
Снова вызовут восторги
грома
громкие раскаты.
Май всегда прекрасен.

07.05.09

В движении темени
без маяков
штурман
не видит,
радист без звонков.
Медленно, дальше
сжигая запасы
топлива,
пищи, воды,
и прекрасен
мир
внутри корабля...
На экране компьютера
наша Земля,
иначе забыли бы
за сотни лет,
а, может, и тысячи.
Один ответ
всем интересен
и цель ясна,
отсек для детей:
— А будет весна?
Чтобы они увидели радость
природы и красок,
а не грохот ударов
в обшивку
камней,
дождей из металла.
Команда полмира
уже излетала,
осталось немного...
Устали?
Да нет.
Столько поколений
не видели света,
может, он им не нужен?
В чем для них смысл?

Летит звездолет,
несет в никуда.
В этом их жизнь.
А где-то Земля...

07.05.09

В моем характере,
в моей судьбе
всегда есть ложка дегтя.
Какой бы не был
мед прекрасен,
но хоть немножко
деготь в нем находит место —
пусть паутинка или точка.
И так всегда,
везде, во всем.
Откуда этот пессимизм
впрессован?
И я стал относиться к жизни —
лишь
день до вечера,
и солнце,
дождь —
мне все равно.
Всегда найдется нечто,
и кого-то принесет
сорока на крылечко,
и мне терпеть,
и мне кусь-кусь
щиплет тело, душу,
а я держусь.
Еще смеюсь.
И мне еще не скучно.

07.05.09

Милая,
там, далеко за облаками
белыми-белыми,
как над горами,
шапки из снега
и синий лед.
Милая,
ты так далеко,
и только в эфире
голос мне твой,
и только в эфире порой
я прижимаюсь
к тебе, драгоценной,
в запахе мая,
цветов,
и акценты
не ставим мы больше.
Всё — не от нас.
Воля, свобода —
только в книжках,
и как
вымысел, сказка,
а мы все — под замком,
под спудом обычаев,
обстоятельств.
Тайком,
в облаках,
сквозь лучи золотые
от солнца,
ты мне смеешься в глаза
незнакомка,
близкая сразу
и так далека
с каждым днем...
Судьба не проста
у каждой любви.
А чем ей я лучше?

И снова мой взгляд —
в небеса,
и твой лучик
мелькнет иногда,
и мне лучше
на сердце становится сразу.
Этот луч
проникает в меня,
и отрадой
мне милые, близкие
фразы твои.
Я улыбаюсь.
К тебе так привык...

07.05.09

Охапка сирени
в твоих руках
скрещенных на груди,
и запах
весны от тебя.
Блеск счастливых глаз
весны бесшабашной,
летающего с нами
безумного танца —
где начинается
и где прекращается
танец весны
и радость в венец
для наших сердец
глаз околдованных мною?
Ты стала близка,
и эти цветы
под полной луной...
Любимая,
моя, навсегда!
Ты — луна!
И звезды — в ответ
мерцанием света —
их расстояния
для нас
лишь шаг,
а кто-то считает:
мираж...
Я верю в тебя!
Реальностью любви
сквозь звезды пришла
ты в эти миры.
Луна так светла,
и светел твой лик...
Постой!
Не спеши!

Еще один стих
для тебя,
о тебе
в вечной весне.
Сирень и любовь,
и ночь без конца,
охапки цветов,
и эти глаза...

07.05.09

Моя агрессия ранит мое сердце,
ему мало места,
оно рвется из груди
на свободу.

Без груди сердцу — смерть,
и уходим душой
мы в другие края...

Агрессия моя,
она же — смерть моя.

Агрессия и зло,
ненависть к другим —
она же ненависть к себе.

Дрожим от злости,
ничего вокруг не видя:
что за напасть,
какого вида?

Вопрос наивный и даже
глупый,
она оттуда,
где ад, хаос и бури.

08.05.09

Бархатным покрывалом
облака в полнеба
темно-багровые,
с золотом где-то чуть с краю,
и луна желто-горячая
снизу со светом
вверх по небу.
Полнолуние снова,
и небо в тревоге,
и я с тобой рядом...
Майские ночи.
Года каждого
май пролетает,
но ночи его
не забываю.
То свечи каштанов,
то дух от сирени,
тюльпаны, тюльпаны,
и ты со мной,
в небе...
Летим, улетаем,
как тогда,
в двадцать...
Жизнь поменялась?
Да нет.
То все — сказки.
Душа не стареет,
душа всегда в мае,
ей там
луны
не хватает,
яркого солнца,
чтоб все вдруг смешалось,
а небо ночное
голубым оставалось,

и ночи, и дни
не менялись в движении.
Но май улетает
с каждым днем
от планеты!

10.05.09

Ночь,
и свет луны в окно,
весна в своих правах давно,
и ее нежный каждый день,
как ты
в этой ночи,
где тень ушла
с закатом в даль,
и только свет луны,
и май,
и бархат кожи,
влажность губ...
Я растворяюсь
в тебе
вдруг.
Память все по кругу
лет,
всё спрессовалось в точку
здесь,
в этой ночи...
Мне не уйти
от линии судьбы,
и я с тобой
влюбляясь каждый раз опять.
То я, как дуб,
то, как трава в шелках...
Ты терпишь всё.
И я терплю.
Но главное — любовь.
В ней растворяюсь и лечу.

10.05.09

Мыслей потоки...
Мысли всегда — чередой.
Носят-приносят
то борьбу,
то покой.
И снова с утра,
проснувшись лишь только,
ночь еще не прошла,
вдруг снова — тревога,
мыслей гурьба.
Заводят-изводят,
от них болит голова,
и грехов очень много...
А они все идут,
и ты в них,
как в потоке,
каких-то энергий;
они сильны.
Остановить
и начать
все с листа
с белым цветом?
Но это борьба.
А в борьбе —
пот, кровь.
Небо
на помощь призвать
не готов —
слишком много
ломал я дров,
слишком путь мой
устлали розы —
дороги фантазий и грезы
бесконечной мечты
идеала,

и где-то
я свернул не туда от начала,
потерявшись в рассветах,
когда мысли шальны
понесли, понесли,
словно лошади,
тело.

10.05.09

Я люблю,
я тобой наслаждаюсь,
ты — красива,
и тебя мне всегда не хватает,
но по жизни
я кручусь, я ищу, я мотаюсь;
то вдруг снова, —
как искра,
как ток,
пробивает и тело сжигает,
и я падаю в этот поток...
Зачем?
Мне тебя не хватает!
И я снова ищу
дополнить
тебя лишь чуть-чуть
другою.
Поле жизни
как шар
вращает,
но оно-то — не такое!
И сжигая любовь с любовью —
мне от жадности
к жизни —
мало!
И я снова бегу
рекою чувств,
что остались,
и растратить их нужно
быстро:
время влет —
и граница края.
Рай меня еще поищет...
А ад?

Я сам его созерцаю,
упиваясь любовью, страстью,
я бегу,
и поле судьбы вращает
то одно, то другое...
Значит,
я еще наслаждаюсь.
Но ответ мне держать
придется
за детство и юность в сединах,
а пока
я снова с тобою,
но мысли
по дороге
к другой...
И тоже любимой.

10.05.09

Вода на землю
с неба черного,
ветра гул.
— Осторожно! —
предупреждают синоптики, —
наводнение.
Я смотрю в окно,
им не верю:
осень поздняя
в мае,
деревья гнутся к земле,
вздыхают,
и вздохи их
с шумом ветра.
Осень в мае —
моя невеста,
я ей предан
и люблю до боли,
но женится и жить с нею —
нет!
С другою
я хочу дожждаться
зимы-старушки,
с Морозом-дедом
и Снегурочкой на опушке,
любоваться ее щеками румяными,
волосами белыми,
глазами пьяными
от мороза.
В снегу по пояс
сосновый лес
с зеленой хвоей,
под сенью веток
укрыться,
ждать весну,
но уже в мире другом,
лучистом.

10.05.09

Красный и синий,
белый любимый —
флаги партийные,
как миникиоски,
на едином налоге.
Финансы под носом —
каждому что-то,
чтобы не вякал,
не вякал на папу,
а остальных могут
долбить,
кроме семьи папы
из кресла,
папы с народа
и Президента,
а остальных остается
горсть на ладони.
Остатки империи.
Спецслужб
эскадроны в колоннах
в рядах по четыре,
флаги на ветер,
значки нацепили
и, кругом, по центру
столицы
губерний.
И мне их так жалко —
лучше б к вечерней
сходили все вместе,
но здесь политесы,
и все заболели
борьбою за завтра,
борьбою с вчера.
Идут демонстранты,
и их до фи́га —
забитых, несчастных, —
и сам я такой же,
не лучше, не хуже,

и тоже мне б власти,
хотя бы над лужей
воды дождевой
с лягушкой и тиной —
я б выстроил пруд
с рыбой любимой.
Но кто не дает
пруд мне построить
иль огород
с морковкой, фасолью?
Но все то слова.
Пахать ведь там нужно.
А тут голова
не пухнет от “думок”,
и ходишь себе
то там,
то где хочешь,
и вечером деньги —
гривен сто мне положат
за участие в акции,
за демонстрацию,
что на папу не вякал,
а шел просто с флагом.
И жизнь — ничего,
и все без заботы.
Построили строй —
не нужно работать.
А что еще нужно?
Лежи на кровати
день, два,
и опять — иди с демонстрацией.

10.05.09

Маргинес и бомжи
под забором:
создали их фабрики,
не автопрома,
а службы политики
в тиши кабинетов,
на коврах,
под коньяк,
под портретом
лидера науки —
педрилу души,
жестокое, твердое,
как не пиши.
Душа вперемешку
с кишками и тем,
что в них бродит, тухнет
и пахнет не тем.
В тиши кабинетов
тырили резво,
создавая класс
олигархов,
и хлеба
всем не хватало —
хватить не могло,
тырили вяло,
но это потом
собрали всё.
Все остальные
на травку,
обочину жизни —
черный труд
без смекалки.
Строй капитала.

Капитал весь в карманах
власти и банды,
которая в ней,
и всё там смешалось,
всё там осталось,
а нам — маргинес
и тупая башка
от лапши на ушах,
от вранья без надежды.
Строй капитала
во вчера.
Игра.

10.05.09

Слезы счастья на твоих глазах,
отцвели яблони в садах,
и белых лепестков,
как снег
укрывших землю,
ветер кружит вихрь.
Моя весна,
иду к тебе,
к твоей любви.
Жарких поцелуев пыл,
объятий...
Я тебя любил.
Люблю.
И ложе на траве зеленой,
на белых лепестках,
украшена вся ты ими...
Мы так любимы
этим небом
и весной,
и нам расстаться
невозможно.

11.05.09

Снова скрип двери
в ночи.
Я не сплю.
Жду тебя.
Но это ветер из окна
качает дверь,
а ты, скорее, не одна,
и снова не придешь...
Мне остаются лишь мечты,
и ложь
людей,
вроде бы меня любивших.
Их ложь
как ржавчина
на сердце,
озлобившем душу:
всю жизнь
какие-то претензии,
как подневольный;
то вдруг соседи
озверели,
то я не прав был где-то,
то женщина, которую
боготворил,
стала невестой
другого,
а мне звонит
и просит деньги понемногу.
И там любовь,
и тут — она же.
Я всех любил, люблю...
А ваши крики,
ваше зло —
на сердце ржавчина,
оно всё терпит.

Жизнь в неволе
среди озверевших
поневоле
моих собратьев.
Господи прости!
Дверь снова скрипнула
в ночи,
и снова ветер
сквозь окно.
Ты не иди.
Мне всеравно
быть одному,
я с ложью больше
не смогу
любить, дружить,
я лучше спрячусь
где-то там,
где синий лес,
река,
отдам природе всю
свою любовь,
и Богу тоже.
Ты стой,
побудь одна,
когда-нибудь
поймешь слова,
где всё, как чистая вода,
а тина — ложь.
Она давно
не для меня.

12.05.09

Щелчок затвора автомата
в зловещей тишине —
пуля в стволе,
и ожидание в цепи
таких, как я.
Идти
им некуда.
Везде их ждут.
Сколько парней
осталось тут,
и сколько их еще
оставит кровь свою
на этих камнях
на чужой земле...
— Война свободу принесла, —
так говорят
политики народам.
— Свобода стоит дорого.
Уродам
невдомек:
чужая пуля,
песок,
и первый выстрел,
пули свист,
вой мин
и крик:
— Вперед! —
и первый падающий наземь,
и вой снарядов,
канонады
гул,
в ущелье танки...
Всё горит.
Свобода на земле!

А вот и друг поник —
на бруствере окопа
ложе,
потом “груз двести”,
если смогут
что-то найти
в воронках.
Эхо взрывов
над планетой.
Свобода —
это блядь,
её за деньги кровью
можно взять, отдать, забрать.
Свобода — блядь,
и это можно только так
узнать.

14.05.09

Который раз за день
град, дождь
из черных туч,
носимых сильным ветром,
и ярким солнцем,
вдруг исчезнувшим.
И снова — после крупных капель
с градом —
лучи с небес
отогревают землю, травы,
и люди, уставшие
от непогоды
задумчивы, тихи...
Который раз
три-четыре дня,
казалось бы, весна,
но вот ее каприз:
после горячих дней
сюрприз —
дождь в мае.
Ветер все ломает
и гонит листья
с ветками,
ещё не полностью
доросшими,
в даль;
и листья эти в мае,
рано так.
А ветер все не утихает,
свиристует всюду.
Середина мая.
Я терплю.
Я так завишу от погоды,
ее тепла и тишины.

Но мне сегодня — бури,
чтоб я подумал
и сравнил,
терпел, ждал, любил.

14.05.09

Грусть червяком
в сердце вдруг.
Небо серое
как испуг,
ветер с холодом —
не продохнуть.
Грусть в сердце.
Грусть
легкая, когда все хорошо.
Тянет силы
и нелегко,
когда где-то пусто в цепи,
заполнить бы пустоту...
Целая цепь
жизни,
событий рваные цепи —
звенья утеряны
или просто исчезли
в пространстве,
где жизнь
не видна и не слышна.
Грусть зарождается,
и в ней нет смысла
на первый взгляд,
но смысл есть во всем,
что встречаем, имеем.
Без смысла и истины
неба не видно.
Грусть все сильнее,
но я все связал,
звенья утерянные
я разыскал,
значит
не мне
их собирать.

15.05.09

Город уходит

Я славлю Его,
и буду славить всегда
за всемудрость Творца.
Кто я?
Дитя.
После ушедшего снега в полях —
мяч,
затем — первая трава,
и бесконечная игра...
Детство
в любви и счастье,
потом было не до мяча.
Я отошел от Творца.
В пути исковерканном
дух поник,
и я сник.
Много лет я бежал в потьмах,
много лет сам с собой,
но бесы-друзья
против меня — горой.
Постепенно,
шаг за шагом
я пришел к вере,
но остался с грехом.
Сегодня легче.
Я общаюсь с Отцом,
когда что-то
не так и не туда —
всегда есть помощь.
Горит свеча
надежды
в доме,
горит в душе,
в семье,
и звонит
мне колокол
в дни святые.

Отец!
Поддержи
меня в пути,
как и ныне.

16.05.09

Мир как на воздушном шаре
летит вдаль.

И кто знает —
мягкая посадка
или грохается в тартарары?

Мир повисился сам,
постепенно,
ткали нити,
веревки крепкие
все связали,
силы тратит

на пар в свисток,
а сколько амбиций!

Воды бы глоток
многим народам,
и просто людям, —
устали болтаться
в веревках спрута,
но все зашло, залетело
в даль,

где пропасть,
где духу — печаль,
где стон и слезы,
и, редко, смех.

Даже дети
скорбят о тех,
кто был далек
от чуда истин,
и вознес

мир в пространство
где бытие
качает, тянет, тошнит
и вне

остались травы, цветы, вода.
А нам бы дождя!

Омыть, очистить,
веревкам сгнить,
мир опустить
на Землю жить.
Слаба надежда.
Мы ушли
туда, где пропасть.
Воды бы глоток!
Глоток воды...

16.05.09

Капли воды стекают
по твоему лицу —
дождь любви...
Мы улетели
ближе к звездам,
к краскам ярким
ощущений, эмоций.
Дождь по телу...
Волосы мокрые,
в глазах — ты.
В твои восемнадцать
я был диким,
в твои шестнадцать
сегодня,
слышишь,
я стал другим.
Другая планета,
другие краски,
жизнь еще недопета,
душа, как и прежде, юна.
Но корабль,
чуть уставший,
в море синем.
На серой гальке —
голубые тона...
Ты не одна.
Я навсегда в тебе, веришь?
И только иногда
улетаю вдаль,
но чувства свои
не оставляю.

16.05.09

Дым над лесом,
и запах хвои
разогретой огнем
пожара,
смехом
по дороге
группы людей подгулявших —
подожгли лес,
понаслаждавшись.
Пьяная радость,
мозг отекающий —
давит череп
вещество серое,
мысли дикие.
Березы пожелтевшие,
огонь спички,
неудержимое веселье.
Пожар все больше —
работа людям:
пожарным,
просто
жильцам округи.
Дым едкий,
глаза слезятся,
уже есть жертвы.
Люди страдают,
звери тоже,
бегут все с криком —
погибнут многие...
Но те, лихие,
давно дома,
забыли чисто
деревьев боль
в огне быстром.

Холод душ,
опасность жизни —
дебилы прут
сверху и снизу,
для них
свободен путь.

16.05.09

Яблук червоних і білих
в траві
вкритих росою
на теплій землі.
Скоро вже сонце
зійде,
обрій палає,
ніч наша відходить,
ніч відлітає.
В саду над Дніпром
вітер шепоче:
— Люблю...-
нам обом.
Ніч літня
сплине
мов хвилина одна,
вже горобина співає сім'я.
Ніч промайнула.
Яблука в траві...

17.05.09

— Рвутся к власти гниды! —
слова Президента Украины
я слышал
в телеэфире.
Президент был в бейсболочке,
костюме спортивном,
на прогулке в лесу
по дорожке кирпичной.
Известная журналистка,
затем депутатша,
волосы черные по плечам,
не переставала удивляться:
какая у нас элита,
народ весь забитый, —
как только что с Луны
прилетела,
все так глазками оголтело,
личико кривлялось
и умилялось.
Президент
признавался
в трудностях своей
миссии
стырить страну,
и ремиссии
сложности в подаче,
с похмелья был клоун,
не иначе.
Жестокий, трусливый.
Журналистка все ахала,
и глотала эти сливы.
А кто рвется к власти?
Может, Джонсон?
Алкаш тоже отпетый.

Может Боря,
друг его национальный,
живот свой ублажить
жареной обезьяной?
Кино
да и только.
Президент визжал,
и кривлялась вроде бы
наивная тетка
с вокзала.

17.05.09

Город из снов,
город мечты,
город реальный
и в нем ты,
цветущий и нежный.
А, может, мираж?
Город уходит,
а с ним и сад
дивных цветов, деревьев
и трав,
город мечты,
где я бывал...
Снова там я,
иль, может, сон?
Я там влюблен.
Я вечно влюблен
в жизнь, красоту.
Город
на самом краю
весны,
опушка из лета,
и там снова — ты.
Мне без тебя
никак, никуда...
Город весны —
осень моя,
золото листьев —
просесть висков...
Город стремится
в жизнь
с моих снов,
а утро все то же,
тяжелое вновь.
Город надежды —
город — любовь.

18.05.09

Ветер кружится
в мае, в весне,
испуганы птицы,
деревья — к земле,
и ветки ломает
вновь, как вчера,
листья срывает,
в страхе трава
к земле вдруг ложится,
под силой его.
Ветер кружится.
Деревья встречают
с цветами весну,
и я пробуждаюсь
в любви к Творцу.
Ветер уносит листья и пыль,
и носит меня
жизнь моя была.
Я отрываюсь,
хочу по прямой,
а ветер жизни
моей удалой
уносит
в грех и в любовь,
кружит меня
в море женщин, цветов,
кружит меня
ветер
мой из души,
и мне б оторваться,
и мне б не грешить!
Но тянет по кругу,
а не по прямой.
Ветер-вьюга
белых цветов,
весны хоровод
и тюльпанов восторг.

Я вновь потерялся —
где север? Где ночь?
Вырваться нужно
мне по прямой,
но страсти —
не стужи,
и с ними, порой,
так замечательно,
так хорошо...

18.05.09

Высокая башня,
окна в решетках,
крыша от солнца и ветра
подсохла
после ночного дождя,
густого, холодного.
В окошко, вдруг, свет —
солнце подходит
все ближе
к полудню
по кругу
Земля.
Башня
в замке
давно одна —
другие упали
от дикой орды:
стены рушились, горели,
воды не хватало,
но крепость стояла
за землю родную,
за православие.
Над лесом с холмами
высится крыша —
башня, —
с нее далеко видно.
Но вражеских полчищ
нет пока в поле, —
хлеб там растет.
И невольник,
взирая на ржанные поля,
вспоминает бои,
вспоминает тебя,
который придет
на груду развалин
лет через триста...

И где те татары,
и княжества нет,
и нет тех людей —
другие пришли
с дальних корней.
А башня осталась,
как символ успеха.
Башня — неволя,
тюрьма для мест этих.
Давно те невольники
в мире ином,
лишь ворон
сидит на верхушке ее,
камни седые,
трава, бурьяны...
Время другое,
Но те же сны.

19.05.09

Ночь. Кромешная тьма.
Спят все, кроме тех,
кому спать нельзя:
больница, СИЗО, вокзал, тюрьма.
Человек, как игрушка
в руках
сил нездоровых:
и здесь, и там,
за пределами его сознания, воли,
мечется, страдает
в неволе тех сил.
Придумать бы что-то им
посерьезнее —
переселение на Марс
возможное.
В примитиве
человеческих низких энергий,
страстей, через которые
проходят неверные
им
в кромешной их тьме,
хоть Бог создал ночь
и все, что вне,
и их создал Он,
но отошли.
Гордыня души —
вот человек.
Ему бы скромнее
Ему бы навек
в тиши солнца, ветра
в тиши головы,
но он все коверкает.
А вот и неволя.
Жуткий был сон.
Но снов не бывает —
в них тоже жизнь:
плачет, любит, страдает.

Жизнь продолжается
по воле желаний.
Вот и вокзал,
зал ожиданий,
и, может, последний
транспорт земной.
И все это стоит
как билет проездной.

20.05.09

Каждый умный
и каждый хитрый
куда не кинет глаз.
Палитры аферистов
всех мастей,
улыбки змея,
слова забвенья
и все — вперед,
и цель ясна.
Столпами стали
вдоль дороги,
для бесов праздных
открыли мост.
Цветы и флаги,
слова, парады —
на них вся власть,
ни дать, ни взять,
и каждый смотрит
дурью строгой,
завистью сгложен.
И я не там,
и тот не въехал,
а они — взяли и состоялись.
Такие мысли,
такой талант:
себе поближе,
себе в чулан,
на век и веки
своим потомкам;
рыскают рысью,
в руках котомки,
всегда — в борьбе,
зато по моде
одет везде
каждый из них,
и дети тоже.

В котомках — деньги,
и кто дороже —
рейтинг власти,
рейтинг достатка!
Остальным — просто
сусек с остатком.
Остатка мало
и всем не хватает,
отсюда траур
и часто плачут
по недошедшим и недожившим...
Хитрость!

21.05.09

Ветер, ветер,
ветер в мае!
Холодный, сильный,
задувает,
лепестки цветов срывает,
свечи на каштанах гасит —
скоро лето в полпланеты:
новые цветы
и новый ветер.
Май уходит.
Счастья месяц.
Мы привыкли
жить так щедро,
что бросаемся часами,
месяцами и годами.
Как остановить нам время, Боже? —
улетает вместе с ветром,
скоростью звезды паденья.
Жизнь — мгновенье.

24.05.09

Боже!
Великий!
Невидимый!
Сильный!
Душою и сердцем я чувствую
личность Твою,
и тут же грешу:
не хватает терпения стали,
не хватает терпения мамы
моей —
пример для меня, —
она навсегда ушла.
Мне бы ее характер,
но я неистов,
мрачен и злой,
мне бы любовь
в сердце и тело,
мне бы любовь,
а гордыню
прогнать и забыть.
Уносится время.
Я беззащитен
перед силами зла,
не смириться мне
и не сдержаться —
снова грехи,
но остаться мне с ними
никак невозможно.
Мой путь к Тебе
в небо воли,
Боже!
Вспомни обо мне —
пылинке Вселенной,
вспомни обо мне...

Я рвусь к Тебе бранный,
истерзанный духом,
попранной верой,
я рвусь к Тебе в небо,
вверх,
во Вселенной.

24.05.09

Я помню,
и ты помнишь
вокзал и поезд
из синих вагонов
“Киев-Москва”, и мы
на перроне.
Снег на шпалах,
и камни в стуже,
гравий пути,
иной морозный.
Такой же камень
с глаз твоих темных
ко мне в сердце,
и там холод —
печет и стынет.
Поезд уходит.
В нем я.
Впереди — Москва,
через ночь,
в зимнюю стужу.
Я одинок.
Не забуду
свою судьбу,
твою — тоже.
Ты не виновна.
Меня гложет
мысль другая:
так сложилось —
я сорвался
в пропасть ила
любви с игрой,
оставив другую.
Другая тоже
в холоде-стуже,
ей одиноко
и след утерян.
А их, других,
было не меряно.

За это все
расплата — дальше.
Но придет час,
все будет иначе,
я как волк
заматерею в стае,
среди таких же волков,
и знаю:
время снова расплаты
за старость —
другой вожак.
И я не играю
роли первой,
ночь на рельсах,
Москва в морозе,
зима и темень.
Утро вокзала,
поезд синий,
мне — на Казанский,
вглубь России.
Нужно бы дальше —
там остаться,
стереть память
водкой, работой,
тяжелой, нудной,
сбросить зависимость
от холода стужи,
который прочно
там, за грудиной,
из глаз твоих,
хоть ты нелюбима.
Я — не страдалец.
Я матерею.
Сегодня в мае
душа не стареет.

24.05.09

Луна и любовь.
Планета-женщина
исчезла вновь,
и лик не светится.
Ушла пока,
чтобы вновь вернуться.
Облака
и черные тучи —
каприз ее,
каприз женский.
Новолуния дни
все переменчивы —
дождь и ветер,
вдруг — солнце яркое,
ветер свистит,
как правило, с запада,
Атлантика шлет
приветы свежие.
Ветер холодный,
и дождь на зелень —
листья весны
нежные, свежие.
Планета Луна
мне, как женщина —
любовь ровная,
тихая, светлая
сменяется болью
в серебристом свете.
После любви тихой —
взрыв эмоций,
шквал незлобивый
и боль бесконечная
сменяется чувством
прихода смерти.

А ветер кружит
день к концу.
Пережить бы все это.
Люблю я эту планету.

24.05.09

Я открываю ход,
рою тоннель из подземелья
для духов злобы, —
своих мне мало здесь, —
их бы уничтожить
постом, молитвой,
но мысли мои
все туда же —
к сладостей забавам.
Мне это чуждо
уже сегодня,
но протоптана дорога,
которая не зарастет.
Светом неба
она проторена,
и я хожу по ней:
берег
обрывистый,
стены голые
Земли.
Вдали — свет,
к нему
тянусь как тот росток
весной
травы зеленой,
но лишь мгновение,
и друг
становится объектом
сладострастных мыслей
страстей по женщине,
и мне упреки
мои
лишь ненадолго:
тоннель из подземелья,
идут полки
ко мне,
уже мои,
и страх сознания

и осознания вины —
и снова мне нужна борьба,
не сны
моей души.
...А грех так сладок,
особенно, в ночи.

26.05.09

Страх твой пусть идет восвояси
туда откуда пришел
и откуда начал
путь свой коварный
и часто кровавый.
Страх, который взрывает
сознание,
страх, который как паралич
сводит тело,
кто не испытал?
Кто поверил ему,
что он сильный,
страх, опутавший цепью
спину,
сидящий на шее,
и щупальца в сердце,
страх пусть уходит
и бесы,
которые носят его,
как оружие
главное, сильное
для безоружных,
без веры Христовой.
А если и с верой,
то половинчатой,
или бесцельной,
той, что в быту —
церковность и Бог,
мол, кто-то есть
и надо бы...
Трость поломанная,
грош в огороде
утерян,
и сломаны ноги —
нет опоры:
дух страдает,
мечется душа
и не знает
где конец и начало страданий.

Страх пусть уходит,
а ты, вместе с нами,
к небу руками,
сердцем, душой.
Страх неразумен,
коварен и злой,
постом и молитвой
крест над тобой,
крест, на котором
распятым был Бог,
без страха, но с верой,
надеждой на нас.
Страх пусть уходит.
Долой его с глаз.

27.05.09

Посвящается Алле Савицкой

Я вас понимаю,
я вам помогаю
своею душой,
кроткой, красивой, нежной,
земной,
с начала ее сотворения Богом,
с древних далеких времен
те народы,
откуда вы к нам,
давно изменились...
Я вас понимаю.
И ваши молитвы
рано, не поздно,
услышат на небе,
и к вам столько силы
сойдет
для победы
и выхода из круга,
не совсем еще ада,
но круга,
где покой ваш
исчез.
Награда на небе, —
помните это, —
там ваша сила.
Молитвы об этом
от вас
ждут давно:
откроются реки,
потоки воды
живой, исцеляющей.
Вас просят:
— Иди!

Не ропщите, не злитесь,
кто здесь без беды?
Жизнь на земле
не только цветы,
не только ночь в мае
в любви и забвении,
жизнь на земле
страданий, терпений —
закалка души,
испытание сверху.
Не бойтесь
звезды,
что светит и греет,
а бойтесь греха,
который, как ржа, —
идите, молитесь.
Я с вами всегда.

27.05.09

Что есть жизнь человеческая?
Что сравнится со скоростью
ее продвижения
от рождения
до конца?
Утеха родителям
в детстве далеком,
потеха и радости юности громкой,
труд и болезни,
скорби и горе.
Жизнь человека —
войны и море
житейских хлопот
от зари до зари.
Сон был,
но проходит.
И ночь,
фонари
за окном,
звезды, луна,
мысли сполна
о смысле,
о завтра —
и так день ото дня.
Днем ходим, все ходим,
и все напролом
через преграды,
через беду,
и, вдруг, все как пар,
сон на виду —
был и ушел.
Знаем могилу,
но, верить, что был?
Представлять все картины
о жизни его?

А его уже нет,
здесь, на земле,
и в небе ответ...
А что остается
владыке земли?
Гордостью полон
и злом,
а любви
остается все меньше —
она больше к вещам.
Жизнь человека —
как сон или пар.

30.05.09

Дождь косой по траве зеленой,
по листьям деревьев.
Из дома —
картина для дня начала
немного печальна:
еще час назад было солнце,
яркое, звонкое,
но тучи в борьбе за пространство
взяли победу,
и, сразу,
дождем.
Птицы под навесом дома
притихли
и смотрят.
Гармония
все уравнивает в природе:
дождь, потом солнце,
и дни мая последние
скоро растают.
Планета — по кругу —
и все оставляет.
Вот и весна
пролетела, и лето
дня через два,
лик светел
его возникает:
лето горячее,
лето в любви,
лето с маем...

Май оставлять, забывать
нету сил,
май, как мечта,
как цель жизни,
и милый —
навсегда в душе.
Там все май
за прожитую жизнь
остались.

30.05.09

Площадь взрывается шквалом эмоций,
эфир над землей
слова разносит:
— Свобода и братство!
Правда и воля!
Земля человеку!
Власть подневольным
Богу и небу,
площадь гудит,
взрывается эхом
тысяч людей
уставших, болевших,
им вторит старший
на трибуну взошедший.
Слова те, что нужно,
что слышать готовы,
и шквал в поддержку,
и ветер, и воля...
В степи поутру
роса по хлебу,
пение птиц,
и небо, небо...
Дорога в пыли
петляет, ведет.
Память уносит
в древность —
народ,
кровь на росе,
кровь по пыли...
Свобода и воля
без крови
не шли.
И здесь все готовы
по каплям отдать
душу и сердце,
но некому взять.

Старший в колоннах
впереди за свободу,
но мысли кто знает
его и придворных
старшин и лакеев,
и что им потом
слова?
Обманут.
Люд
босиком
с палкой в руке
по пыльной дороге
в жаркой степи —
исколоты ноги,
свобода в душе
горит, догорает.
Ветер кружит,
птицы летают,
травы пожухли,
хлеб перезревший,
падают зерна
в землю
навечно.
Люди согнулись,
утрачены силы,
площадь притихла,
старший забытый.
Надежда, что снова
подрастет и возглавит
колонны свободы,
и гром тогда грянет,
но ждать нужно долго —
годы и годы.
На пыльной дороге
истертые ноги.

30.05.09

Что в жизни хотел,
то и получил:
кто медали на грудь,
кто в лаке машины
свое счастье нашел,
кто женщин
для кайфа,
телу любовь,
кто душе покой, радость
и вечер в стогу,
кто власть, что под небом —
трон выше всех,
а люди без хлеба,
в дураках целый свет.
Кто мечтал и хотел —
все свалилось мешком:
деньги, пиво, вино
и гарем целый век,
и отбоя все нет
от счастья-любви.
Кто хотел — получил тяжкий труд,
мозоли
до крови в руках,
жилы тянутся
с тела.
Кто хотел — получил
белый хлеб
и до хлеба,
теплый пух на постель,
жар объятий
шалых.
Кто хотел — получил
дикий хохот и крик,
темный лес
и вода —
цвет ее все в глазах.

Кто хотел — получил
день и ночь,
жуткий страх.
Кто хотел — получил.
И покой весь ушел,
а теперь вот, — мечты
только там, где прибой,
белых облаков волны
океана небес.
На могиле цветы.

30.05.09

Неба голубого бесконечность,
облака плывут,
и вечность с покоем
в солнечных лучах.
Здесь река и голубая тишь
воды,
пляж, песок
и ты —
хрупкая и нежная
стоишь,
целый мир в твоих глазах,
и тишь
души,
и кротость, и любовь.
Ты чужая.
Не моя.
Но кровь
стучит в моих висках,
гулко сердце ей вторит,
и взмах
рук твоих,
как крыльев
птицы в облаках,
улыбка
на лице...
Песчаный пляж.
Зелень листьев на деревьях.
Май.
Я стал тихим.
Теперь мне все равно —
я влюбился, как всегда,
и май —
вино
для меня.
Я не постоянен в чувствах.

Завело
меня опять туда,
где мне бы не бывать,
но вновь я в грезах и мечтах.
...Увидеться б сейчас.
Посмотреть на тебя,
и — в небеса,
там, в прохладе сини,
забыть тебя.
Я могу только мечтать.
Мне нельзя
в любовь опять играть.

30.05.09

Гром с небес,
и молнии безумства свет
режет тучи черные
опять
на куски,
и исчезает
вспять,
или уходит в глубину земли.
Гром еще чуть слышен
там, вдали,
на горизонте
небо сходится с землей,
как зонтик
черный купол
накрывает зелень леса.
Снова гром,
и молния
завесу неба
рвет на части
Дыханье затаив,
я счастлив
бурей, что дает потом
покой для сердца.
Я счастлив бурей —
она мне как невеста.
А кто моя жена?
В ней тоже буря
и непостоянство
взрывов.
Родилась в мае.
Так хотела быть счастливой,
и, думаю, что стала,
того не понимая,
что счастье уже в том,
что ты пришел
в мир света, красок
и картин, невидимых другим,
кто не родился.

Дым туманов
летним утром над рекой,
мы еще так молоды с тобой
хоть уже прошло
немало лет
с того мая
первого,
и цвет каштанов
повлиял нам на судьбу.
А я все от тебя бегу,
и возвращаюсь снова
навсегда.
И ты бежишь.
Хоть вот она, судьба, —
и снова взрыв небес,
и ливень по лицу,
и кажется мне, что это
ты влюбилась
с целью
снова все связать
на вечность.
И снова гром.
И снова молния
изломанной стрелой,
и снова буря, —
я от нее
не скроюсь.

30.05.09

Акации с белым цветом
закрыли озеро лесом,
берега в стене их заросших,
белый цвет, как пороша,
между листьями зелени цвета
руты,
и соловьи...
Их трели в вершинах деревьев
скуку
разгонят в мгновенье
и сразу
ты понимаешь счастье жизни,
и тихо возносишь
молитву
к Богу
ввысь неба.
А соловьи поют.
И ты от их песен
вдруг затерялся
между небом, землей,
и прописался
в цветущих акациях
на постоянно.
Соловьи поют,
вечер прекрасен,
и я как званный
гость в этих краях, этом мире,
на берегу воды еле видной
без обиды на все, что ушло, улетело,
и, вдруг, на секунду вернулось.

30.05.09

Моя душа не знает покоя,
она забыла, что это такое.
Вечная сутолока
в повседневстве,
какие-то взрывы пустых
отношений
мира, людей в нем живущих,
вроде бы близких, моих,
и пьющих нервы мои,
мой покой...
Где те друзья, что горой
за друга?
Все уныло, как пасмурный
день осенний,
ложь и расчет движут
нами по жизни,
цепи предательств.
И я в них не лучший.
Вырваться б из ада
унылых, затертых событий,
но все увязло
в грязи,
и остановиться
сложно, непросто —
легче заново родиться,
перекреститься,
исчезнуть в глуши,
в бурьянах придорожных.
Но человек так устроен —
не сможет.
Ему нужен быт
с розеткой и люстрой,
ему нужны теплые вещи,
постель
и кофе.
Покой в душе поменял
на быт.

Быт — корабль
или рыба-кит
огромный и сложный.
Бороться с ним
можно,
но победить —
невозможно.

31.05.09

Сон небуття —
і є життя.
Зелене жито.
Лан.
Город.
Картопля, грядки.
Мати.
Сапа
в руках
натруджених.
І доля:
робота, війна, нагороди,
голод, чека, НКВС,
арешти батька,
вбито брата,
страхи, щоб не було ще гірше,
нерви, випалені з дитинства,
і праця, праця...
Діти —
нові тривоги,
безсонні ночі
та моління Богу
на кращу долю.
Душа лишилась чистою,
не злою,
вистояла в горнилі
протибою
країни-влади зі своїм народом.
Зелене жито.
Хмарне небо.
Початок червня.
Дощу вже треба...
І він іде.
Тому, що час
грози.

І я тоді
втекти хотів із дому...
Звідтоді — я в бігах,
мов той солдат,
що не стерпів наруги,
муштри і глупоти.
Біжу по світу
з відрубаним крилом,
без долі,
без вітчизни...
Куди біжу,
від чого утікаю?
Немає мами...

02.06.09

Откинуть напрочь совесть свою?
Это слюнотечение
или слабость воли?
Никак не пойму.
В круге начертанном,
в границах жестких
мира безумного,
может, я полоумный?
Никак не пойму.
Спрятаться б где-то,
пересидеть,
осмыслить, подумать,
но этот оркестр
воплей и криков
ненависти —
спереди, сбоку!
Все пока не зависит от нас.
Силы правят оттуда,
где не слышен глас
Божий,
и имя Его
забыто на время.
И поделом
нам всем и сегодня,
тебе, друг, завтра.
Нет, не пророчу,
не сглажу,
не ахай...
Нет, не клянусь, —
у меня нету сил.
Убегу,
успею дойти
до границ,
где встретят,
согреют теплом
живым, настоящим.

А пока — поделом
нам всем в этой лодке
под названием жизнь.
Мир развернулся —
ему так не жить.

03.06.09

Не плачь, дорогая,
уста свои сжав,
я улетаю туда, где печаль.
Не плачь, дорогая...
Ты — уже в небе,
и плач твой
душой ощущаю.
Не плачь, дорогая,
тебе это вредно,
а мне это просто
груз неподъемный:
женские слезы —
кровавые слезы.
Время — минуты,
а, может, и меньше.
В чем смысл появления
слез твоих нежных
на грех мой тяжелый,
ведь он не один?
Я улетаю.
Так и не был любим,
здесь, среди людей:
в ответ были плети,
жестокие речи.
Я тоже
взрывался, и в гневе
мог позволить себе
недели жизни пустой
и ушедшей в откос.
Сорван листок.
Календарь на середине.
Горячее лето,
а тело на льдине.
Сталь для души —
одинокства вечность.
Пришел и ушел,
и след задут ветром.

Исчезнет как снег
весной
и слава и память,
и лед, что снова
к горлу в груди
подступает,
и слезы...
Быстрее уходи,
если можешь,
если время твое
отмеряно свыше.
А так...
Не спеши!

05.06.09

Легкий дождь с утра,
солнце блекнет в небе
и трава
в каплях влаги —
свежесть
от нее.
Дождь
омывает вишни
зеленые листья,
красный цвет плодов
с листвой смешался
ветром.
Дождь
капель
как сон
в июне —
снова в лете
один,
без тебя,
и грусть дождю в компанию.
Дождь утром
как слеза
стекает,
вслед новая
волна дождя
июньского
тихого и чистого
на вишни
в окнах грустные.

05.06.09

Сеня шустрый,
мальчик бравый —
в президенты путь.
Орава с ним — цок-цок —
денежка в общий мешок компашки:
с газа, с базы,
с самолетов,
с чахлых,дохлых недотеп,
с гибнущих больничек
бабки.
В президенты!
Все в порядке.
Крутит телик Сеньку часто —
то с журналом
в Верхней Раде
на английском языке,
то с попсой
на чердаке,
тьфу! — на сцене, во дворце,
то с бабульками в стардоме,
то на шоу —
с эскадроном Шмустер жарит
всех кого
и как заплатят.
Сеня жмет,
и снизу давят,
чтобы вверх,
в само кидало,
где корыта стоят в ряд,
где министры козыряют.
Будут все свои
с оравы,
денежка вся ляжет с толком,
только выйдет ли головка
через место, что рожает —
Сеня крупный,
и кто знает,
не порвется ли все к черту.

Я вот знаю,
что не просто,
проползти-то в эту щель:
мальчик просто не созрел,
мальчик никогда не будет сверху —
не пройдет,
будет в месте том всегда.
Будет там буза
в ораве —
мальчик был,
но мальчик квакнул.
Через эту щель народу,
показали только рожу,
остальное — неприлично.
Сеня рвет копыта быстро,
и на этом все закончит:
только в Раду и заскочит.
Рада что? Бедлам, сортир,
место, где отходов мир.

05.06.09

Мне бы уйти,
но потом бы вернуться,
вдаль по реке,
чтоб меж звездами путь мой,
там, в туманных пространствах
Вселенной,
чтоб на опушке был отдых,
и звенья цепи мне б собрать
воедино,
чтобы в душе пел оркестр
тихо-тихо...
Поиски смысла мне здесь
надоели —
мне все известно.
Но нудные трели с утра
бороздят
меня,
зазывают,
и я все по той же реке уплываю:
все то же и здесь повторяется
эхом.
А мне —
в те миры,
в них смысл,
и за этим
я здесь, на земле.
Повторяю ошибки,
дни, как один:
то пришли,
затем вышли,
и снова-вот путь с утра
и под солнцем.

Мне б отдохнуть,
но сон, как
в оконце
красавица
в сказке:
ставни закрыли,
и ты без оглядки
уходишь от дома,
не зная, где же
та, что искала тебя много лет...
Нового мало.
Все повторяется.
Все, как вчера,
не изменяется:
солнце над нами,
утром был дождь.
Мир — это тайна,
и мне нужен Бог.
Я его ожидаю.

06.06.09

Птицы в стае,
полет — играясь,
ранним утром,
молодым.
Первый год
их жизни,
лето первое,
путь мимозимний
скоро-скоро.
Пролетят деньки —
стая к стае,
и вожаки,
дорога в небе.
С картой сверясь,
уйдут, как прежде
уходят предки —
начертаны линии,
от них нельзя
ни вправо,
ни влево,
и так до конца,
в новую зелень
в краях далеких.
Здесь — многих родина,
и там многих тоже.
Нам бы поучиться
у них, пернатых:
родство, земля —
все их братство.
Здесь — границы,
визы, деньги:
люди едут — звереют,
дебри
им города чужие.

Уходят рейсы...
И не впервые
птицы в стае.
Стая в полете —
ровно, спокойно,
как на автопилоте.
О чем их мысли?
Почему нас боятся,
и нам служат?
Звено цепи счастья...

06.06.09

Воскресный день,
день Троицы Святой.
Холодный мелкий дождь,
газон зеленый
напивается водой,
и где-то за дождем
мой отчий дом,
в котором мой отец-старик
один —
мама ушла в миры другие.
Крик ворон
печальный,
и тоска...
Здесь нет больше места для меня
того, которым был когда-то,
нет больше дома,
где ждала меня мама —
тепло того очага
было со мной везде.
Сегодня я так одинок
в этом дожде
под стать душевным чувствам —
не до смеха,
не до веселья...
Да и зачем мне это?
Это прошло,
как дождь угрюмый,
но холод дома
отчего
и думы,
улетевших лет моих
грехи...
Прости меня Боже!
Их прости...
Омой меня в этот день!
Мне без Тебя и день не день...

На этой матушке-земле
мой отчий дом
вполне
мог заменить мне Твой —
так мне казалось...
И порой
я счастлив был в нем,
да и не раз...
Сегодня холод.
Глаз моих сухих
тяжелый взгляд...
Дом мой ныне
там, где Ты,
мой Бог,
Тебе мои мечты.

07.06.09

О тебе писать и думать
я больше никогда не буду.
Осенний дождь
пусть будет тебе другом
со снегом пролетающим
в ночи,
пусть греет он тебя.
Прости
за грубость, дерзость,
все прости...
Но ты изменила
чувству
светлому
романтики морей,
облаков белых
и огней вдали
во время грозы.
Дожди
июня
грели нас тогда.
Сегодня осень, холода...
Звезда на небе,
что светила нам,
только звезда —
упала и сгорела,
и след ее как дым
растаял,
и вернуть ее туда больше
нельзя...
Я вновь ошибся.
И навсегда.
Между нами —
дождь осенний,
и холода...

07.06.09

О как мне трудно
здесь поверить в рай,
который, там,
когда живешь среди людей
как зверь
маленький,
затравленный,
больной
среди больших, огромных,
страшных!
Ярость их,
зубы,
рев и охота —
просто от скуки
рвут когтями кого-то...
Как мне любить,
и как верить в измену —
шлюхи и бабы,
зло вперемешку.
Как мне поверить,
что там, за пределом,
они изменятся,
и я разматерю,
и стану опять,
как в детстве далеком
тихим, как луч
солнца
на восходе?
Быть или нет раю
и мне в нем?
Здесь нелегко.
И я матерю
зубы точа,
когти срывая,
я огрызаюсь,
я не смолкаю.

Как мне успеть
стать травой под росой?
Как мне успеть
стать вишней весною
в белом цвету
иль акацией свежей?
Я матерю, что значит —
зверею,
умягчая слова,
мне ведь стыдно от злости.
Я устал
от слов, что бес носит.

07.06.09

Я люблю тебе там,
у світах далеких,
я люблю тебе там,
куди відлітають лелеки —
в країнах мрій
нездійснених, небачених
нині.

Я люблю тебе там,
де Всесвіт на половині
шляху свого
в різних вимірах,
тайнах.

Я люблю тебе там,
де лиш моя уява
в світі далеких
потоків
пролітає
і малює картину про тебе:
обриси тіла, обличчя
лиш мені
через барви яскраві
доходять —
іншим я передати
образ уявний
не можу.

Ти — реальна, але світ —
далекий і мрійний,
світ де, ти —
моя жінка, моя половинка.

Я малюю картини,
і в них я сам
пропадаю,
я малюю картини
про тебе,
і це лиш моя,
моя нездійсненна уява.

07.06.09

Мне не обнять тебя,
не дотянутся
мне к тебе
сквозь марево
завес,
которых путы
на тебе и мне,
и нет свободы.
На коне
я ускачу
в багровый горизонт восхода
по травам
и пыли дорог.
И снова
станет легче
мне от ветра и далеких видов,
небо багровое исчезнет,
и сон витязя
покажется мне выходом
далекой древности,
когда внезапно
полки вставали,
кровь лилась
и города горели
за женщину,
которую хотели.
Но это в древности веков.
Сейчас герой
зажат со всех сторон,
и тратит время на борьбу
и сон,
другой
повязан суетой,
и все таки романтика
веков —
тебя я вновь
хочу как небо созерцать.

Но это все мечты,
опять мечты...
Но остается ненасытная душа,
душа, которая горит:
— Огня!
Огня любви!
...Дороги пыль
в жаре,
и травы зелены,
цветы в росе,
ночные грозы,
молнии —
Восторг!
Но тот огонь,
что, ненасытный,
вновь
меня поднял
и не пускает вниз —
огонь любви, —
его не потушить.

12.06.09

Тяжесть свинцовая,
пот заливает глаза,
одежда промокшая —
не от дождя,
ночи чужие,
но нужно идти.
Лужи
грязные
на всем пути,
с веток падают капли воды —
ливень промчался,
и столько беды
в водных потоках,
не перечесть.
Ветви спутались,
поникий лес,
не досчитались
друзей деревья —
вывернутые с корнями,
их голова
все еще в боли,
жива,
ветви раскинуты,
как руки людей
хватаются за землю.
Гоню себя: скорей! —
ночь в дороге,
ее не воротить.
Солнце в тревоге,
поблекший диск
в темных завесах
неба вдали,
ноги хлюпают в дорожной грязи —
путь и нервы,
как стали остроги,
отточены, злые,
сорваться готовы —
ранить, убить.

Чужие ноги...
Ночь. Не свернуть
с пути, что начертан.
Кто я на этой дороге
в бессмертие?
Грешный праведник?
Праведник чистый?
Грязь и дорога
впечатались в икры.
Что за вопросы?
Я грешный.
И просто
дожить — не есть жить.
Просто жизнь входит в ночь,
где частые гости —
кошмары.
Непросто,
когда доживают:
и ноги чужие,
и тело — свинец,
но в этом и счастье,
если ты не подлец,
если все — искренне просто,
и мысли чисты,
как дерево в бурю.
Мне бы дойти.

12.06.09

Сквозь линии дождя
и туч
покрывших небо
несутся мысли:
— Не моя!
А мне так хочется утехи,
утехи, мира для души,
забыться телом и сознанием.
На счастье —
мне боль моя:
утратившим часы —
время уж погоды
не меняет.
И линии дождя
холодного
в начале лета,
и мокрая земля,
и небо до рассвета
закрыто тучами,
и солнце на другом конце
все светит
по моей душе
сквозь эту ночь,
что подступила вновь.
И мне к тебе
опять...
Но ты каприз
погоды,
и время для тебя —
листать
еще, еще...
Но так устроена игра,
что жизнью
называется.
Под небом —
косые линии дождя,
и разное мы
видим лето.

14.06.09

Невидимой тенью,
ночью и днем,
особенно больно, когда
на рассвете.
Вот он — день
подарен Отцом,
но она забирает и это.
Воля как камень,
и отступает не часто,
отступает не зря —
попугая,
и жизнь после этого
в страхе вождя
темным силуэтом витает —
прогнать?
Но не скоро.
Созреть, и добраться до нити —
ее рубануть
вроде просто.
Но страх покоряет, как прежде,
и тьмы он муж,
а, может, они лишь вместе,
вдвоем,
на дороге,
где жизнь
обрывают как листья
или яблоки
в личном саду —
не спеша,
погладив руками
созревшие,
и на виду,
вначале красивые.
А то вдруг не станет
и тени.

По-другому нельзя.
Ей по дороге, где камни,
булыжники, мостовая.
Судьба, судьба...
И она за ними, и вами —
тень и вождь страха
в пути,
в вечном движении мира
после Эдема.
Цветы
увядают на теле,
что в землю
уйдет и там снова
соединится с нею
глина, песок —
все равно.
Рвутся струны. С Эдема —
слезы и боль.
И в чем смысл?
Есть ли он в жизни, богатстве?
Все быстро.
Ночью и днем,
Особенно, на рассвете.
Несчастливым
путь покажут другие,
а тень следует
дальше в потоке событий.
Сколько работы!
Бывают ошибки.
Но это не нам,
не про нас.
Не жди ее
и не перечь,
но постоянно думай.

А вождь, что с нею —
враг,
с ним борись,
наклоняясь от боли.
Пот, кровь,
овраг —
но не сдавайся неволе.

14.06.09

Первые лучи
на рассвете,
по стенам комнаты —
свет,
громко птицы
поют, летают,
мысли и страх с ними
меня
опять посещают.
Когти, невидимых монстров тени,
в тело впиваются
без сожаления,
сперто дыхание,
и мысли, мысли...
С ними ужасы.
Остановиться.
Мысли направить в луга
рассвета,
тело оставить,
уйти с ответом,
зная причины
и зная исход их.
Время придет —
пройдут и невзгоды.
Мысли — в лугах,
соловьиные трели,
в акациях белых —
запах июня,
лета.
Монстры исчезли.
Мысли остались чисты
и на время спокойны,
но миг, другой, —
и снова борьба
с преисподней
скорби.

Мне нужны силы.
Я получу их здесь,
где соловьи
меня жить научили.

16.06.09

Весна и свет рядом,
а рядом всегда с ними — тени,
и так до восхода луны.
Там все по-другому:
и небо
в звездах мерцающих
мне много лет, —
мой путь к ним
лежит сквозь страдания.
Я-то привык.
Весна и лунная ночь
меня увлекают,
но сила тьмы
ставит столб на пути.
И мне грустно:
судьба,
от которой уйти
через жизнь...
Только так.
Другого пути вообще не бывает.
Тени идут.
Тени с нами.
И только с луной убывают.

16.06.09

Разбиты и сломлены иконостасы
древних церквей
страны,
иконы отдельные, лучшие,
собраны в музее старины.
Святыни труда праведников
в молитве, посте
и смирении
стали шедеврами,
праздниками
людей, приобщившихся
к бремени
тельца золотого, тяжелого.
Новые фразы придуманы:
иконы — валюта всегда.
И над головами,
в рекламе,
сияют образа.
Святыни, попораны временем,
святыни — от боли
печаль
за души наши
скверные.
Иконы — валюта считай,
торг на базарах
и зданиях,
грязных от духа злобы.
Иконостасы
храмов
стали торжищем.
Жлобы
поднимаются в бизнесе
троща капитал
на себя.

Музеи иконы
видели —
время ваше пришло,
господа!

14.06.09

Поэзия — это надрыв,
всегда и всюду,
поиски смерти
наряду с безумной любовью
к жизни.
Душа болит от марева
или тумана
бытия:
взяться за что-то
и удержаться
на Земле.
Она так, дорога,
но все ускользает, уходит.
Время, как звук —
был и нет,
и мы подходим
походкой нетвердой.
Ответ?
За все.
И что там?
Что ждет?
И каков дальше путь?
Чаши весов колеблются:
смерть и жизнь —
не отдохнуть.
С болью взирая на мир,
с болью — на лист зеленый,
солнечный блик —
и крик...
Постичь это все невозможно.
Картинки бегут,
сменяясь,
природа не постоянна,
нет.
Это не камень,
не памятник.

Это — живой процесс.
Чаши весов колеблются —
слезы и смех в груди.
Время летит,
шар вертится —
что же там дальше, в пути?!

20.06.09

Поиски вечной любви.
Процесс остановить
придется...
Ты,
уходи, не жди!
Ты такая, как все, под Солнцем:
измены и настроения —
миг, —
и все уже по-другому.
Любовь на полмира —
пшик,
шарик на ниточке:
поигрался,
и отдай его другому.
В солнечном свете лета,
в зеленой листве,
в жаре,
в небе и за пределами —
счастье было
и нет.
Все осталось в рутине.
Поиски вечной любви...
Только не здесь.
Здесь — все мимо.
Ад и рай на земле
на одном дыхании,
чувства все —
как вода в песок.
Ты уходи.
Там пусто.
Там ждет тебя
и меня
тупик.

20.06.09

Я постараюсь подняться
над пошлостью
низменных чувств,
но как мне там удержаться,
в мире любви,
где звук
музыки тихой, нежной,
где мелодии,
что не здесь,
но мы-то — земные,
и вечно
нас тянет к ней.

Ответ
не природа ее,
не светлость
гор и воздуха, что
в вышине —
тянут страсти,
для тел утеха,
и душа погружается в грех.
Начинается все красиво:
всегда и везде —
романтизм,
а потом — тошнит
от спесивых
и ненавидящих свет.
Это — низ.

Я постараюсь подняться.
Но тянут,
и тянет сюда
то любовь,
то дикие танцы,
то дешевый театра
спектакль.
И так тяжело оторваться
от мира, где затхлость,
и где всему конец.

20.06.09

Я глажу тебя и ласкаю.
Твоя кожа, твои запахи...
Я в них утопаю.
Я растворяюсь в тебе,
и частицы мои пролетают
Путь Млечный,
за ним — оранжевый,
дальше — цвет кораллов
на дне моря...
Ты откуда пришла?
Сам не знаю.
Миг счастья, любви —
завтра все снегом укроет.
Сколько лет борьбы,
сколько войн
мне еще пройти,
и от пули горячей
уйти, сохраниться?
Но это было.
И будет.
Память листает твоего
тела страницы,
я с ним
покоряю космос.
— Душа моя всегда с тобой, —
так сказала мне ты,
и исчезла
в ту далекую полночь.
Дай Бог, не на вечность.

20.06.09

Мне бы увидеть тебя
еще раз
такую
красоту неземную!
Видеть, слышать, любить,
как когда-то
было...
Мои чувства — грехи,
сколько по жизни
их накопилось,
но удержать мне себя,
остановить
не удастся.
Грех любви —
мои женщины,
мне тела ваши снятся,
мне снятся глаза —
ваших душ зеркала.
Мне снится
моя жизнь,
но без вас —
она ветка
на пламя костра:
сухой треск —
и исчезла.
Мне бы увидеть тебя
как тогда,
в день последний,
прощальный.
Я бросался в дела,
оставляя тебя навсегда,
ненормальный!
А сегодня — мечты
жизни будущей и настоящей.
В них не ты.
В них — печали и скорбь,
дым бытия уходящий.

20.06.09

Туманы и костры
на берегу реки.
Рядом — ты
в траве зеленой.
Полночь.
Светят звезды, и луна
оранжевая на полнеба.
Тишина.
Птицы спят —
их дыхание во сне
слышу, верьте...
Маки красные в ночи,
я и ты.
Но не надолго.
Так устроен я
и мир:
перемены,
жар и пыл.
А потом мне болью
разрывает грудь.
Не найти,
и не вернуться
в эту речку,
в эти чувства...

20.06.09

Я любим и ты любима —
как давно все это было...
Сколько лет...
А, может, лишь вчера?
Может, нам опять сначала
в тот май,
где все играло,
все цвело и все пылало?
В тишине
сердце гулко так стучало,
первые слова сказала
ты:
— Люблю...
Я сиял тогда полночи,
я любил тот май,
и ночи...
Я его люблю сейчас.

20.06.09

Столько лет мир идет
согнувшись
под тяжестью
идей
об идеальном своем
продвижении:
экономика,
программы
и снижение социального напряжения;
философы,
психологи,
и просто бунтари;
революции, войны,
тело короля без головы,
жизнь с чистого листа
целого народа —
и вся страна,
отбросив прошлое,
идет за новым уродом.
Мир под тяжестью идей —
и все без толку,
мир офонарел,
и сдвинул стрелку
компаса чистоты и морали.
Все в откос.
И любовь к ближнему —
в канаве,
на обочину пути —
миллиарды.
Крах идей капитализма,
и кто за нами?
Коммунизм умер в теории,
Маркса винят, плюют
на его гроб.
Сегодня тупик.
Феодалы над нами.

С кострами
скоро охота, как в века средние,
на ведьм, инакомыслие —
мир требует
новой борьбы и идей новых.
А жизнь во Христе
не остановит?
Ценности Библии
и пути крестного?
Это мешает идти.
Остолопы все.

20.06.09

Белый иней серебром
по траве зеленой
днем.
С голубого неба солнце
на подмогу.
ненадолго.
Желтые рябины листья,
гроздя красные поспели,
соловьи все улетели,
трели их остались
лишь в душе.
Соловьиные напевы
в цветах белых
по весне,
и глаза твои напротив —
на всю жизнь,
как эта осень.
Ночь в любви,
но ты чужая —
сердце знало,
сердце знает.
Мне для счастья нужно мало
дней,
остальные
как морозы
колкие, колючие,
и слезы
поутру.
Жизнь на плахе,
жизнь в кредит,
сколько мне осталось?
Миг.
Остальное — не мое.
Мир Бог создал
все равно
для меня.

Дождя теплого помню
слезы,
тебя ждал очень долго,
и так же отказал себе в счастье...
Где ты?
Я тебя найду,
и — здравствуй! — скажу.
Но это будет мир другой.
Другая радость.
Навсегда с тобой
останусь.

21.06.09

Снова встретил я тебя
в мире,
где по кругу все
или
по прямой,
если хочешь.
Но круг жизни —
всё наверх.
Очень
я хочу тебя видеть —
женщину красоты видной,
женщину с умом светлым,
образ твой ношу,
веришь?
Я тогда прошел мимо,
в этой жизни я теряю,
видишь?
Ты цветком осталась,
в памяти моей играясь,
я помнил о тебе...
Прежде
мало я таких встречал.
Но бегу всю жизнь по краю,
все приходит очень поздно —
я созреваю,
но весна ушла —
осень...
Но в осени тоже краски,
тоже яркие цвета,
и ласки мне твои
нужны очень.
Ночь любви
в нашу осень —
до конца жизни,
если хочешь.

21.06.09

Я никого не сужу,
я тоже иду
к стене,
за которой сад,
цветы, деревья и ручьи
воды хрустальной чистоты,
и птицы в листьях —
славят Бога
их пение.
Но перед стеною
тоже сад, деревья и цветы,
и тоже птицы
на пути.
Но путь в сады —
среди жары
отношений между людьми,
и каждый день —
те же грехи,
и каждый день
мой стыд
идти
судить других.
Мы все в пути
в сады
до той невидимой стены.

24.06.09

Удар ногами в дверь,
звонок
пронзительный,
рассветным утром,
и вижу я в глазок —
менты.
И снова серия ударов,
и звонок, звонок.
Дверь открываю —
удар ногою в пах,
затем в лицо,
и я упал
на пол,
и снова серия ударов —
в бок.
Две тысячи девятый год,
и обыск дома,
изъятие вещей,
самых ценных,
И это — цель:
я — бизнесмен,
и дед мой
десятков семь назад
прошедших трудных лет,
встречал ментов не раз,
и та же цель —
изъять, забрать.
Тогда одни,
сегодня их
следы
остались,
и по ним идут
налоговые,
шквалом
в борьбе за
счастье для страны,

где все хозяева —
менты,
а остальные для
труда
на благо
спрута,
как тогда,
десятки лет назад.
Мир снова повернулся
вспять,
идти назад,
туда, где клад
у тех трудяг,
которых призваны до нитки
обобрать.

24.06.09

В жарком мареве
горячего солнца
уходящего июня —
редкие грозы
из черных туч.
Солнце побеждает —
следы дождя
уходят в лето,
и все — жара.
Река теплая,
в волнах рая
плавают дети,
наслаждаясь.
Горячий песок,
и свет, и свет —
солнце горит
и шлет с небес
свое тепло, свой привет.
Недолго время.
все уйдет,
и будет осень,
и дождь, осенний дождь.
Горячее лето —
я им упиваюсь,
один на один,
без прошлой любви:
она — не греет,
а та, что приходит,
как редкие грозы,
волнует,
и быстро уходит.
Бреду под жаром с неба,
залитый светом,
любимым летом,
один с природой,
и ей поклон —
моя любовь.

Мир Божий вновь,
как в детстве далеком,
и снова надежда
на счастье где-то
за новым рассветом.

25.06.09

Красный закат,
отсвет по небу,
сильный ветер с востока,
горячая пыль
по раскаленной дороге
от речки
домой.

Счастливые дни —
твой взгляд
светлых глаз,
и светлая кожа,
лицо излучает
покой и любовь.

Как мало мне нужно —
исчезла тревога,
и снова влюбленность.
С тобой бы
прильнуть
к горячему ветру,
в красивый закат
исчезнуть,
раствориться с любовью.

Ты первая здесь,
на реке,
и твой взгляд
я не забуду.

Не только
прекрасный мой вечер
и ночь:
ты в душе,
и сердце мое
покоренное
взглядом,
и путь в небеса,

и красный закат —
это любовь,
пусть даже пока
одному мне эта радость досталась.

25.06.09

Попусту слова,
как в грязь под ноги,
и топчутся по ним
прохожие.
Их много.
Напрасные слова,
и карих глаз искринки —
кружилась голова,
но все прошло,
как сгинуло.
А годы все летят —
то пять, то десять,
то пятнадцать,
и пусть еще
хотят
Вас видеть, —
но шестнадцать
далеко, а те,
что пролетят
шестнадцать —
попусту слова,
как бисер в грязь,
в пространство.
Но буду говорить.
Запомните их
все таки.
Пролетит,
как жизнь,
туман любовный, звонкий.
Напрасные слова...
Напрасных не бывает.
И голова моя
не кружится,
и с вами быть
давно уж не мечтает.

26.06.09

Жизнь без тебя —
как пистолет у виска,
жизнь без тебя —
обмелевшая река,
жизнь без тебя
так грустна и пуста.
Взгляд твой нежный,
тихий говор,
тела свет
в лучах горячих...
Речка волны
гонит,
плачет
ива над водой.
Мне нельзя,
как этой иве,
мне лишь то, что
я счастливый
видеть на песке горячем.
Все напрочь!
Все дела, заботы,
суету!
О ночи
в радости мечтаний, ощущений!
Женщина
моих мгновений,
что приходят и уходят,
мир по кругу
меня водит.
Встреча новая с тобой, —
и не первый раз, —
женщина ты для поэта.
Ты — для стиха,
светла и чиста,
я буду снова ждать
лучистых
дней мельканье,
краткие минуты вместе...

Расставался,
но ты — моя.
До октября,
до тех дождей,
частых, холодных,
где я, как ива.
Мои слезы —
этот дождь,
и ты в нем,
и разлуки.
Ты моя.
И навсегда.
Мне победить себя нельзя,
и мне так плохо
без тебя.

26.06.09

В вихре солнечного света
твое тело
розой белой
среди травы зеленой,
под сенью верб высоких.
Лето.
Волны голубые по реке
под ветром,
время с ними:
волны — стрелки.
Лето по частичкам улетает
в тайные места,
там исчезнет
розой белой
на песке горячем
в ласках солнечных лучей...
Иначе:
я хотел бы быть
лучами,
быть с тобою рядом,
Анна,
нежность от тебя
по берегу реки,
как волны света:
вновь я зачарованный,
влюбленный,
каждый день бегу к тебе
на встречу,
розой белой —
Анной
в лете.

27.07.09

Свист пуль пролетающих мимо —
мне бы вскочить,
грудь подставить,
и не достаться конвою
живым, невредимым.
Я устал от борьбы за свободу
с железною клеткой,
но я не могу по-другому,
и никогда не будет
она моим местом.
Я жизнь обожаю
с безумием волн,
пение соловья,
запах тела любимой
на воле.
А пока я бегу
раз десятый,
и срок мне растет,
как грибы в лесу
на рассвете,
счет годам потерял —
тем, что там
и что здесь...
И как ветер
пули снова свистят,
кровь в висках
разрывает мне вены:
вижу рощу ее,
слышу крик:
— Я люблю!,
и соловьиные звонкие трели.
Сколько сил
на борьбу
с судьбой моей,
русской рулеткой.

А я снова встаю
навстречу ей —
осечка!
Тишина...
Ветер в соснах гудит,
лай собак,
конвоиры
и крик.
Слезы капаят.
Дождь.
Все смешалось в глазах и душе,
боль в сердце.
Я встаю
и делаю шаг
свой последний —
под выстрел —
свободным,
и за жизнь еще цепким.

27.06.09

Черными тучами
день кончается,
порывы ветра
ураганные,
деревья склоняются
к земле.
Ветер сильнее,
и, вдруг, во тьме
молнии взрывы,
гром по пространству —
дождь,
даже ливень,
и ветер стихает.
А дальше, — царица
июньских дождей, —
молния с громом,
и кто из них сильнее?
Все небо — во вспышках,
и грохот
в ночи.
Дождь успокаивает.
Не спеши,
дни твои позади,
и лето в лету,
июнь, не беги.
В громе я слышу слова:
— Подожди! Подожди...

27.06.09

Мне снова лицо твое
нежное
рядом,
взгляд — улыбка.
Недолго ты здесь,
и радость
увиденного
со мною опять.
Но я вдруг трезвею:
под небом
летят
одинокие чайки,
и я с ними там.
Мне здесь, на земле,
и моим здесь годам
осталось не столько,
как я бы хотел,
поэтому в небо мечты —
протрезвел.
Хоть трудно увидеть
и не полюбить.
Но что мне осталось?
Мне бы пожить,
и только смотреть
как на картину-шедевр:
изысканность тела,
тонкость манер,
голос чуть тихий,
глаза и глаза...
А чайки под небом —
ты быстро ушла:
все так и будет —
ты там, а я здесь,
потом все по кругу.

Я в сини небес,
но помнить и помнить
тебя мне теперь —
Анна победы,
Анна надежд,
Анна — пространство воздуха лета.
Жизнь стала трезвой —
мне через это пройти,
не так скоро.
А там все опять —
осенние листья,
и дождь
Время вспять.

27.06.09

Летопись времени —
звонкие дали,
пространство поэзии
а вы не летали,
хотя бы во сне?
Но сон — часто явь.
Я вот летаю,
и стыдно бывает...
Потом забываю
я про свой стыд.
Летопись времени —
тысячи лет,
далекие годы Христа
и небес,
открытых для нас.
Там навсегда,
хочешь не хочешь,
но светит звезда.
А дальше все строже —
войны и шрамы,
сколько осталось
людей в других странах.
Рабство и зверство,
но были и дни,
когда влюблены
князья и цари,
и ради любимой —
полки и галеры,
мечи. Первый порох.
Смола.
И летели
стрелы на стены —
замки в осаде
ради любви,
а не только забавы.
Летопись времени...
А что изменилось?

Исчезли те рыцари,
мир упростился,
а сложными стали
слова из кабинетов —
слова о стране,
забота о плебсе,
напыщенность взгляда,
серьезность лиц масок.
А я все летаю
в лете
без сказок,
влюбляюсь,
и снова
бреду один ночью.
Тяжкие вздохи,
и руки зарюю
в работу,
и блага
себе собираю.
А сердце, душа?
Я их для любви
все равно оставляю.

27.06.09

Марево света,
солнце в осаде
туч черных тени,
и ты была рядом.
Но все пролетело.
И я понимаю:
время и годы
все заматают,
но я брожу берегом
в тени туч черных
под деревьями белыми
от снега.
Мне больно
смотреть на мир близкий,
смотреть на мир дальний...
Анна! Ты с неба?
А может устами
своими когда-нибудь
ты прислонишься к дереву
белому,
как яркая птица
замрешь на мгновение,
посмотришь в даль неба
сквозь тучи
светом глаз своих
нежных,
вспомнишь,
и дальше
уйдешь в свою жизнь,
забывшись в пространстве.
А я остаюсь.
И здесь, и там тоже,
мне столько открылось
за дни эти лета.

Я остаюсь.
Мне всего двадцать.
Анна-царевна
для поэта рассказов.

27.06.09

И стыд мой гонит меня дальше,
смотришь — остановка,
и промывает мне мозги мочалкой.
На время в голове
моей светлеет,
я становлюсь чище и бодрее,
но завтра все сначала:
я влюбляюсь.
И снова стыд толкает
на случайность,
и снова жизни смысл
мне в этой страсти,
и снова для меня любви
напасти,
и отвертеться, и уйти
от этого почти-что невозможно —
вчера одна любовь,
и, новая, сегодня.
И новая мне кажется —
смысл жизни,
это то, что я искал,
и выжил
благодаря, вдруг, чувству,
что взорвалось.
И стыд несет меня
все дальше...
Оборвалось
все внезапно,
и так быстро...
Я умер.
И ушел в края,
где чисто,
где стыд исчез как в Раю
до тех яблок,
там чисто,
и тело душой больше не играет.

28.06.09

Я проклиная те дни, когда
боли и боли,
я проклиная те дни, когда
смерть стоит в изголовье.
Я не имею права
на проклятие дней, созданных Богом,
но усталость
от жизни,
борьба с бесовскими
ударами
сносит.
Я держусь, но час приходит
борьбы,
и срываюсь —
боль рвет тело,
от нее задыхаюсь.
Жизнь — в борьбе
за день и минуту
моих наслаждений,
растворение в мире природы
и любовь к женщине,
веришь,
все равно возвращает меня,
дает силы,
но борьба утомила,
и свет сегодня закрыла.

28.06.09

Война в сознании
ночами жаркими
в прошедшем времени
ее останками,
раскопки мест тех,
где кровь и взрывы,
свист пуль слепых.
И нервы, жилы
горят, мертвеют
в живых людей,
где та граница,
душа с которой
уходит в небо,
а тело здесь,
в воронках, ямах
рядом в сознание.
Вещи для боя
еще готовы,
но остаются на много лет
в земле, как складе,
и для слабых
идут раскопки
в поисках антик —
коллекций складов
войной пропахших.
Щекочут нервы
запах тлена
и реставрационных лаков.
Война осталась
для тех, кто начал.
Закончит там,
где жизнь другая.
Любовь и рай.
Граница ада.

30.06.09

Радость по свету —
солнце и лето,
утренних, ранних,
прохлад по росе.
Лучей восходящих
хватит на всех
в лугах вдоль реки,
в теплой воде —
только иди
миру навстречу.
Богом избранный
каждый для рая,
каждому свет
в день летний
и цвет
луговых трав ярких
заставляет
любить всех,
и мир любовь наполняет
в утренних травах,
в ласке лучей.
Я удивляюсь.
Мне еще веселей.

02.07.09

Тебя нет который день.
Ты ушла
в свете лучей.
Ты — в закате солнца,
ты — в багрянце оборота
взгляда на меня
оттуда, из-за земли.
И ночь, как уголь,
черным покрывалом
все закрыла,
душа моя все дни
помнила, любила...
Но устроен мир особо:
ты ушла.
Мне нездорово,
но под летом
в неге света
я оттаял,
и свирели птичьих пений
веселят меня.
Берег
в зелени травы.
Ты ушла туда, где сон.

02.07.09.

Пространство мрака,
крики и драка,
мелькают когти, клыки
и ногти
женщин красивых
в мехах,
счастливых,
но только внешне —
в душе их песни,
марши побед
над телом сильным
мужчин счастливых,
хранящих зорко
своих коллег
по кругу счастья
любви и ласок.
Пространство мрака —
любовь упала
в грязь
спозаранку,
с восходом солнца,
а ночью — пьянки, гульба, веселье
Солнце встает,
и, в самом деле,
жизнь так меняют
лучи искристых
золотых шлейфов —
вскрывают чисто
то, что внутри.
И так скопилось —
ногти, клыки, —
против мужчины.

Мужчина пал
на ложе счастья
в оргазме
женщин прекрасных:
и сели сверху
на плечи хилых.
Крики и драки.
Внимание счастливых.

02.07.09.

Дорога в июле,
жар подвечерний,
солнце садится,
но нет облегченья.
Пыль тихо вдаль струится, летает.
Я на дороге.
Ее поглощаю.
Частички земли
питают меня,
в жаре июля
поля зерновые
скоро полягут
в покосы густые:
мука будет в радость —
хлеб и до хлеба.
В поле, где счастье,
где детство, и солнце мне светит,
где мать молодая,
ушедшая в дали,
мне небо осталось,
и слезы остались...
Как все пролетело —
мигом, кометой...
И камнем
горящим в ночи
к земле подлетая
падают звезды в августе часто.
Осталось немного.
Так мало осталось...
Глотаю я пыль,
песок на зубах,
частички земли...

Мама моя
осталась надеждой,
и слезы на пыль
в летних полях созревшего хлеба,
а в сердце полынь —
горечь надежды.

04.07.09

Тебя нет.
И не будет,
даже если придешь.
Ты — чужая,
и случай
помог ввести меня в свет
глаз твоих синих
и белых волос.
Счастье
и силы,
я думал, даешь.
Но все — не по мне.
Ты ушла попрощавшись
до завтра,
и нет
тебя уже в ласках
поэзий моих —
души, где любовью
объял бы весь мир.
Но ты — не со мною,
и я остаюсь
не один над рекою —
весь мир
здесь
с любовью,
и небо в свету,
и дали без края.
Я остаюсь,
моя дорогая...

04.07.09

Белый лист.
Начало пути.
Детство Марии.
Ей бы пройти,
хотя бы, как я
в трудах
скорби чувства,
где счастье в бокал,
и брызги, где пусто.
Я им поделюсь
с тобою Мария,
я им поделюсь,
ты слышишь,
рябина?
Гроздь ее
красные в осень,
и лист пожелтевший
напомнили детство и мать...
Я крайним остался.
Мне умирать.
Вам все досталось —
дорога, река,
небо и птицы,
весна и любовь...
Ресницы
в слезах дождя —
любви мая,
Мария моя,
я тебя защищаю,
и путь твой храню,
на коленях пред Богом стою
и душу свою
отдаю вам
в дорогу.

04.07.09

Слезы на моих глазах,
обостренные чувства —
я сентиментален,
и любовь моя с грустью
к вам всем, родные,
с болью и скорбью,
улыбка на устах
через силу...
Так сложно.
Я вас люблю.
Всех.
И не пусто
в сердце моем
за прожитые годы.
Я вас люблю
в снег и морозы,
согревать буду всех
теплом души.
Грозы!
Я изменяюсь.
Стану летом,
и грустью
улечу далеко,
оставляя вам радость
Мне страдать так легко —
с неба
я вам улыбаюсь.

04.07.09

Я сегодня пустой —
ушла моя кровь,
я без слов,
как графин тот зеленый:
вчера был с вином,
искрился под солнцем играя,
наполняя бокалы,
а сегодня на полке стоящий —
украшение зала...
Если б ты знала:
мне бы вина,
красного, много,
налиться сполна,
и печаль, и все годы
забыть,
все обиды и злости отбросить,
мне бы пьяным пожить,
а потом,
как все кости
отдохнут и забудут
боль и раны свои,
на рассвете с тобою
с телом белым уйти
по реке над водою,
насмотреться в глаза
линий тонких, изящных,
гладить руки
твои,
моя радость...
— Здравствуй! —
ты мне скажешь в лицо —
я здоров стану сразу.
Земляничный покой
земляничной поляны,
глаз твоих голубых
линий тонких, изящных.

Тело с лилий речных
нежно просит любить,
шелк волос
я вдыхаю.
По реке над водой,
по реке...
И с тобою
это может быть сон —
все равно,
все равно с любовью.

07.07.09

Я обрел здесь свободу
среди зарослей зеленых,
среди песков,
на берегу реки, где летний зной,
голубое небо и облаков движенье
караванов,
такая же вода,
и мама в небе... Навсегда
мои глаза туда.
Я обрел свободу, господа,
от мира вашего ушедшего
колонной.
Вам не объять меня и не догнать
в траве зеленой —
мне верб пушистых стражники в пути.
Я греюсь от земли,
и вопреки законам вашим,
где женщины как яркие бумажки
искусственных журналов,
и портрет
вашего бога в бумажниках, во всех —
бумажных денег “прессы”.
Мир очнись!
Мне хочется кричать туда, где высь,
туда где тонкий ритм мелодий
звезд,
мой путь потом туда, к ним —
в дом тот вечный.
Со слезами на глазах
я так люблю реку и этот пляж,
я здесь свободен
и свободен буду там.
Ваша колонна и ваши фишки
мне не по годам.

Рубашка белая и кожа — бронзы цвет,
молитва к Богу
с раннего утра
без нег
в постели,
и роса чистыми каплями,
а ночью дождь, гроза —
все мое,
и все мечты
туда, наверх,
где идеалы красоты.

07.07.09

Мне не нужна твоя помощь
в день сложный, тяжелый,
мне не нужна твоя помощь.
И ветер, и слезы —
слезы от злости и безысходности
мрака,
в котором я, как
без дома собака,
где голод, где холод
или жара,
и каждый пинает,
и любит не часто...
Без дома собака...
И горести мрака
всегда остаются в виде страданий:
то ли рассвет,
то ли дождь,
и в тумане мир прячет
свои краски и счастье.
Туман есть в лете, а есть
страшнее —
от грязных сугробов,
снега с водой,
от осени в дождь,
когда грязь над землей
и сырости стрелки
в тело и душу —
туман для проверки.
От лета веснушки ушли,
ушли на девичьем лице,
и лишь капли
воды от осенних дождей,
и несчастье —
до счастья
целая вечность
первых цветов весны,
как беспечность,
воздух пьянящий...

Я все испытаю.
Мне не нужна ты —
смело играя
на чувствах моих
часто чистых и ярких.
Все испытали.
И неба поруки
приняли вроде бы просто:
был ветер и дождь пролетевший
с облаков светом.
Я выдержу все.
Да и выдержал
больше.
Осталось немного
до мира свободы.

08.07.09

Солнечный свет в летнее утро,
лета венец,
в травах, где буду сегодня весь день,
в верхушках деревьев,
в небе высоком
облаков оперенье,
крики птиц поднебесных
радуют сердце —
они мне друзья
на дивной планете.
На мягкой дороге в спорыше,
мяте, ромашках,
где пчелы метелью гудят,
встречаю снова чудный день,
не первый,
но ты где-то там,
без меня смеешься,
и в счастье —
другие мужчины.
А я остаюсь
в природе, где счастье
другое,
без грима,
где все так красиво,
неповторимо,
в вечном движении
света и ночи —
лето и осень,
и жить душа просит
просто и тихо.

Но рвусь, забываясь
туда, где хмель
вина и красавиц
томных, с косметикой,
лишней и яркой,
запах парфюмов, еды,
и несчастье
уставшей души —
не спрятаться там.
И я здесь, в траве,
дал волю слезам
мое одиночество в этих цветах.

08.07.09

Тебя я встретил жарким летом
в середине дня
и лета посередине.
Твои глаза —
тепло огня
в моей душе на белой льдине.
И принял свет я.
И ритм души,
и ритмы сердца
в ровном покое
тепла-огня.
Ты так светла,
и лет так мало —
тебе идти туда, до края,
еще лет сто,
до той границы —
границы рая,
а, может, ада.
Но не теперь
думать об этом.
Жизни свет
и цель жизни
для неба — в свете.
Тебе идти
чуть-чуть со мною,
а дальше — ветер,
ночная грусть,
дожди со снегом.
И в глазах — слезы,
о друге память.
Но ты иди
еще так долго.
Там встречу я тебя,
однажды летом,
и навсегда.

16.07.09

Я обретаю свободу

Что жизнь сегодня?
То, что видим,
то, что за грудью
внутри души.
И все эти чувства —
с утра со вьюгой,
и вечер в цвете
лучей небес,
что красят ярко запад в красный,
отливы дальше, до синевы,
там — луна и звезды.
Ивы,
на наши плечи —
ветви любви.
И все б сначала —
все хотят.
Страданий мало.
Любви — через край.
Но так мешает
день или ночь.
Снадобье счастья:
взять
побольше трав,
побольше смеха, света,
настоять.
Но часто гуща получается,
а в ней — несчастья,
и разобрать все
нужно нам...
Звезды поют,
Луна, как мама,
и тихий шорох
ветра в ночи...
А я все вспоминаю
дни детства,
и лучи Вселенной,
которых нам не осознать.

И мы, как дети,
по полю света
во что-то взрослое
бежим играть.

16.07.09

В хижине скромной,
в глубине Украины,
я отдыхаю
вдыхая запах полыни,
висящей напротив,
привядшей, засохшей...
Родная земля!
Здесь дворцов нет намека,
шуршащих машин
богачей,
и дорожек ковровых
их “звездам” —
все далеко.
В застывшей природе,
вроде, их нет
с городами и чадом,
исчадием ада,
где гонки до края.
За краем тем — пламень,
вечно горящий,
а здесь — чистота
полыни и мяты,
цветов разнотравья,
деревьев под небо.
Здесь бедность.
Но как понимать,
с присутствием хлеба...
Души здесь с мятой,
ромашкой,
чисты,
омыты любистком.
И это все ты,
моя Украина,
где бедность — богатство.
А там, где успех,
воры, их чванство,
успех-то — в кавычках!

Там — бедность
душ омертвевших
в искусственном теле;
шуршат лимузины,
ковры
и приемы —
элита страны...
Украина — не дом их,
а лишь пространство,
где они дань собирают,
ханы татарские,
потом исчезают
в забытии времени,
в памяти хижин...
Живыми их всех
я ненавижу!

17.07.09

Ради эмоций
положительных вам
мне разрешение:
умным словам
в сторону вашу —
потоком!
Но стоп.
То телефон разрядился,
то пост милицейский
на вашей дороге,
и снова щелчок
мне в телефоне
горячего лета —
смех ваш прекрасный
ради эмоций.
Эмоции — счастье?
Эмоции — страсть.
От них мы стораем.
От них — то подъем в высоту,
ближе к солнцу,
то вдруг отключен телефон,
и — падение с горки...
Запах травы луговой
в разноцветье,
заросли лоз,
жарой дышит июль.
Радость в сердце
мне бы забыть —
я вновь влюблен.
Надолго?
Не знаю.
Летом, весной
все повторяется,
всё мне здесь нравится
на этой земле.

Счастья пятно
на карте Вселенной:
твой голос вчера, завтра —
ты ближе
становишься
вдруг...
Это эмоции,
друг,
мне угорать в страстях
так привычно,
но в случае нашем...
Лето.
Все слышно:
гул ветра,
грохот грозы
шум реки уходящей,
и ты
останешься следом,
нет, — светом,
в матрице памяти,
символом счастья,
может, навечно.

17.07.09

Смена поколений:
дети олигархов,
дети политиков
вышли сражаться.
Поколение с перестройки,
с новым мышлением,
западным образованием
и телячьим взглядом
на рынки капитала
вышли, проспавшись
от хмеля и кайфа
травки, красавиц —
кровь взять на деньги,
слить ее с массы,
за власть сцепиться.
При живых папашах
молодое свинство
без сапог кованных,
без шинелей серых;
пришлые гномики
бездуховной этики
кровь выжимать до боли
из рабов на них работающих;
вышли щепки,
надолго.
Это
со стороны наблюдать
и видеть потомков
тех октябрят
с барабаном и “Зорькой”:
пионерские зори,
комсомольские будни...

Дети — их совесть,
уснула с полудня
далеких, свободных,
лет перестройки —
джин из бутылки,
и кража с елки
игрушек блестящих
в домике детском,
приюте сиротском...
А вы им верьте!
Спасти страну —
за ваши бабки:
билборды, клипы.
Но будут фуфайки
на плечах изнеженных —
с далеких тридцатых
новые дети
рабочих отрядов
вспомнят дедов
и вспомнят оркестры —
тачку в руки!
Вернется! Поверьте!

17.07.09

Ты хочешь спать.
Серое небо
и ветер северный,
редкие капли дождя,
слезы их на тротуарной платке...
Нельзя
плакать сегодня природе —
вчера еще жаркое лето,
сегодня —
похоже на осень,
хоть рано еще.
Милая,
ты спи —
природа делает то же самое.
Снова порывы ветра,
редкие проблески
солнца
над миром,
и ветер, ветер...
Мне грустно.
Поверь мне:
в любви перерывы
похожи на дождь,
который идет — не идет.
Нежное чудо,
ты спи...
Я твой сон охраняю,
и в открытом окне
закрываю ладонями
дождь и ветер отгоняю.
Ночь новой луны.
День рожденья.
Милый, родимый,
ребенок природы
дань отдает
планете любви —
ее день рождения.

Ты спи,
пока я охраняю твой
сон
нежностью рук.
Сердца покой —
мой и твой —
под новой луной.

20.07.09

Твои-то годы!
Тебе лишь двадцать.
Жара и солнце.
Тебе смеяться,
так много лет еще идти,
и видеть радость
и счастье в жизни.
И планы те, что
как мечты
и грезы —
в чистом виде,
искристом.
По ночам —
любовь и дали
морей, дорог.
Любовь приходит,
любовь придет
однажды в день
весною, летом,
зимою
или в листопад —
придет не раз.
Ты веришь в это.
Я тоже верил,
и обретал.
Но шум деревьев,
и листья с ветром
неслись куда-то
каждый раз,
затем снег белый,
мороз и стужи, —
и все сначала...
Я отдыхал
от грустных мыслей,
и с сердца камень
бросал подальше...

И вновь любовь.
Все повторялось.
Но не сбывалось,
о чем мечтал, чего хотел.
И видел я:
жизнь как парус
летела.
Теперь вот ты.
И мой вопрос
себе под вечер,
все по новой:
а может это?..
И я притих.
Смотрю на небо.
А что же ты?
В твои-то годы
чисты мечты...

21.07.09

Встаю с рассветом.
Солнце светит,
лучи по стенам
играют сценку
театра света —
рождение дня.
Я не мечтаю о новой
звезде взошедшей,
я не мечтаю,
не строю планов —
моя звезда,
ты и так сияешь,
голос нежный,
чуть-чуть смешной,
ласкает слух мой —
ты со мной
с утра до ночи,
и ночью тоже.
Я слышу птиц,
их гомон —
с рассветом встали,
летают в небе.
Ты еще спишь
в теплой постели,
солнца луч на твоей щеке,
и я там с ним.
Смотрю, не верю
новому счастью,
ласкаю нежно
тебя я лаской
лучей чуть теплых
на рассвете.
В середине лета
любовь я встретил.

21.07.09

Твои гневные слова,
как горсть песка в глаза,
как яда капли
в сердце, душу,
и Бога я прошу...
Послушай Его слова,
пусть не мои:
кто я?
Песчинка из твоей руки.
Но грех, который
ты сегодня воплощаешь в жизнь,
погубит же тебя...
Вернись
к Писаниям Святым.
Речь не обо мне.
Кто я?
Как дым костра
уходит,
не вернуть,
вот так и я.
И что мой путь?
Его пройду.
Пусть в тот
неровный час
с гор камни полетят,
пройду...
Я грешен тоже.
Но тебя прошу: прости,
и не кричи,
себе на сердце камень
не клади,
он оборвет твои следы,
и пыль засыплет
все...

Ты не спеши.
Подумай, подожди.
Я грешен.
Пусть это будут
все мои грехи.
Прости нас, Бог,
Господь Христос, прости...

21.07.09

Я пью тебя каждый день,
я пью твой вдох и выдох,
слов капель
летнего дождя,
редкого, сквозь солнце,
на меня,
я пью, даже если гром,
я пью тебя в тот час,
когда мне нелегко,
ты даешь мне силы
в жизнь,
ты — кусочек солнца
положить себе на грудь.
Пусть
все останется меж нами:
я люблю тебя
глазами,
значит, и душой своей,
страсти нет,
как воробей
она вспорхнула и ушла.
Слова, слова...
Вернется, если нужно тебе,
страсть —
любовь чиста моя.
Не плачь,
что все не так:
цветов нет, поцелуев, ласк —
я другой,
и все мое — не так.

Я полюбил тебя
так тихо,
может, даже в первый раз,
и ты мой друг,
и я хочу тебя
пить вновь —
пить здесь,
пить всегда,
может, ты моя судьба.

21.07.09

Музыка дождя.
На листьях и траве
далекие раскаты грома,
и ты, моя родимая,
в близком далеке —
в моей душе,
в дожде,
в листве —
везде твой образ,
голос твой,
и даже там, где гром
далекий еле слышно.
Ворвалась в мою жизнь —
тюрьму моей души —
артисткой,
веселой и смешной.
В музыке дождя —
твои слова любви,
и голос твой,
глаза твои...
Ты не печалься,
ты не грусти,
радостью, счастьем,
летом дыши,
осенью в золоте
листьев багряных,
дождя
музыкой пьяной...
В руках хризантемы.
Птичьи ключи.
К теплым морям,
подожди, не спеши.

Я тебя выбрал среди
этих стай,
я с тобой дальше
за море в тот край,
где вечное лето.
Ты недопета поэтами.
Там
я опишу тебя навсегда,
птица-фея дождя.

23.07.09

И снова встреча,
что ждут годами,
что ждут всю жизнь.
Любовь с цветами.
Лицо — цветы.
Волосы — травы.
Это ты
у той дубровы
дубов столетних
в разгаре лета.
Моя ты птица,
из краев далеких
меж звезд и света,
оттуда, где любви планета:
на ней все тоже
из трав цветущих;
ко мне навстречу,
из самых лучших,
ты вышла смело,
взмахнув руками,
и эти руки
я ощущаю
на своем теле
ночью темной —
они как счастье неземное.
Платить судьбе
пришлось не сразу:
помяв меня
немало,
сжалилась тетя,
и показала тебя
в рассвете,
затем в закате
красок буйства
и твоих ласк.
Дорога — и встреча
счастья...

Что ждет меня?
И что подкинет
опять судьба?
Никто не знает.
Но я свободен,
и счастлив силой
твоих эмоций.
Наша встреча —
начало солнца,
оно меж нами,
рука об руку:
далекий путь
без разлуки.

24.07.09

Сколько гнева в душе?
Как ила в застывшем озере,
где вода стоит,
по весне лишь
талые снега тревожат,
гнев поднимается вверх бурею,
гнев взрывает всех,
но ты стоишь дурую,
провоцируешь бесов
словесами от “большого ума”.
Затхлое озеро с годами
взрывает волна —
тина вверх, к воде чистой,
зловонной жижей
к душе.
Как ее вычистить,
оставив грязь насовсем?
Винить окружающих можно:
они, мол, терзают
и бьют,
ну, а где терпение Божие,
что держит
в тиши твой ум?
Гнев клоочет и рвется
ударами входной двери,
но жизнь не просто
выдержать —
ее нужно пройти.

25.07.09

Огонь любви...
Тени листьев по траве,
ветки деревьев с нежностью ко мне,
солнца свет
сквозь дымку облаков
обнимает нас с тобой.
Искры глаз с любовью,
счастья смех,
мои ладони
на тебе.
Вовек
мне не уйти, не убежать
от этого огня —
гореть, сгорать
вместе с тобой,
моя любимая.
В этом огне горю
я столько лет,
мне не уйти.
И солнца свет —
свидетель ночи.
Мне оставаться, греться
от костра
огня любви —
судьба.
Прости меня,
мои измены и слова,
часто не ласковых тонов...
Я так люблю тебя,
я вновь с тобой,
и до конца дойду.

Я не люблю тебя,
как любят все, —
я сгораю от тебя,
в тебе горю,
моя звезда,
мой свет.
Я не с земли
тебя люблю.

28.07.09

Свет души растерян
быстро,
за дни какие-то ушел весь чисто,
и там теперь —
потемки, страх,
там кто-то в дверь стучит,
и рвется;
то, что вчера было
тросом стальным,
сегодня лишь —
намек на нить.
А мне любить
так хочется тебя,
я думал, что судьба,
что ты моя,
пусть даже как-то лето
короткое, и недопето
из-за погоды, которая
всегда не в моде:
то грозы, ливни,
то жара.
Я так любил...
И, может быть, люблю тебя...
Но ты ушла.
Сама.
Теперь во мне — зима,
и снова я один.
Но есть друзья,
и Божий мир,
красавиц-звезд небо —
все мое.
Я выдержу.
И я пойду один.
Пусть грусть в слезах,
и слезы там, в груди,
но ты не виновата.

Не спеши себя корить.
Просто — ты ушла,
любовь оставив,
не умеешь
ты еще любить.

30.07.09

Я получил вчера свободу от женщины
красивой, яркой,
с нежностью,
которая как мотылек ко свету:
сегодня — нежность,
а завтра — нету
ее в помине.

Она любить может
лишь имя
и миг какой-то.

Затем — упреки.

Я получил вчера свободу,
освобождение
от любовных ласк,
освобождение от поцелуев
жарких,
я получил свободу себе —
пусть все утонет в вине,
которого я не пью давно, —
от него лишь боль.

Эх, вино...

Сегодня я получил свободу,
мне ее нужно занять немного
чем-то таким тяжелым,
что все, что болит закроет.

Я получил свободу
от любви —
ее бы продать,
если б купить могли
те, кто от жарких объятий силы утратил.
Я получил свободу,
и жаль мне себя немного...

Но я устою
на ветру,
теребя свои мысли
в поисках смысла,
дальнейшего смысла,
а он мне известен давно.
Я выпью,
и по прямой —
туда, где небо,
и настоящая снова любовь.

30.07.09

Ты глубоко в моем сердце.
А, может, это мираж?
Невеста моя,
так ты сказала, —
жена твоя...
Но потом устала
от обыденных дней,
где взрывы сердец
отлюбили.
И с листьями осени прошлой
все было тоже брошено,
и ветром жглось
чувство
холодным,
дождем и снегом,
затем — морозы...
И все осталось на тех
просторах
парков,
и выюга неслась...
Нескоро
искра снова зажглась —
надежда,
счастье мое —
и я стал, как прежде...
Но это мираж
моих желаний,
это — обрыв надежды:
все исчезло.
И навсегда
осталось
в жарком лете.
А мне осталась память,
которую я тоже брошу —
я не хочу жить в прошлом.
Я отдохну, отойду, отплачу,
я снова восстану —
со мной удача.

30.07.09

Если женщина вдруг
перестала любить,
это она приобретает разум,
и холод его
тебя освежит,
вначале легко, краями,
а потом — жди
арктический ветер в чувствах.
Страсти уйдут,
а разум ее научит
строгости и даже зла,
местами цинизма, и мести
за то, что тебя зная,
вместе,
без головы и ума
жизнь проводили.
Под солнцем
жди уже не тепла,
а холода зимнего.
Кромка
неба в ночи,
луна
полная, облака с ней рядом —
но холод такой!
Зима!
А любить уже никто
не обязан.
Разум — контроль чувств,
это как прибор между вами:
женщина меняется вдруг,
и холод не за горами.
Любовь и разум —
враги.
Это, как море в стужу —
ты на берегу сидишь,
а волны рвутся, бушуют;

ты продрог и замерз,
и на тепло нет надежды.
Любовь и разум
идут
оттуда, мой друг,
где холод сердца.

30.07.09

В напряжении жду
твой звонок телефонный,
но лучше бы в дверь
дома, где я тебя встретил бы
очень достойно.

Я жду в напряжении,
на телефоны взирая,
но тишина...

Ты не звонишь.
Ты не знаешь меня,
и мой номер не знаешь,
ты где-то есть,
но мы не знакомы,
и друг друга даже
не видели...

Любовь,
ты придешь если небу
будет угодно...

Ко мне уже нет.
Я погулял в этом мире.

Сколько
романов, несбывшихся грез,
слез тех женщин...

Любовь
к ним ушла,
и не стоила грош.

Они невиновны.
А я все стремился
к любви без земли.

Кровинка моя, где ты?
Не дошел.

Не пустили.
Не заслужил.
Не достоин.

Я на одиночество осужден:
один средь толпы.
Все чужие.
И всем не нужен ты
в этом мире игривом.

30.07.09

Ты не та, кого я ждал,
и кто мне нужен —
стужа
между нами
очень скоро
после бурь любви,
и голод на слова,
в которых нежность.
Свет стал блеклым,
и исчезло лето —
где то тепло хранится ныне?
Я бы за ним...
Я бы сначала
иней растопил своим дыханьем,
я бы начал все опять...
Но кто знает,
может быть когда-то, где-то
все и повторится.
Но не с тобой.
Ты это тоже знаешь.
Я жду звонка...
Заискрится чей-то взгляд,
и глаза те,
о которых все мечтают,
и я начну сначала.
Привыкать и жить
мне без тебя будет сложно,
но я смогу,
я устою,
и голод
отношений, чувств, любви
пойдет мне в пользу —
я изменюсь,
исправляю те ошибки,
что зовут любовью,
самой чистой, близкой.

30.07.09

Бронзы тонны
и гранита глыбы —
памятник живой,
и жизни будет много
такой таскать с собою.
Взгляд холодный,
неестественный,
и головою повернуть,
почти что невозможно.
Памятник при жизни,
из себя родного —
мышцы, кости, кровь —
алхимик давний
медленно сквозь расстояние
расплавил
и превратил в металл
цветной и камень,
золота б еще, чуть-чуть,
на рожки.
Но не получилось
золота из тела,
хоть жара было много,
но не сделал
алхимик рожки,
не случилось.
А памятник такой большой
и милый сердцу
окаменевшего вельможи —
хозяин города, края
или дома
таскает этот груз
на трех машинах:
охрана, менты,
чего бы не случилось...
Убить? Да нет,
это невозможно.

Чтобы голодное жулье
не стырило, не слямзило,
и, Боже,
на скупку вторцветмета
и на переплавку
на кабели для связи
или сварку,
а, может, даже на крышу
для другого дома
такого же булыги
из металла
и копией
вчера еще живого.

30.07.09

И снова встреча
с тобой, родною,
женщиной счастья,
мечтой далекой...
За столько лет
всего случилось,
И твой приход, как счастье, диво.
Любовь прихода —
любовь-комета.
Добро и книга
закрыта где-то,
и мне б прочесть,
но часто сложно.
Горячий хвост —
и ты под солнцем —
комета жизни,
и мне другую
не найти:
жарким днем с тобою снова
в воде прозрачной
реки любви,
реки, где счастье,
и все для нас.
Судьба до боли —
любовь сейчас,
любовь на завтра,
и на потом.

31.07.09

Прости меня,
мою грубость,
я люблю и терзаюсь —
мне так много лет,
и так мало осталось...
Я хочу с тобой
всегда и везде — вместе:
под солнцем, дождем, луной.
Ты моя женщина и невеста,
света
столько в тебе для меня...
Ты тихая, кроткая, нежная —
я зверь.
Взрываюсь всегда...
Но это мои чувства — честные.
Я без тебя —
ни дня.
Я без тебя — ни ночи.
Ты любовь для меня.
Солнечный свет.
И больше.

31.07.09

Твои поцелуи,
губы влажные, нежные,
я в небе летаю,
тело мое где-то, бренное, —
нет его,
и давно я его не чувствую.
Встреча наша
плывет
над землей
и за тучами,
которые все-таки прорываются.
Синь небесная
исчезает, как наши тела,
растворяется,
твои поцелуи
весь мир закрывают мне, грешному,
но я отдаюсь тебе,
твоим ласкам, нежная.
Дождь за окном
стучит по отливам,
и капли стекают
на тротуары,
но нам все равно —
мы давно с тобой
уплываем
из реальности жизни
с грехом прорываясь
к Вселенной — я с тобой, —
выпивая
яд счастья,
которого здесь,
на земле, не бывает...

Твои поцелуи
губ влажных
любовью
меня
из реальности жизни
опять вырывают,
даря блаженство небесных
полетов без тела.
Моя навсегда
планета любви,
моя ты родная.

31.07.09

Я схожу за тобой с ума,
без ума я с тобой тоже.
Ты такая одна.
А глаза, а глаза!
Столько жизни в них!
Без остановок
я бросал тебя, как хотел,
я бросал ненавядя,
все дни с тобою,
я бросал тебя,
я победить хотел
страсть с любовью,
но ты снова брала
верх —
нежность взгляда
с глубин сознания,
улыбка твоя и смех,
и я снова бросался
прямо
к тебе.
Я не думал
о молве,
о людских пересудах, сплетнях,
я терял то, что во мне,
чем гордился по жизни:
дело.
Я бросал свой ум
в траву,
на которой с тобой
лежали,
я бросал этот ум тому,
кто хотел быть на пьедестале.
Мне не нужна слава,
и ничего не нужно.
Мне нужна ты:
ночами,
днем,
всегда!
Ум оставим за дверями.

31.07.09

У каждого своя беда, свое горе.
Господа!
Вы как в бане —
пар и бабы,
водка, закусь,
пилорамы,
или, как назвать
все это:
группен-секс
и без билетов
вход.
В элитных кабинетах
вас ждут всегда
лизать вам место,
на котором уже тесно
брюкам вашим
от еды на верхних рамах
куда вы поднялись
да поднимать вас помогали
те, кого вы все прогнали
с вашей памяти и сердца,
но без них вам
невозможно —
кто родит вам девку в коже?
Ваше
кто все это приберет
потом с утра?
Кто помоем дом, машину?
Бросит бюллетень в корзину,
чтобы снова — верх?
И слава,
что при жизни всех достала, —
ваша слава
тяжело дается нам.
Ордена, медали,
хлам
речей речистых разных
на бульварных верстках важных,
на ваш взгляд,
газет, журналов.

Телевидение
рано
утром начинает все о славе.
О баранах — тишина.
Что бараны?
Шерсть нужна —
и так обрежут.
Мясо нужно?
Так в чем дело?
В виде разном
под салаты,
и живое тоже.
Вам что?
Мяса меньше стало в стае:
то — пропало,
то — устало и ушло
в миры другие,
то — сбежало на квартиры
по далеким странам мира,
тоже мясом там
застыло
кто в бордели —
место первое по миру
по поставке шерсти, жира,
кто в войне,
кто на стройке,
кто в тюрьме
за проделки крышеваний.
То все те же ваши бани,
где решаются вопросы:
быть—не быть.
А вот под носом
у себя не усмотрели,
и бараны повзрослели,
стали лязгаться рогами,
даже где-то рвутся в бани,
ну а самые шальные
баб вытягивают в мыле
под себя,
а вам вон швабра
от уборщицы осталась,

вы попробуйте и с нею —
она теплая в постели,
только выпить нужно больше
водки, пива да с ликером,
и тогда вам станет легче...
Но это — случай,
и не к месту,
это так, поодинокو,
а пока не дремлет око,
и следит, и подсыпает,
рейтинг рамы поднимает,
и окно из броньстекла,
и охрана там, вохра.
Снова скоро бум начнется,
уж плакатами неймется
всех спасать
и все менять,
да и систему поломать.
Потрудитесь, господа,
время — влет,
и все туда,
“все наверх!” —
свистеть вам будут,
крики “браво!” —
не забудут вас, круков.
Просто нет у нас орлов,
мало их,
в горах где-то там,
а те горы —
все насесты, базы,
храмы телу,
моды.
О, дворцы
для вас, уродов,
строили бараны быстро,
без вохры,
но как сталинисты
сами,
под аккомпанемент баяна
с телевизора экрана:
толстый, жирный гармонист,

девки с ним,
трусы на них
еле-еле, чуть прикрыли
то, что главное, —
не рыло
баяниста, нет,
а те штучки,
что заводят
всех без блата
в хороводы.
Солнце светит всем с утра,
радости на всех хватает,
эх вы, наши господа! —
вот вам мыло,
мойте рамы,
и готовьтесь снова там,
в самом верхе,
балаган открыть по-новой.
Изменения и сломы,
все забудется потом:
языки и керогазы,
русские и НАТО
сразу
все уйдет в корзины
мусора с заборов пыльных:
ваши рожи,
наши руки —
все собрать придется
в стужу зимнюю
на свалку.
Выборы пройдут изнанкой,
приоткроются и бани,
я поймать хочу на глянец
фотографии
хоть попу
молодой политказнобы —
так, на память,
на утеху:
зимним вечером что делать?
Не читать же мне

те книги,
по которым нас учили,
и по которым мы пришли
к бане, раме;
и трусы по книгам нашим
не торчали
для раздачи.
Все другое там,
для сердца.
А что вышло на поверку,
где те книги и их ум?
Все — другое.
Значит бум других материй,
значит — бум! —
мы пролетели.
Думали все о высоком,
о душе,
и светлым оком
созерцали мир планетный.
На дорожку
нам проверка:
мы не справились с мозгами,
мы не справились умами —
пролетели.
Мы — бараны.
А теории — другие.
Стало все.
И мы — чужие
в этой пляске
на курганах,
на могилах
И что память?
Все — ничто.
И только верх —
господа и их концерт,
и закончится не скоро:
времени уйдет...
Просторы неба
примут время,
новое назначат,

племя подрастет,
и вот тогда уж
рамы полетят
и бани,
бабы ихние, плакаты —
все на свалку.
И в солдаты
стройным шагом
в коже черной
из бараньей тонкой шкуры.
Маузеры?
Нет, —
кастрюли,
и в них грохот черпаков.
Новые штаны,
герои,
новые книги,
гномы все
уйдут, исчезнут.
Это будет
понедельник —
новый день недели
света,
праздник новый
и газеты
все новее.
Как там будет?
Кто пророчит?
Но на шее — черт сегодня,
и потом, наверно,
вскочит
он опять...
Пессимизма пядь во лбу,
мне бы ум туда, звезду,
как когда-то при советах,
может, я помог бы где-то.
Но такая пустота...
Баня, пар,
зачем звезда?

01.08.09

Дерибанили Совєти —
крали всі, хто жить хотів.
Один ти, дурний народє,
побіг в храм,
туди, до Бога.
Церкви свічки запалили —
ти туди,
а ми — до тіла
неньки.
Що ж було робить?
Їсти треба, треба пить.
Діти, семеро, по лавках,
жінка танє, мов шоколадка,
їсти їй побільше треба,
от ми торби і — по неньці:
що до рота,
що до доми —
все тягли,
навіть солому.
А ти корчив із себе
дівку-неторканку,
що в комору тільки по весіллю.
А ми бігали, шукали,
апетити виростали,
вже все витягли, що було,
потім деякі
роззулись,
і, тихесенько, вночі, —
кум до кума,
без свічі
а з сокирою в руках:
бах! у скроню,
і під лавку тіло те,
а з комори все додому,
собі рідному.
А кому ж
як не собі?

А ви, дурні, все чекали,
все водили
хороводи з прапорами,
от і крихти не дістали.
а тепер
оговтались,
кричать:
— Президенти не народні!
І проценти
брали від злодюг!
Геть всі свині!
Їли все що їм носили!
Тягнуть все собі!
Так народ повідривався
днів сімнадцять,
ще помріяв днів сто двадцять,
зрештою,
лишився там, де й був —
в хороводі з прапорами.

01.08.09

Страх с утра пришел
в постель:
— Здравствуй! — говорит.
— Вот день новый зажигает Бог,
а ты не смог вновь без меня,
и я пришел к тебе опять.
— Мне б лучше мира... —
я подумал.
— Мне бы любимую,
и чудо — с нею не расстаться никогда...
А здесь опять он.
Он мне, как друг, — всегда со мной.
В его объятиях — я не герой,
порой чуть Богу душу не отдавал.
Я с ним страдал,
но жил, не расставаясь,
мечтая о любви красавиц —
с таким уродом на руках...
Свободы вдох!
А как?
Как придет к тебе свобода?
— Ты же занят с ним, уродом... —
я говорю. И мне жаль
его опять.
Он несчастный,
но он — брат бесов,
и что ж его жалеть?
А я привык к нему.
И без него — ни пить, ни есть,
ни сон ночной,
ни встречи с близкими друзьями —
он постоянно с нами,
и нос свой чуткий —
во все мои дела.
Но я перешагну его однажды, —
он слаб стал, —
я перестал его лелеять,
я перестал его кормить
своей душой и сердцем.

Я переступлю его однажды навсегда,
и к ней, Свободе!
Ты слышишь, милая?!
Прости...
Я задержался,
но уже в пути.

02.08.09

Всю жизнь я в поисках
утраченного рая.
Чем дальше я иду —
тем больше мне печали.
И это победить возможно
лишь улыбкой,
выдавленной силой.
А внутри — кубышка
скарбов
блестящих
и страх потерять,
растратить внезапно;
страх рядом с ней
хранит то, что нажил —
все пустота.
Но держусь прежних правил:
бравада и смех —
это лишь внешне,
внутри еще жизнь —
чистая, грешная.
Частичка души
к любви рвет дорогу,
а рядом — тревога
и страх потерять,
найти — нету веры.
Идет там борьба
в поисках нервных:
Мне бы в рай,
тот, что помню:
мама жива
и лето Господне...
Но не вернуть.
Повторить лишь пытаюсь
жалкую копию...
Только усталость,
и я все иду
вперед, как мне кажется,
уже чуть люблю,
как тогда...

Бог руку
мне подал и держит,
а я все боюсь
потерять...
Сжав нервы,
со страхом в груди,
надеждой на завтра —
к раю в пути.
А путь то обратно...

02.08.09

Цей біль — мій.
І це — скаженність мого життя,
оскаженіння мого буття —
дорога в небуття,
якщо я волю дам йому.
І м'язи, мов тятива лука,
натягнуті бринять.
Ось-ось відпуститься стріла.
І ця стріла — мені.
У серце.
Тримаю тятиву
скаженністю життя —
це гра.
Ця гра — дорога в небуття.
Мені б до Бога...
Але чи треба я Йому
такий слабкий?
Звернусь до Нього,
і не спущу стрілу —
собі, тобі, йому...
Я всіх люблю.
А біль мій —
моє буття:
воно загострює
всі почуття,
але вони
не варті болю,
бо є любов —
любов до Бога.
Мій біль —
мій шлях,
відрізок кроку.
За ним — любов,
і згине морок.

05.08.09

В полном сознании,
без сознания,
в своем уме,
частично без ума,
безумный...
История болезни.
Диагноз.
Кто врач?
Бывают разные.
А если тоже
где-то чуть-чуть?
Как он судит
твой путь?
Палата светлая,
окна в небо,
облака спрятались
за горизонтом,
дымкой серой,
как покрывалом,
закрылось голубое пространство,
полная луна
со мной ночевала.
Я созерцал красоту,
и тихо плакал
в полном сознании,
в ясном уме.
Колеса знаний
в тупике, под забором,
выехать пытаюсь,
но руль безумный...
Я повторяюсь,
и рвусь куда-то —
душевный кризис
или просто усталость?
А может диагноз?
А кто поставит?

06.08.09

Вдаль умчит тебя поезд
по российским весям,
а мне останется мой вечный вечер,
потухшая оплывшая свеча.

Фотографии утеряны —
с годами твой образ превратится
в роз бутоны,
помнить буду дни и ночи
той истомы...

Между нами изредка
прорвутся искры
костра любви, который потушен
вместе.

Горячих дней и взглядов
мне твоих осталось много,
только все — память,
и я должен
это согреть душою,
иначе все уйдет,
забудется...

Редкие звонки
по телефону,
и голос твой:
— Люблю...

Но по-другому
не сложится.

И не сложилось.

Так мир устроен —
рвать по живому.

Это его работа.

И он прошелся там,
где все казалось прочно,
и мы с тобой

в разных концах земли
надолго.

Но встреча состоится всеравно,
я знаю,
там где-то далеко,
за облаками.

07.08.09

Лес на километры,
воздух до краев наполнен благоуханьем
хвои, дуба,
травы, подсушенной местами солнцем,
и цветами отходящими.
Под тихим ветром
шелест веток-исполинов,
и птичий пев
во славу Бога.
В прохладе чащи от жары
укрылись звери.
И я слышал слова веток:
сосны вздыхали и говорили
о бумаге,
которой нужно много
растратить, чтобы попался избиратель,
и, мол, скоро в лес
придут ребята в касках,
пилы, трактора.
Лесное братство —
на выборы, бумагой,
по стране,
на каждом уличном столбе,
на всех заборах
и в шкафах комиссий...
Дубы вздыхают:
как жизнь продлить свою
на стройку дома,
или святое дело —
гроб,
чтоб в вечность снова?
Но бумаги нужно много.
Лица — бриолин и тушь
гримера,
слова пустые, даже вредные любому —
для макулатуры,

а потом —
свалка для бывшего лесного дома.
Дым и вонь
до неба —
исполинам смерть.
Ради чего?
Давно знакомо —
дешевая потреба —
по кругу дури жизни
мы идем беспечно,
а рядом, параллельно, круг
портальный,
где все честно,
но кто нас поведет
туда?
Не эти!
Им нужен дури круг,
где власть и деньги
одно место,
улаждая, греют.

08.08.09

Ваши глаза,
и ваша улыбка
чистоты горной реки,
в ослепительном солнечном свете
гряды прекрасных камней
на рассвете,
брызги воды на порогах
река, разбиваясь,
возносит
капли вверх.
В свежем воздухе —
осень,
радуга рядом
два берега
соединяет,
то вдруг исчезает,
и капли воды меня обливают.
Я трезвею —
в осени дело.
Ты так молода,
Ты — река,
которую видеть могу
неделями,
смотреть, не насытивши
взгляд,
как те капли
на берегах
и по дну
не устали
ласки твои принимать
бесконечно.
А я все трезвею,
и взгляд мой
тоже светлеет,
я же не камень,
сглаженный быстрой
водою.

Но в горах осень.
А мне лучше и легче
с весною.

10.08.09

Реки Сибири повернуть
вспять мы не успели,
лязгнули засовы,
и открылись двери
из большого СССРа —
на свободу мы успели,
но вышли, как из зоны,
налегке.
Нас обобрали в этом бардаке:
Сбербанк упал, так говорят,
но видели ребят,
тащивших три мешка рублей:
президент России — он умел,
наш выдвиженец партии великой,
и третий, моряк какой-то пьяный
и поникший,
почти Кронштадт, —
но все рубли ушли.
Мы начали свободу, как могли:
стреляли, резали свои своих,
бандитами стали многие,
и свист не только ночью
в переулке за углом,
а, часто, днем.
А что потом?
Потом свобода оказалась
грязью в парках —
грязь на улицах, в парадных,
и инфаркты
у тех, кто должен был
еще пожить.
И правда стала шлюхой.
А чем ей дорожить?
Что честь ее?
И кто был первый?
Забыто все.
Да и зачем нервы?
Работа легкая и вечный кайф.
Потом пришли

ребята в помаранчевом,
да и сказали правду вместо этой.
Но недолго
над планетой лист золота
кружил,
и снова — все как было.
Кто жил
запомнит все:
свободу и ее любовь
свободную.
И кто герой?
Кому черта,
а кто, по лестнице, вверх,
они считают — там небо.
Здесь снова грабят,
снова, как тогда:
Сбербанк восстал из пепла
без рубля,
уже на наши гривны,
снова вверх,
и — кризис по планете...
Грех
мне выражаться
и не буду я.
Горячим летом
снова встретил здесь
свою любовь.
Не первую,
конечно, нет,
но по силе —
те же чувства.
И теперь
ушли куда-то в память те
жлобы,
тащившие мешки,
ушли те, кто не чист на руку
и глаза,
кто нанял их.
И я пока живу
в своем миру,
в своих чувствах к женщине —

этим живу.
А ваша свобода,
ваш бардак,
грязные улицы,
и тот Сбербанк, другие банки,
и кризис ваш — дурман,
сберкнижки СССР —
все пусть идет туда,
и в ту же дверь
откуда вышли мы из СССР,
засовы от которой
все висят,
и дверь открыта,
и путь назад открыт —
в любой момент
загонят всех,
и вякнуть не успеет
президент
ни тот, ни этот.
Все туда, за дверь,
и на засов.
Так есть такой вопрос?
Или меня куда-то ветер нес,
как эту грязь?
По паркам, площадям
кульки летят,
окурки,
по мордам
друг друга все молотят,
и даже те,
что под куполом парламентским:
— бац! —
и морда красно-синяя,
аж жуть!
А дверь открытая
стоит,
она все ждет,
и будет ждать.
Поиграйтесь пока...

12.08.09

Новости, новости, новости —
с утра и до вечера
долбятся.
Главные программы информационные —
топтание в куче мусора.
Репортеры подневольные
то в морге,
то в яму кладбищенскую
камеру.
Крупным планом —
труп на асфальте,
и вслед за вами —
подглядеть в скважину замочную
и вытащить на экраны,
на полосы газетные
вашу даму.
Факты жесткие и жестокие —
этим бьют в головы людей,
дурман разливается маревом,
страх — выступлением лидеров
других стран: “угрожение” —
ответы на это
тоже “попа”.
И это называется политикой —
гонка
между странами.
Так спешно
едет троллейбус:
ей в кино,
ему в консерваторию,
он студент;
везут коробку —
шефу презент,
им эти страны и их президенты,
спичи, рейтеры,
текущие моменты...
А экраны жарят и подают
новости, новости:

кого-то бьют,
взрыв фугаса,
и снова пираты,
бордель в квартире
и порнодилеры —
и так каждый день,
кому не лень.
Особенности жизни.
А где же жизнь
в этих ужасниках?
А где хорошая сторона
бытия?
Почему все новости
такая фигня?
Что за погоня
за трупным ядом?
Зачем спешить
куда не надо?
Но не изменить течение вымысла —
все нарастает,
и будет двигаться
туда, где морг
и тележки для трупов.
И так приятно
в “порше” их слушать,
в “мерсе” тоже,
и “ягуаре”!
Щекочут нервы
нам, болванам,
и мы по времени —
с кнопки на кнопку.
В руках газеты —
все про ту же винтовку,
и пули свист,
и крови реки.
Что за жизнь?
Такая мура стала “конфеткой”.

12.08.09

Моя ты боль,
ты вновь пришла
со мной сразиться.
Ты часто побеждаешь —
и больница,
но я и там бороться научился.
Я вижу: сквозь окно
струится свет
солнца или ночью — лунный,
бывают дни, когда
все небо как в тени
планеты —
серое и грустное,
но мне и это
тоже в радость.
И дождь, который
очищает, красит
природу и дома,
зима
мне тоже в красоте
снегов летящих,
сугробов белых.
Я научился
оставлять тебя в сознании,
а сам, тем временем
ночами, тихонько,
отхожу от вас
в мир другой,
пусть часто, грустный
как сейчас,
но мир, где ты
не можешь быть.
Ты обманулась
и спешишь
догнать,
и снова я ловлю минуты
и ты останешься.

Пути
твои я сброшу все равно
когда-нибудь,
моя ты боль,
мне тебя придется
обмануть
любой ценой.

16.08.09

Сумерки. Серости цвет.
Вот-вот темнота.
Кризис пришел, пустота.
Или его привели,
те, что с рогами?
Миром кто правит?
За шторами и под коврами
избранных их всего-то за триста.
Может, они
из кризиса вышли, —
и нам это “счастье”
урода без знаков,
который ломает
старый порядок?
А новый наступит?
Ведь он не строитель,
не созидатель,
он разрушитель.
Так как же с порядком,
новым и старым?
И что скажут те,
что с ними рогами
запрятались где-то
в тиши кабинетов?
А вдруг урода
чудовище гложет
по странам и весям,
морям, континентам,
по телу живому,
по самому сердцу
тех, кто и так
концы еле сводит?
Так что за напасть?
И кто ее водит?
Мне кажется — алчность
избранных кем-то,
им всеравно мало.

Давайте отметим,
и купим билеты
на другие планеты,
в одну лишь сторонку,
и пусть создают
без рабского пота,
без крови.

Дали
открыты и ждут.
Соберем на билеты,
и выбросим спрут
на другие планеты.

16.08.09

И снова снится мне моя война.

И не одна.

И свист тех пуль,
которые дождем летят,
взрывы гранат,
команда “пли!”,
а артснаряд один, другой...
Какой же мой?

И не поднять мне головы
от той, чужой, земли,
где многие друзья мои
полегли.

Днем еще нас было
полный взвод,
и вот команда:
— Батальон, вперед!

А впереди — огонь, огонь!

И мы лежим,
зажавшись в землю,
и судьба
моя, бронещитом,
который раз...

Под бешеным огнем
я снова жив,
а сколько полегло...

Моя война
во снах —
бесплатное кино,
хроника давно минувших лет
и тех побед,
которые потом, как хлеб,
покрылись плесенью,
и мало кто поймет,
что было это...

Но остался взвод.
И не один.
А часто — батальон —
в чужой земле
ради больших знамен
нашей страны,
которая-то тоже полегла,
покрылась плесенью,
и тихо умерла.
Но смерть ее, и смерть солдат
по небу тучами летят,
и я молюсь и плачу в тишине,
проснувшись ночью
на своей войне,
где часть меня
осталась навсегда.

16.08.09

На светском приеме
светские львицы,
красивые попы,
лица отмыты,
нарядные платья
известных портных.
Сегодня портной,
считай, как герой,
их имена на устах
одевальщиц
модных прикидов.
Но часто бывает
каприз ни с чего:
две львицы пришли
в одинаковых “шузах”:
цена запредельная —
тысячи баксов,
по цвету разнились.
Какие там танцы!
Дамы опешили,
и истерились:
вид обвешанных,
как стог сена под ливнем.
Бедные дамы!
Одна градом правит,
Другая с державы
берет —
муж начальник.
Такая проблема,
такая беда —
подонок сапожник,
заморский мудака:
“Все в эксклюзиве!”
На деле — поток.
Еще в других странах

их много,
и грош им цена,
дешевка,
а здесь — на “ура!”
Светские люди...
Устала страна.
И тоже свихнулась —
с шузы на шизу.
Светские люди —
на нашу беду.

17.08.09

Зеленые листья с зеленой травой,
яркое солнце,
утро, и вновь,
как когда-то, лет сорок назад,
я радуюсь жизни,
я всему рад.

И, вдруг, как топор,
на голову сзади:
— Пошел бы ты на фиг!,
это я еще мягко.

Из зарослей вишен
сосед вышел,
лицо без крови,
злость его гложет,
как кость пес голодный —
по-другому не может,
несчастный.

Дом,
крыльцо в винограде,
огромные гроздья —
Божий подарок,
и сад полон света,
добра и растений.

Сосед мой — калека,
диагноз несложный,
но лечится палкой
за ржавым забором
в бараке холодном
с вохрой-конвоем.
Но мир так устроен,
что там есть другие —
романтики, дети в душе
и по миру,
Божьей природе.
Слезы за сеткой.

Им бы траву и листья,
беседку
с любимой в саду,
но гибнут в неволе.
А здесь — в головах
гнутые гвозди,
они и мешают —
радость все гложут.
Сам был таким.
Много лет вспать протопал,
но вычистил болью
все в голове.
Люди, родные,
живите же!

24.08.09

Красивая лошадь,
ветер перебирает волосы гривы,
и глаза ее не игривы,
прикрыты,
и голова опущена вниз...
Умирает хозяин.
На смертном одре еще жизнь,
хозяйка ушла
в мир иной,
молодой,
и хозяин за нею,
почти что бегом.
Остались лишь дети,
они давно безразличны
ко всему в этом свете —
и лошадь одна.
Дни ей стоять
и вздрагивать
в ожидании вести.
Ее продадут.
Средств нет у детей
провести в путь последний отца.
Лошадь вздыхает тихо одна,
почти не съедая траву,
она вся в печали,
одинока в хлеву,
в ожидании дня,
когда ее продадут
перекупщикам рьяным —
то ли на мясо,
то ли под плуг.
Умирает хозяин
земли,
ее брат,
уходит не громко,
без слез,
без крови,
лошадь за ним пойдет.

Полынь
останется в памяти,
запахи поля,
запахи лета, осени.
Доля
не только у них,
доля страны —
уходит хозяин земли.

25.08.09

И снова жарким днем,
наверное, последним
в уходящем лете,
желтая листва
в траве такой же.
Яркие лучи
пронзают парк,
солнце обнимает нас,
и снова чувство пламени
в груди.
Ты подожди,
любовь не просто к нам
вернулась —
она была и есть,
оков ее не снять.
Любовь горит
и пламени так много —
уголек остался
и тихо тлел внутри,
случилась встреча —
и снова взрыв любви.
Я ласкаю нежно
твои руки,
я ласкаю нежно
твои плечи,
поцелуев жар —
встреча
снова пробудила нас.
Ты моя навеки,
как это солнце.
Но скоро снова снег —
не наше время:
холод ледяной
дождей осенних

и редких встреч —
везений
для меня,
любовь моя.
И это не игра.
Твои зеленые глаза,
твоя улыбка,
и судьба —
все навсегда.
Моя!

27.08.09

Боль рвет руки, ноги,
боль рвет спину.
На дороге
ветер ближе к осени холодной,
голова опущена
под ноги,
взгляд угрюмый, но не потухший —
светятся глаза,
и сердце
принимает Божию любовь...
Это не страдания.
Вновь на душе тепло,
и сердце радостью наполнено
без меры:
Бог дал нам жизнь и веру.
Моя дорога
сквозь леса,
где деревья высотой
под небеса.
Шумит дубрава
музыкой любви.
Боже! Я чувствую Тебя!
Суди!
Есть за что...
А Ты прощаешь снова.
Ветер ближе к осени,
и холод
по спине, в которой
столько боли.
Но боль моя —
мне в радость.
Немного потерплю —
мудрее стану.
Снова осень.

День отсчета,
и новые дороги.
Боже!
Я на коленях перед небом
и Тобою,
и знаю, что с меня Ты спросишь.
28.08.09

День особенный,
праздник православный,
успение Девы Марии Богородицы
я славлю.

Кто я
перед нею?
Недостойный.
Сколько мерзости, обид и боли
я доставил Ей
за эти годы.

Мне стыдно обращаться
в непогоду
личных бед и бед моих родных,
я перед Марией
столько вымыл
добрых помыслов с души
и сердца,
я стремился к женщинам
и играм,
жестоким и нечистым —
понимаю...

В день Великий
к Ней обращаюсь,
матери для мира:
сиротою
моя мать ушла —
она с Тобою,
я имею время для возврата
на дорогу чести,
где богаты
духом люди
движутся без крика,
хоть приходится им трудно.
Поднимаю руки и взываю:

— Мать Бога,
сколько Ты людей спасала,
не оставь меня
здесь догорать,
помоги мне развернуться вспять
добрыми делами,
добрым сердцем...
Мать мира!
Без Тебя мне будет тесно.

28.08.09

Так часто хочется подсмотреть
в приоткрытую дверь
чужой квартиры или дома,
увидеть воочию
чье-то счастье,
и, поверь, не для зависти
и мести,
а просто счастье человеческое
редкое,
в мечтах и книгах виденное,
но правила приличия
не позволяют
подсмотреть как страсти гуляют,
как русский мат,
или просто сленг с грубостью
вперемешку,
повышенный тон,
как гормоны
при игре в русскую рулетку —
все захлестнуло
и всех нас вертит.
Я бы, наверное, не смотрел
на проверку.
Желания, которые навешиваются
извне,
это не значит, что их
нужно исполнять —
мне
не хочется
страстей-мордастей,
мне не хочется видеть
гадости,
я стараюсь пробежать мимо
них
и забыться.
Время и жизнь:
все всё валят на них,
и нам уже, наверное,
не измениться.

30.08.09

В потоках ветра
я лечу,
и ветер поднимает меня
ввысь:
то медленно кручусь,
и слышу свист
его в горах,
потом в полях —
где нужно тихо-тихо,
а где и бурей
вычистить все чисто,
и высушить землю до пыли
после дождей
потоками воды
промчавших по равнинам.
И я все с ветром.
Половину отдаю своей
любви ему,
а половину — небу.
И так вот, с ветром,
столько лет:
закрыв глаза,
остановил все мысли —
билет не нужен мне
и паспорт,
контроль границ,
опасность лайнеров в пути.
Мне с ветром по пути,
даже если б и хотелось
в другую сторону...
Время придет,
и новый полет:
изменит ветер направление
движения
и унесет меня, лаская,
к покою вечному.

30.08.09

Под вечер в день воскресный
по улицам и с песней
странные колонны
людей в форме паленной,
флагшток высокий держит
много человек,
и флаг —
мантию сняла
сама старуха-смерть,
и отлетела обнаженной вверх,
чтоб не мешать,
отряды идут ей помогать —
я понял это сразу.
Дробь барабанная,
зараза,
новый фронт.
Но не тот,
который опереточный,
смешливый,
где киндер-сюрприз страны
открыл всем диво.
И камуфляж, и сетки
маскировки —
здесь все не то.
Идут, как северные волки,
глаза горят,
и, видно,
голодны.
Идут.
Флагшток на полстраны,
видать
пришло
время перемен,
которое все ждали
с нетерпением.
Сегодня будут резать.
Нож
и бита
бейсбольная в ответ —
защита.

“Совок” в ней знает толк:
Хрясь и нет. Опыта столько!
А тут все же нож.
Против него не попрешь.
И вечер садится
маревом вязким,
отряды идут,
как солдаты.
Дождались!
Хотели все новый порядок в стране,
бардаком называли
капитала оскал,
олигархов любили
и мечтали о них,
особенно девки, —
продавались за пшик:
какую то
площадь жилую себе,
машинку с Европы,
деньжат —
в неглиже
встречали папашек
облезлых
взасос.
Многие хотели быть олигархами.
Нос
по ветру держали —
не вышло.
Гаплык!
Олигархи — это поросятки
от папы-свиньи,
который с трона их породил.
А что там мечтать? Поздно уже.
Отряды идут,
марева вязь,
флагшток, вот, несут.
И страх покатился
в стороны все —
отряды с ножами
страны в неглиже.

30.08.09

Потоки мыслей,
в них груды желаний:
большинство нездоровых —
богатства и славы,
тщеславия, власти,
удовольствий любовных
с женами чужыми и томными,
для спасения шкуры
и расслабления
бренной
плоти, уставшей
от изобилия яств
и изобилия денег.
Я вдруг взлетаю
с кровати растерян —
откуда такое
во мне
внутри? —
громко
взрывает сознание.
На гадости гонки:
когда в суете
дел и женщин,
выпивки, курева,
не до смешений
хорошего с добрым
и плохим, нехорошим —
просто бежишь,
как по снежной пороше
утром к работе.
Голове — не до мыслей,
весь разбитый,
И вдруг: тишина, покой, —
часами.
Слышишь, идут,
как муравьи, рядами —
страшно от гадости
этих желаний.

Ты смирился,
не до признаний
себе в нездоровье —
строишь планы.
Мыслей
порог
вдруг перед носом —
не перейти,
и ты просишь Бога
спасти,
обрести
Его благодать.
Иначе — яма,
а умирать
рано.
И рьяно
смерть за спиной
руку тянет.
Ты просишь Бога:
душа отлетает!
И в эти минуты
Он все разрешает.
Есть надежда.
А нет —
исчезаешь.

04.09.09

Время во Вселенной
не имеет значения.
Один, ранней весной на рассвете,
в белом цветении садов,
быстро и больно
уходит по предназначенью,
оставив в слезах родных.
Так рано
поник
его путь.
Казалось, все впереди, без конца.
Но через сто лет —
это все суета.
Он в памяти мира
поэтом, художником,
свечой продолжает гореть.
Сложно все.
Следующим поколениям
это все — в прошлом.
Жизнь не одного человека
тянется волоком:
лямка от плуга
на мощных плечах.
Плуг поржавев
в придорожных кустах —
так и не сеял,
а, может, хотел?
Плуг-то нашел,
и лямки одел...
Но не сложилось.
Жизнь тихо шла.
На хилых плечах
тащили его, и с ним —
всю семью,
а он говорил про весну,
что время вот скоро,
и поле всех ждет.

Но солнце светило
в траву молодую,
и так хорошо полежать
на ней...

Плугу
все ждать оставалось
работы,
но время с металлом
справлялось —
с заботой
съедала все ржа,
лямки въедались
в плечи
и там остались
навек.

Что время?

Тихо идет.

Не мне судить,

я не Бог,

судьбы чужие,

судьбы людей.

Звезда с небосклона,

и ветер твердей

на сильных от неба —

им устоять.

А мне б научиться

не подражать,

и что-то свое

создать.

Но кто я без Бога?

От него все.

И всем.

07.09.09

В Монако — бал.
Религиозные там демократы,
сами пастора,
и сами в танце,
жен пожилых оставив
в реке той, старой, жизни.
Холеные, богатые.
До тризны —
далеко.
Их не берет ничто.
И пастора, и их красотки
танцуют танцы —
“элита” Украины жлобства
в отелях золотом украшенных —
а князь сегодня с нами.
В какой-то мере
ему стыдно
с ними,
но они ждут его.
Как ждут!
Им не хватает
монаршей ласки,
так, для понта, или даже
для ублажения
савраски,
которая воз тянет,
где их души.
Души гнилые,
и савраске
надоел тот запах,
но она — раб, и за клок сена
служит пасторам
церквей каких-то странных.
Сам дьявол
на танцы
здесь, в Монако,
прибыл рано

в виде красавицы
вином упитой
с крана,
откуда капают монеты,
вина, страсти.
Кран тянет жилы из людей
страны не даром —
гуляют пастора
в “Депари” — отеле баре.
А люди в Украине
льют пот и кровь, и слезы,
все на выборы надеясь.
А пастора
гуляют,
и гулять будут
до последнего
с несчастной страны цента.

12.09.09

День рождения отпраздновать
в Монако,
лучше — в Ницце или Каннах,
потом раком
в номере гостиничном
качаться в такт
головокружений сильных
от деньжищ, вина.
Ох и картина!
Градом правит чудо —
с туалета платного
кассир,
что взлетает
выше “крыши”,
которой отстегивал
часть налички
от прибыли базарно-туалетной.
Город князя святого
отдан нелюдям
за любовь немного,
а немного за деньги,
и ту верность,
что своим чертям
служить примерно
обязались.
Народ стенает,
как в дурдоме:
то туда,
то так —
не знает,
что с ними будет завтра,
вечером и ночью.
А пока таблетки,
и цепочки
на дверях палат
повисли тихо.

А в Монако,
раком, в кайфе
превеликом
“чудо” мира
“чудо” города
гульванит.
А народ стенает,
но еще
доволен.

12.09.09

Осень тихо вошла в свой час
еще по летнему, с теплыми днями,
ярким солнцем в голубых небесах,
согревая все про запас,
и листва, пожелтевшая вдруг,
шуршит под моими ногами,
стаи птиц все на юг, на юг —
остаются самые бывалые.
Ворон серый глядит в окно
с крыши соседней красной,
ветер перьями
перебирает,
и глаза умной птицы
в мои —
ворон друг много лет
со мною.
Осень, ты не спеши
туда, в дождь, мокрый снег.
С бедою
для меня мрачность неба
всегда:
уносят они навсегда
моих близких людей,
и братьев
тех, что птицы, деревья, коты,
тех, кто дорог сердцу —
раны
остаются в груди...
Осень, ты не спеши,
со своими сырыми дождями,
пусть еще будет солнце
и свет,
и лазурь в небесах...
Осень, ты подожди!
Но не остановить
Божественный
ход природы.

12.09.09

Август, ночь,
мерцанье звезд,
вечер прохладный, звонкий,
воздух свежит, бодрит,
иногда пролетают звезды,
и луна
освещает путь —
лунной дорожкой
волны плывут,
серебрясь под серым светом,
и мне мысли жгут.
В сердце нет давно покоя,
гложет суета и скука.
А, может, так надо?
Но мне хочется
по дороге лунной, ночью,
на волне качаясь легко,
посмотреть
на мир в простоте:
ты один,
и можешь
найти тот свет,
что внутри тебя,
и хоть немножко
отойти от капризов мира,
от его постулатов, денег, —
просто жить.
Свобода в цене.
И цена ей — не грош с народа.
Свобода — святая,
и к ней —
вечной борьбой с собою
по лунной дорожке
или просто по полю идти.
Свет внутри открывает путь.
Он, как искра,
лишь мгновенье.

Мне б его в себе
замкнуть...
От него и придет озарение.

12.09.09

Сила привычки
крушит силу воли,
сила привычки к пороку
ради счастья земного.
Сила воли
уходит, как пар,
освобождая дорогу
привычкам,
и речке пороков,
бегущей к морю, —
морю пороков.
И что ж сила воли?
Прекрасный, порочный
поток
несет и несет
дары наслаждений,
изведанных ранее,
добавленных новыми
игрострастями.
Тело в ритме таких наслаждений,
и мозг получает
долю свою:
сознание в мареве,
в кайфоплену.
И что сила воли?
Она шестерня,
вращается валом,
и вся та фигня
цепь замыкает
на кайф,
кайф привычек,
пороков.
А речка несет,
силу воли вращает,
и нужна она
только тем, кто знает
как с нее получить
купоны и власть.

Сила для воли
не та,
не оттуда,
воля эта —
просто паскуда.

15.09.09

Черная туча в голубом небе
пронизана солнцем,
среди облаков белых —
потерянная птица
оторвалась от стаи
шквалом дождя
и бури.

Силы хватило
оставить и уйти
островком боли
к солнцу и воле —
плывет с облаками
белыми, белыми,
лебедь черным
в голубом небе,
отдавая себя по частям
небу.

Сколько ей жить
в этой Вселенной?
Но все похоже
в мире природы —
черная туча
под золотым солнцем
оставила край свой,
и ушла сторонкой,
оторвалась от матери,
огромной, в полнеба.

Вот так и люди.

Ищут хлеба,
хлеба со счастьем,
много, и сытного,
уходят в дорогу,
оставив родителей,
оставив край свой
и, часто, родину.

Дух мятущийся,
мир огромный,
но годы уходят
часто напрасно:
поиски, поиски
жизни прекрасной.
С чем сравнить
эталон счастья?
Человеческие потемки.
Все напрасно,
и времени мало,
сердце стучит неровно.
А где и в чем смысл всего?
Человек в дороге —
безусловно, прекрасно,
но не за счастьем
в путь пусть выходит.
Вымысел, сказки
о праздниках в бурях —
мы не для этого
на Земле-планете.
Спросите у тучи,
она вам светит.

16.09.09

Закостенелое оскотенение,
когда вся голова — одна лишь кость,
глазищи выпучены от ожирения:
по грамм пятьсот за день прирост
как свиньи
во времена “совка”,
но скот измучили до кондака,
изрезав все
что шевелилось —
остались остоны от ферм.
И что в скоте было
не лучшим,
ушло,
в элиту драную переселилось
с болот и ям
и воплотилось в них
по всем бокам.
Есть и нормальные,
по виду внешнему,
но то — лишь вид,
хирург, — сам черт, —
фигуры вышколил
запутать гроб
с рождением света —
и удалось.
Ты видишь сам.
И люди дикие
страны Советов
дрожат при виде
элитоферм,
а они в группах
и блоках каменных,
стенкой на стенку,
аж шерсть горит,
а мужики служат холоуями,
бабы — холоуянками. И ничего.
О правдолюб!

Мечты о жизни
в правде,
и все о совести.
А где она?
В костях головешек,
или в жирах тех,
что висят
на телефабриках
на телеважностях
народ шугают,
а в праздник — манники
смердам: салют,
парад,
облом.
Откуда все?
Может, со сна?
Может, из книг?
Фентези кокса?
Не может быть
реальность скотства,
когда в других
путь в небеса.

19.09.09

Не все мы знали,
народец слабый,
что-то с мозгами много лет,
а нам и ввали,
и обижали,
и обещали,
едрена мать,
акции, банки,
приватбумаги —
на все, что есть и будет вновь.
И мы отдали остатки массы
серой
мозгов —
а на фиг нужно
носить ту ересь:
и сотрясение, и инфаркт,
инсульт, и прочая
дефектность часто?
А так — все власть.
Они несут.
Им это нужно.
Этой массы
серой, с извилкой,
так много тонн —
они ж старались!
Но мы остались
среди массы жидкой —
такая вонь!
И слушать дальше,
и видеть это:
шайки-лейки,
пьяная синь
жрет апельсины —
везут машины
еще, еще.

А нам что делать
среди балагана,
в угаре спирта
и новых слов:
“фьюрчер”, “бартер”?
И по спирали их сотки — нам,
а им — фурор:
у них — все наше,
а нам — тоска.
Отдали сами
мозги с мозгами,
пусть хоть какие,
но с них был толк:
чуть-чуть надежды...
А что сейчас?
Пустые чаны,
чахлый огонь,
и снова —
вонь.

19.09.09

Крихітка до крихітки туман збирається
над озером вечірнім,
і тиха гладінь води
прийма в свої обійми
рожеве небо призахідного сонця,
і в дзеркало води дерева
пірнають в глибочінь
зеленого туману.
І тиша,
і цей світлий вечір
назавжди зі мною...

22.09.09

Содержание

В далекую вечность	
“Жаркие ночи весенние...”	4
“Перекошенные лица...”	5
“Через стекло окна...”	7
“Кровь сколько будете...”	8
“Мелкий-мелкий морсящий дождь...”	9
“Дуб устремил...”	11
“Наступит день...”	13
“Огромные программы...”	14
“Рождение весны...”	16
“Разум и ум...”	17
“Из серого неба...”	18
“Дорога петляет по лесу...”	19
“Безразличие к событиям...”	21
“Старые хаты...”	23
“Папики, девки...”	26
“Перезвон колоколов...”	27
“Горечь утраты...”	28
“Годы, как листья осенние...”	29
“Несется что-то и куда-то...”	31
“Звуки скрипки...”	33
“запах любви ...”	34
“Грозный взгляд...”	36
“Бред, выдаваемый за действительность...”	38
“Комсомол Ленинский помните?...”	40
“Дома архитектуры старой...”	43
“Я проснулся...”	45
“Мне бы забыть начало...”	47
“Большие партии...”	49
“И снова день...”	51
“Монастырь в чистоте двора...”	52
“Боже! Ти чуешь мои слова?...”	54
“Небо куполом над нами...”	56
“Страна зашла в какую-то мглу...”	58
“Ночь подступает...”	60
“Дорога. Трава и теплый песок...”	63
“Март. Солнце с ветром...”	66
“Шум автомобилей...”	67
“Километры стирают шины колес...”	69
“Поэзия — это красивые слова...”	71
“Я выше всего, что ниже меня...”	72
“Лежат финансы...”	74
“Видлітають птахи у вирій...”	76
“Развернутых линий...”	78
“И снова бесы кружат...”	80
“Взрыв злости...”	82
“Грязь городов...”	83
“В сумраке комнаты...”	84

“Волны света...”	86
“Мама! Мысли-слова несутся...”	87
“Бело-розовые сны...”	89
“Серьезные лица...”	91
“Поворот. Сбрасываю ход...”	93
“Весна. Апрель...”	95
“Рвутся струны гитары...”	96
“Бог и я...”	98
“Закрываю глаза...”	100
“Не пытайся познать глупость...”	101
“Дым от костра...”	103

Полет за мечтой

“Из этого тела...”	106
“Я сегодня думаю без зла...”	108
“Мир, который мне больше не снится...”	110
“Открылась дверь...”	112
“Лучи, как из света...”	114
“Слава Тебе, Господи...”	115
“Белые аисты — символ весны...”	116
“Волны синие...”	117
“Белый цвет закрыл окно...”	118
“Красная площадь...”	119
“Орел или решка?...”	121
“Уже юность не вернуть...”	123
“Красных тюльпанов лепестки...”	125
“Колонны машин...”	127
“В небе ночном...”	129
“Я устал от вашей страны...”	131
“В белом цветущей сады...”	133
“Заведующий торговым отделом...”	134
“Кладбище в солнце...”	135
“Белая вишня с огромными ветками...”	137
“Весна в цветущей красок...”	138
“Ночью твой образ...”	139
“Я страдаю не просто так...”	140
“Я становлюсь крепче и сильнее...”	141
“Двадцать перше століття...”	143
“Мне хочется плакать...”	145
“Свет и тени...”	147
“Ветер срывает цвет...”	148
“Круг за кругом...”	149
“Лидер крупной партии...”	151
“Отребье, отребье!...”	152
“Я бегу к тебе навстречу...”	154
“В черной туче небо...”	156
“В движении темени...”	157
“В моем характере...”	159
“Милая, там, далеко за облаками...”	160
“Охалка сирени...”	162
“Моя агрессия ранит мое сердце...”	164
“Бархатным покрывалом...”	165
“Ночь, и свет луны в окно...”	167

“Мыслей потоки...”	168
“Я люблю, я тобой наслаждаюсь...”	170
“Вода на землю...”	172
“Красный и синий...”	173
“Маргинес и бомжи...”	175
“Слезы счастья на твоих глазах...”	177
“Снова скрип двери...”	178
“Щелчок затвора автомата...”	180
“Который раз за день...”	182
“Грусть червяком...”	184

Город уходит

“Я славлю Его...”	186
“Мир как на воздушном шаре...”	188
“Капли воды стекают...”	190
“Дым над лесом...”	191
“Яблук червоних і білих...”	193
“Рвутся к власти гниды!..”	194
“Город из снов...”	196
“Ветер кружится...”	197
“Высокая башня...”	199
“Ночь. Кромешная тьма...”	201
“Каждый умный...”	203
“Ветер, ветер...”	205
“Боже! Великий!..”	206
“Я помню и ты помнишь...”	208
“Луна и любовь...”	210
“Я открываю ход...”	212
“Страх твой пусть идет восвояси...”	214
“Я вас понимаю...”	216
“Что есть жизнь человеческая?..”	218
“Дождь косой по траве зеленой...”	220
“Площадь взрывается шквалом эмоций...”	222
“Что в жизни хотел...”	224
“Неба голубого бесконечность...”	226
“Гром с небес...”	228
“Акации с белым цветом...”	230
“Моя душа не знает покоя...”	231
“Сон небутия...”	233
“Откинуть напрочь совесть свою?..”	235
“Не плачь, дорогая...”	237
“Легкий дождь с утра...”	239
“Сеня шустрый...”	240
“Мне бы уйти...”	242
“Птицы в стае...”	244
“Воскресный день...”	246
“О тебе писать и думать...”	248
“О как мне трудно...”	249
“Я люблю тебе там...”	251
“Мне не обнять тебя...”	252
“Тяжесть свинцовая...”	254
“Сквозь линии дождя...”	256
“Невидимой тенью...”	257

“Первые лучи на рассвете...”	260
“Весна и свет рядом...”	262
“Разбиты и сломлены иконостасы...”	263
“Поэзия — это надрыв...”	265
“Поиски вечной любви...”	267
“Я постараюсь подняться...”	268
“Я глажу тебя и ласкаю...”	269
“Мне бы увидеть тебя...”	270
“Туманы и костры...”	271
“Я любим и ты любима...”	272
“Столько лет мир идет...”	273
“Белый иней серебром...”	275
“Снова встретил я тебя...”	277
“Я никого не сужу...”	278
“Удар ногами в дверь...”	279
“В жарком мареве...”	281
“Красный закат...”	283
“Попусту слова...”	285
“Жизнь без тебя...”	286
“В вихре солнечного света...”	288
“Свист пуль пролетающих мимо...”	289
“Черными тучами день кончается...”	291
“Мне снова лицо твое...”	292
“Летопись времени...”	294
“Маревو света...”	296
“И стыд мой гонит меня дальше...”	298
“Я проклиная те дни, когда...”	299
“Война в сознании...”	300
“Радость по свету...”	301
“Тебя нет который день...”	302
“Пространство мрака...”	303
“Дорога в июле...”	305
“Тебя нет...”	307
“Белый лист...”	308
“Слезы на моих глазах...”	309
“Я сегодня пустой...”	310
“Я обрел здесь свободу...”	312
“Мне не нужна твоя помощь...”	314
“Солнечный свет в летнее утро...”	316
“Тебя я встретил жарким летом...”	318
Я обретаю свободу	
“Что жизнь сегодня?...”	320
“В хижине скромной...”	322
“Ради эмоций...”	324
“Смена поколений...”	326
“Ты хочешь спать...”	328
“Твои-то годы!...”	330
“Встаю с рассветом...”	332
“Твои гневные слова...”	333
“Я пью тебя каждый день...”	335
“Музыка дождя...”	337
“И снова встреча...”	339

“Сколько гнева в душе?...”	341
“Огонь любви...”	342
“Свет души растерян...”	344
“Я получил вчера свободу от женщины...”	346
“Ты глубоко в моем сердце...”	348
“Если женщина вдруг...”	349
“В напряжении жду...”	351
“Ты не та, кого я ждал...”	353
“Бронзы тонны...”	354
“И снова встреча...”	356
“Прости меня, мою грубость...”	357
“Твои поцелуи...”	358
“Я схожу за тобой с ума...”	360
“У каждого своя беда, свое горе...”	361
“Дерибанили Совети...”	367
“Страх с утра пришел...”	369
“Всю жизнь я в поисках...”	371
“Цей біль — мій...”	373
“В полном сознании...”	374
“Вдаль умчит тебя поезд...”	375
“Лес на километры...”	376
“Ваши глаза и ваша улыбка...”	378
“Реки Сибири повернуть...”	380
“Новости, новости, новости...”	383
“Моя ты боль...”	385
“Сумерки. Серости цвет...”	387
“И снова снится мне моя война...”	389
“На светском приеме...”	391
“Зеленые листья с зеленой травой...”	393
“Красивая лошадь...”	395
“И снова жарким днем...”	397
“Боль рвет руки, ноги...”	399
“День особенный...”	401
“Так часто хочется подсмотреть...”	403
“В потоках ветра...”	404
“Под вечер в день воскресный...”	405
“Потоки мыслей...”	407
“Время во Вселенной...”	409
“В Монако — бал...”	411
“День рождения отпраздновать...”	413
“Осень тихо вошла в свой час...”	415
“Август, ночь...”	416
“Сила привычки...”	418
“Черная туча в голубом небе...”	420
“Закостенелое оскотенение...”	422
“Не все мы знали...”	424
“Крихітка до крихітки туман збирається...”	426

Літературно-художнє видання

Можаровский А.И.

М75 Я сын травы, деревьев, птиц... Поэтические тетради. Т.2. — К.: Неопалима купина, 2010. — 432 с.

ISBN 978-966-8093-90-6

ISBN 978-966-2002-03-4

Книги Анатолия Можаровского — своеобразный поэтический дневник человеческой души, искренне стремящейся к Любви и познанию Божественных истин в ледящем одиночестве терзаемого греховными соблазнами мира.

УДК 821.161.1-1

ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний редактор
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художник
Валентина ПРОТОПОП

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 16.11.2010.

Формат 60х100 1/16

Фіз.друк.арк. 27,0. Ум.друк.арк. 29,96.

Зам. №

Видавництво «Неопалима купина», 01204 м.Київ, вул.Банкова, 2.

Свідоцтво про реєстрацію суб'єкта видавничої справи —
ДК №855 від 18.03.2002.

Віддруковано у Видавничо-поліграфічному центрі «Київський університет»

01601 м.Київ, бул.Т.Шевченка,14, кім.43

Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.